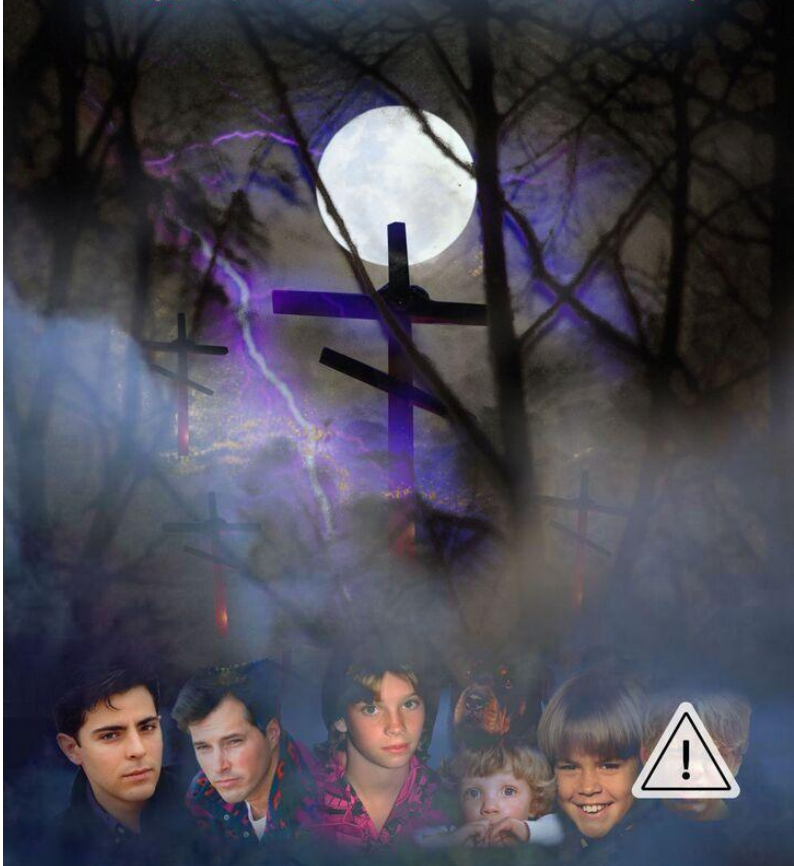

18+

Ирина
УАМАН ЯНКСЕ

ЧЕРНЫЙ СТРАХ

Ирина Янксе

Чёрный страх.

Психологический триллер

<https://litres.ru/74319198>

ISBN 9785007090971

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Психологический триллер с драматичными судьбами героев. Родители с двумя сыновьями и дочерью покупают в деревне дом со страшной историей. На спор с местными подростками, не веря в легенду, младший сын снимает рушник с могилы владельца дома. Потревоженный мертвец является за своим и жестоко убивает смельчака. Все подростки жестоко убиты, из семьи выживает только дочь. Ей удаётся с помощью влюблённого в неё парня утихомирить мертвеца, но надолго ли...

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Новые жильцы старого дома	9
Роковое знакомство	26
Страшная беседка	46
Переступив черту	96
Игра сделана	116
Он пришёл	141
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Чёрный страх

Психологический триллер

Ирина Леонидовна
Уаман Янксе

© Ирина Леонидовна Уаман Янксе, 2026

ISBN 978-5-0070-9097-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Уаман Янксе
ЧЕРНЫЙ СТРАХ

© Ирина Уаман Янксе, 2005 г.

Уаман Янксе Ирина (родилась 8 января 1970 года) — актриса, писатель, сценарист, телеведущая, автор телепрограмм, телережиссер, корреспондент, журналист, создатель и продюсер всех проектов «Звезды в защиту животных», генеральный директор АНБО по защите животных «Клуб добрых сердец».

Образование — окончила (1991—1995 годы) Всесоюзный государственный институт кинематографии им. С. А.

Герасимова, актерский факультет, мастерская А. Джигарханяна и А. Филозова.

Автор 164 повестей, романов, киносценариев. В жанре триллер, фантастика, детектив, драма, трагедия, поэзия.

Глава 1

Посвящается памяти Машиковой Марии Петровне, моей любимой, доброй бабушке.

Предисловие

Дорогой и уважаемый мною мой читатель, спасибо, за то, что ты читаешь мою книгу! Книга «Чёрный страх» была напечатана в 2005 г. в типографии «Транзит-Икс» малым тиражом, но попала в Российскую государственную библиотеку. Это не просто триллер — это психологический триллер, где при закрученном, интригующем сюжете с кровавыми жесточайшими убийствами и о судьбах, характерах, стремлениях, мечтах, чувствах, взглядах героев, а также о социуме, в котором развиваются эти трагические события. Один сюжет — это же не интересно. Как сказали ридеры в США триллеры у меня как у Стивена Кинга не только один сюжет, а философия, психология жизни героев, проблемы времени. Я начинаю путь в интернете к своему читателю с этой повести доработав её к более современным проблемам в 2018—2021

годах.

Я знаю, что все то, что я написала 164 произведения (романы, повести и киносценарии. В жанре триллер, фантастика, детектив, драма, трагедия, поэзия), и что бы еще хотела написать, мне при жизни издать не удастся. А хотя как знать, что может человек знать заранее в своей судьбе. С возможностями всемогущего интернета уже не надо завесить от благосклонности издательств, искать связи, деньги или подстраивается под временной ширпотреб обезличивая своё произведение. Я верю в глобальный интернет, где у каждого есть возможности представить читателю творчество. А у читателя огромный выбор и свобода высказываться и это величайшее достижение человечества!

Сейчас ты прочтешь психологический триллер, но... даже в триллере ты найдешь (я искренне надеюсь на это), ответы на терзающие тебя вопросы, узнаешь в героях моей книги себя или увидишь свои стремления, а может быть и свои ошибки и даже поражения. Знаешь, я сама сопоставляла и сопоставляю свою жизнь с книжными героями, наверное, мы люди в большинстве своем хотим этого. И отчасти это правильно, ведь иногда терзающий нас вопрос, и даже жизненную проблему можно разрешить, прочтя, то, что близко именно тебе и твоим проблемам. Среди моих произведений не только триллеры, но и фантастика, детективы, драмы, трагедии людей и животных, даже поэзия в общем все жанры, кроме комедий, я не могу смешить людей, ведь в челове-

ской жизни преобладают печаль, потери, проблемы и... просто ускользающее время жизни и это очень грустно.

Если ты, мой дорогой читатель испытывали грусть, глядя на угасающий день, то меня поймёшь. Часто даже при самых близких тебе людях ты не можешь почему-то, сам не зная почему, высказаться, раскрыть свою душу, а если и можешь, опять же частенько случается так, что люди не понимают тебя, не от того, что не хотят понять, просто они другие...

Не надо на них обижаться. Мир каждого живого существа неповторим и найти двух одинаковых живых существ невозможно. Оставайся собой, твоя правда жизни не должна изменяться лишь потому, что ты хочешь кому-то угодить или под влиянием обстоятельств. Только в том случае ты должен менять свое мнение, если осознал, что был не прав, (кстати, так часто бывает), но только твоё сердце сможет подсказать тебе путь дальше.

Я посвящаю эту книгу моей бабушке, самому любимому мне человеку, увы, уже не живущему в нашем мире. Именно она, когда-то в детстве рассказала мне страшилку, ну как всем детям, но... наверно это и стало зовом писать. Я люблю и буду любить бабушку всегда.

Я хочу обратиться сразу ко всем читателем высказав мои основные ценности. Любите и Вы своих близких, родных, дорогих Вам людей, животных, растения... любите всё, что Вы хотите любить и не стесняйтесь этого! Потому, что жизнь человеческая слишком коротка и, если Вы живете только

«Собой», Вам нечего будет вспомнить, уходя в мир иной и Вы ничего не оставите после себя в этом мире, даже воспоминаний.

Потому, что воспоминания Ваших достижений никогда не будут такими искренними, чем воспоминание о проявленной Вами доброте. Гордитесь добрыми поступками, ведь мир людей жесток и, если Вы не плывете по течению, Вы уже личность!

С добром и любовью к Вам мои дорогие читатели Ирина Уаман Янксе. Будьте добрыми ко всему живому в жизни, а в фантазиях будьте свободными.

P.S.

«Тень теней, жизнь людей... тень... тень... ускользающее, как лучи дневного света, жизни дарящего солнца, время сквозь пальцы... смерть всегда рядом с человеком, надо или остается лишь одно оставить свой след на Земле, добрый след, иначе он быстро сотрется и канет в бытие Вселенной, ведь зло это временное и даже ты на смертном одре не будешь гордиться своим злом, живущем в каждом человеке, но побежденном лишь немногими, избранными»

Глава 2

Новые жильцы старого дома

Очень немногие из людей осознают, что, переступив черту уже невозможно вернуться назад.

В затерянной в глуши деревне во Владимирской области, стоящий поодаль старый, обветшалый, двухэтажный дом, находился в таком сильном запущеннее, что от его унылого вида новых хозяев должна была бы брать оторопь. Дом буквально врос в землю, отчего казался неказистым, словно трухлявый пенёк в лесу.

Некогда сделанный из красного кирпича, оштукатуренный и побеленный известкой, теперь дом зиял выщерблинами отвалившейся штукатурки, из-под которой отнюдь нежизнерадостно проступал сыпавшейся от времени и дождей кирпич. Сама побелка, нанесенная, к счастью, за время существования дома, десятки раз выглядела блёклой почти серой.

Глиняная древняя черепица, имела грязно-красно-жёлтый цвет и почти сплошь была покрыта ярким, зелёным мхом. Местами черепица попросту отсутствовала, покинув крышу в одну из местных бурь, благо бури в этих местах совсем уж тихони, и редко оправдывали своё название. Гнилые стропила, балки, доски зияли под крышей дома, покрытые не только естественной плесенью, но и в некоторых местах

самыми, что не есть настоящими грязно-коричневыми грибами.

Прибавьте к этому, повсюду на окнах и дверях облупившуюся краску. Три перекосившихся уцелевших ставни из должных, как минимум двенадцати, на ржавых режущих слух петлях. Сплошь заросший бурьяном, попросту не мыслимой высоты, не то сад, так как помимо двух яблонь, изувеченных стихией и старостью, растерзавших их на пополам, здесь кое какие деревья ещё жили, не то двор. И наконец, обвалившейся единственный деревянный сарай, и едва стоявший на ногах хлипкий заборишко. Вот, вы и получите, полную картину, новоприобретенного жилища семьи Минаевых. Ах, да в немыслимых зарослях едва виднелась некогда очевидно белая деревянная беседка, но о ней чуть позже, так как весь кошмар с неё и начался.

Семья Минаевых состояла из отца, матери и троих детей. Отец, Роман Леонидович, являлся начавшим лысеть и сидеть тщедушным, но с округляющимся животиком мужчиной лет сорока пяти. Со стороны он выглядел как тип лентяя с отрешённым взглядом из-под насупленных мохнатых бровей и походкой футболиста, тянувшего добавочное время до финального свистка. Этому способствовали и вечно недовольное выражение лица, подёрнутые пеленой безразличия, затуманенные глаза, словно он всё время был одурманен наркотиками, к которым, как и к сигаретам в жизни не прикасался. Впрочем, и выпить Роман Леонидович мог только по

значимым праздникам и то пиво, в крайнем случае, бокал шампанского в Новогоднюю ночь. Трудиться он и вправду не любил прямо-таки ненавидел физический труд. Однако свою профессию он любил и работал самоотверженно часто сверхурочно и по выходным изредка удавалось найти подработку, а так за гроши вкалывал неплохой специалист. Ужасным в характере Романа Леонидовича было, что он не умел слышать людей или не хотел (как впрочем по молодости и жена) и если что-то вбивалось в ему голову то прав он или нет переспорить его не представлялось возможным хоть убей он стоял бы на своём — этим он терроризировал близких, а вот на работе однажды будучи уволенным за подобное, предпочитал отмалчиваться и лебезить перед начальством.

Мать, Клавдия Сергеевна худощавая женщина с пшеничными по плечи волосами выглядела для своих сорока трёх лет моложаво, в её манерах не исчезла детскость, а в одежде (преимущественно джинсы и рубашки на выпуск) подростковый стиль. Только уставший последние лет пятнадцать взгляд правдоискательницы больших серых глаз с поволокой выдавал, что детская писательница сказок и рассказов, уже взрослая разочаровавшаяся в жизни женщина, автор множества книг, плохо продающихся даже в интернете и это естественно — пропаганда Добра как главного в жизни, непродаемая. Ранимая и в тоже время одержимая своими идеями, чуткая, но вопреки своей сущности справедливо жёсткая ко злу, азартная к делам и впадающая в уныние от пролетающей

жизни мимо и в депрессию от бед Клавдия состояла из столь разных граней что жизнь её просто не могла быть лёгкой.

Старший сын Борис в отличие от неряшливого отца и простоватой к выбору одежды матери следил за выбранным им в годы становления самостоятельной личности деловым преимущественно классическим стилем. Парень одевался не дорого, но как с иголочки ладно и аккуратно сидела на нём одежда из-за его педантичности и бережливости. Даже работая во всём чёрном джинсах, футболки и кроссовках он выглядел элегантно. Юноша унаследовал глаза матери и густые тёмные волосы, а также средний для семнадцатилетнего парня рост отца. Борис заканчивал школу и собирался в институт. Несмотря на то, что парень учился без троек, на бесплатную учёбу в институте, рассчитывать не приходилось.

После развала СССР, стало платным высшее образование, фактически и медицина да многое что при социализме давало государство, а при капитализме должен был отчасти покрывать социаль до которого в новой России было ещё далеко. Ну и как дать выбранную профессию хорошо учившемуся в школе троим детям, когда белой низкой зарплатой отца инженера-химика и скудных гонораров матери не хватало чтобы нормально прокормиться и одеться. Так просто на жизнь Минаевы влезли в кредит, впрочем, как большинство россиян в новой России. Вернуть кредит с каждым годом было всё сложнее цены росли быстрее белых зарплат, а чёрной зарплаты Роман Леонидович боялся-останешься без пенсии,

да и не слышал о таких предложениях для инженеров-химиков, ставших ненужными в связи с массовым закрытием предприятий, работающих при СССР. Кредит отец взял чтобы покрыть протекающую крышу метало черепицей в семьсот тысяч являлся главной причиной продать свой большой, но уже ставший ветшать двухэтажный дом в шестидесяти километрах от Москвы и расплатившись с банком перебраться, где дешевле жильё, в глухомань.

Конечно, они бы перебивались скудной пищей в конце концов как многие россияне набрали бы кредитных карт на покупки усугубив своё и без того тяжёлое материальное состояние, но на образование старшего сына денег не предвиделось накопить — всё высасывали кредиторы. А ведь Борис уже в пятнадцать лет, отбросив все занятия, не касающиеся им выбранной к тому времени профессии экономиста, засел за математику, которую никогда не любил, и в школе по алгебре выше четвёрки раньше не получал. Также он с рвением стал постигать прочие необходимые экономисту предметы. Борис решив стать экономистом вовсе не собирался работать всю свою жизнь по профессии. Образование — это начало его пути в бизнес, в большой бизнес, к собственной компании, к мечтам мамы, которая уж он то знал, в душе всё ещё продолжала мечтать, просто никому не говорила об этом. Борис за год сделал свою школьную успеваемость с хорошиста до отличника, ходил на все возможные, бесплатные подготовительные курсы, и уставая от бессонных ночей, про-

веденных за книгами, верил, что непременно настанет время, когда он покажет упрямому, не во что неверующему папочки, что может сделать человек, даже начиная с нуля, если он верит в свои мечты. А Борис верил. И считал первопричиной всех бед бытовые неурядицы.

Борис, хотя и был не по годам скептически настроен к жизни, не осознавал в полной мере, что такое иметь свой бизнес в России, где «правда» вся у власти, а вместо или вместе с рэкетом девяностых крышуют полицаи. В таких обстоятельствах, да ещё меняющихся постоянно законами и постановлениями, бизнес умом, трудом и идеями ни удержать. А жёстким лицемером, приспособленцем ни взирающим на мораль, нравственность, честность, порядочность и добро Борис вряд ли бы стал или стал? Считается этому не научишься если не родился таким, ни впитал в семье. Хотя Борис последнее время (продажа дома подействовала) проявлял цинизм, но жестокость была врагом матери номер один и он впитал это, как и все дети Клавдии Сергеевны с малых лет. Юноша не мог принять реальность хотя о имеющим место быть полицейском беспределе говорили все: близкие и чужие, с экрана телевизора и в интернете. Но и то, что страна развивалась пусть с ошибками и долго, но шла вперёд к цивилизованной жизни граждан (а есть ли где она в чистом виде, если всюду есть убийства и насилие?) он так же видел и слышал.

Лица, расторопная смышлёная девушка среднего роста

весьма симпатичная в маму блондинка, и не по годам для своих пятнадцати рассудительная (предпочитающая, как и мама платьям — джинсы и просторные футболки, и такая же ранимая и чуткая), выбрала уже тоже профессию ветеринара. Вопреки отличным оценкам в школе и желанию матери видеть дочь пианисткой, и переезду в глухую провинцию скорее обрадовалась в сельской местности животных больше. Десять лет усердных занятий в музыкальной школе и все усилия матери моральные и материальные, канули в бездну. Повзрослев Лика, смирилась с тем, что не берёт призовые места на конкурсах юных дарований, по которым её затаскала мамочка, и поняла, что любит помогать животным. Любовь к животным дочь унаследовала от матери, и Клавдия Сергеевна была бы рада выбору дочери если ни одно, но... профессия ветеринара в России непрестижна и малооплачиваемая. А для собственной ветклиники нужен опыт и стартовый капитал и если первое дело времени, то второе, когда кредиты-вампиры не станут с варварскими процентами и будет нормальная зарплата чтобы оставалась для накоплений в России не предвиделось во всяком случае на протяжении трудоспособной жизни Лики. Тем не менее мама сама всегда сильно сострадавшая боли всему живому, особенно безвинным животным, преклонялась перед благородным порывом своей самоотверженной дочери, и отстояла её выбор перед посягательствами отца. Главное, считала Клавдия Сергеевна заниматься любимым делом, ей уже пришлось столкнётся

ся с отстраненностью от любимого дела, и она не желала дочери перенесенных ею самую разочарований. Сейчас Лику и маму объединяло одно важное для их душ — они сучали по отвезённым на попечение бабушки в деревню на время ремонта кисам: старенькому Бозику, ласкашке-мурлашке подростку, как и все подобранному с улицы Мяукало и важной задире атаманши в возрасте Мурки и метису дворняги с овчаркой Бэку найденному матерью с перебитой лапой щенком. У бабули свои хвосты и как там они уживутся одному богу известно.

Двенадцатилетний блондин симпатяга с пружинистой походкой Алик задорный, любознательный, лёгкий на подъём и всегда в отличие от родителей оптимистичный, ни коим боком не был причастен к этому переезду. Он ничего не решал и ещё толком окончательно не определился со своей профессией, до которой ему пока, что было далеко. Его последнее решение стать каскадером, старший брат высмеял, отец отругал, а мама с сестрой, лишь покачали головами. Единственное с чем он определился и что любил был хоккей. Мальчиков в секцию хоккея отдала мама едва им исполнилось по шесть лет. Алик трудолюбивый и шустрый сразу же преуспел в игре. Он со своей виртуозной скоростью, а главное бесшабашной смелостью, мог вполне стать вторым Павлом Буре, при условии, что уедет отсюда в спортивный, столичный интернат, который уже определила мать. Особо и выбирать не пришлось, младшенький уже два года играл на-

падающим в детской команде московского «Динамо» и голов на его счету было предостаточно. Обстоятельство жизни вне семьи, похоже не тяготило выросшего на книгах о приключениях мореплавателей-путешественников ребёнка, он любил и семью и хоккей, и мама обещала о возможности часто навещать друг друга.

Борису же, с хоккеем не повезло. Ему всегда не хватало для полевого игрока скорости, а для вратаря реакции, да и не прельщала его вратарская перспектива, ему нравилось быть нападающим, хотя особой смелостью он никогда не отличался, да смелость и вратарю нужна. В четырнадцать лет, так и не добившись особых достижений на хоккейном поле, Борис получил серьёзную травму мениск и даже небольшое повреждение позвоночника. Он перенёс операцию на колене, долго провалялся в больнице, и потом полгода не мог по предписанию врачей заниматься спортом. Это обстоятельство послужило ему поводом для ухода из хоккея. После этого, даже играя в хоккей с младшим братом, Борис ощущал, как от страха становились влажными его ладони, и хотя он смог со временем преодолеть свой посттравматический страх, всё же пришёл к логическому заключению, что для того, чтобы стать посредственным хоккеистом, какой-нибудь второй лиги, усилия не стоят результата. Сам Борис не особо жалел о своем уходе, понимая, что у него нет таланта хоккеиста, но мама считающая, что ежедневные занятия с самого детства, могут хоть кого и хоть в чём, сделать талантливым, тогда пла-

кала, уединившись, чтобы никто её не заметил, но Борис видел это. Он знал, ещё тогда, будучи смышленным мальчиком, что мама плачет от того, что, ещё одна её мечта умерла.

Затем из увлечений Бориса, был литературно-дискуссионный клуб в онлайн, (Борис что могло навредить ему в бизнесе был не общительным по жизни), в котором Борис обсуждал вместе с другими ребятами, всю значимость серьёзной литературы. Это его занятие было недолгим и скорее требовалось для восстановления духа борца после травмы. Юноша счёл что кроме развития интеллекта и повышения культурного уровня, мировая классика ему не даёт пищи для приближения к поставленной цели — жить обеспеченно. Так как прочтённые примеры успеха в бизнесе применить в новой России с несформировавшимися постоянными законами, рынком, доступными кредитами, крышеванием и отстёгиванием (об этом в умных книгах не писали) для бизнеса невозможно. Борис хоть и юный был целостным человеком и последние годы полностью посвящал себя будущему — бизнесу и скрупулёзно готовился в институт, ему не одному было до горечи обидно, что за знания надо ещё и доплачивать.

Все они, вот уже четвёртый день подряд вкалывали с раннего утра и до поздней ночи. Прерываясь лишь, для того чтобы поест в сухомятку, да поспать на дешёвых стёганных матрасах, купленных в райцентре, разложенных прямо на полу рядком, вдыхая удручающий запах старья и плесени, хотя внутри дом весь тщательно промыли и даже частично

уже покрасили.

С каждым днём Роман Леонидович всё больше хмурился и ругался, обвиняя всех и каждого, как всегда, когда ему приходилось много трудиться. Дети и сама Клавдия Сергеевна изрядно устали, но Клавдия Сергеевна не сдавалась, день за днём отправляя свою маленькую команду на работу. Она знала, надо закончить внешние работы, прежде всего подремонтировать крышу. Конец лета, ещё неделька другая, и зачастят монотонные дожди, а месяц спустя их поджидает хмурая дождливая осень.

Лучи солнца рассеивались в воздухе в предвестии заката. В такую пору Клавдия особенно остро ощущала скоротечность времени и бренность людского существования. Моя, вместе с дочерью окна снаружи, она с тихой печалью взидала на свою семью. Борис (облачившись в фартук и резиновые перчатки) тщательно прокрашивал белой, масляной краской оконные рамы. Алик, не утомимо по огромной охапке, не замечая сбившуюся на бок бейсболку с эмблемой родного хоккейного клуба, сносил в кучи траву, скашиваемую отцом обычной деревенской косой. Добротную косу благо нашли в сарае их маломощному для таких зарослях электрическому триммеру китайского производства «Бош» оставалась обижено стоять в углу мрачного коридора с одной лампочкой «Ильича». Но и коса с зарослями бурьяна выше Алика часто не справлялась и чертыхаясь Роман Леонидович сначала бил и бил по толстым стеблям растений со злостью, словно

озадачившись сломать косу, но лишь выплёскивал злобу всё равно приходилось вырывать бурьян руками в прорезиненных бельевых перчатках.

— Не снимай очки! Засоришь глаза!

В который раз прокричала мать, и сын водрузил очки на глаза. Бейсболка слетела мальчишка тотчас поднял её и бережно отряхнул, хотя таких бейсболок у него было много и гордясь носил он их везде и радовался, когда как сейчас мама (тоже любительница бейсболок) была в «Динамо». Клавдия Сергеевна облегчённо вздохнула, она с высохшими шишечками семян репейника сталкивалась. Как-то в детстве, Клавдия засорила себе глаз подобным образом, с красным непрерывно слезящимся глазом, пронизанным режущей болью, ей пришлось с мамой ехать в больницу, было воскресенье поликлиника закрыта. С тех пор она следила за всеми, кто работал с «возможностью засорить глаза» чтобы одевали очки. А для работы с циркулярной (сама Клавдия прекрасно управлялась с инструментом и дочь научила не женскому делу) даже купила пластиковую защиту на лицо ту, что дворники используют, кося траву, но муж называл её забралом сварщика. Постепенно все кроме мужа и Алика автоматически надевали строительные очки, муж делал вопреки жене и разуму, а сын предпочитал солнцезащитные. Но очки запотевали, и Алик то и дело поднимал их на голову, мысли об опасности даже осторожности похоже не сформировались в его бесшабашной голове, хотя давно было пора.

Клавдия Сергеевна как писала с упоением, так и любила труд, ей всегда нравилось смотреть на дело рук своих, на ставшее красивым убогое место. И она радовалась больше всего за неутомимого младшенького Алик пошёл в неё, мать знала, трудясь, он играет в придуманную им самим же игру, может, воображает себя первооткрывателем в джунглях, вырубаящим непроходимые лианы? Она тоже так играла и не только в детстве! Когда она разучилась играть в тридцать, в тридцать пять, позже?

Тринадцатилетняя «Лада» (купленная уже подержанной) семьи Минаевых сиротливо стояла перед хмурым крыльцом дома, ещё не тронутым ремонтом. Машина словно выдавала немой укор, что про неё забыли. Клавдия Сергеевна могла разговаривать даже с неодушевленными предметами, но сейчас эти мысли не вызвали в ней улыбку.

Она мечтала, сначала, что сама будет жить хорошо, затем была уверена, что её дети избегут нужды, она, теряя одну надежду, находила себе другую. Последние годы её надежды были приземленными, в отличие от её мечтаний в молодости, но и эти надежды она продолжала терять. Она пришла к выводу, что лучше уже не будет, и до смерти боялась этого. Почему-то в этом доме, она всегда радовавшейся обновлению жилья, грустила. И не только по проданному дому, в котором они прожили, как ей казалось целую вечность. И не только по местам, к которым она привыкла. Просто грусть и тоска, заполонили каждую клеточку её существа, и как она

не старалась приободриться хотя бы ради детей, она не могла себя заставить сделать это.

Их жизнь с Романом теперь текла по наклонной. Они начинали, сумев накопить на приличный дом работая, не щадя себя и находя прибыльные ниши в девяностых (благодаря извергающей идеи Клавдии), дарующих возможности, но и реальные опасности которых впоследствии небольшого опыта и испугались муж и мать Клавдии. А какой был шанс реально встать на ноги иметь своё дело с нуля так сказать! И реальный пример двухэтажного площадью двести квадратных метров дома со всеми коммуникациями и газом уже был. Скажите кто и в какой стране может за год будучи студентом сколотить состояние на покупку дома?! Даже в самых цивилизованных странах покупают обычные люди жильё в кредит и выплачивают десять-двадцать лет пол жизни. А супруги Минаевы смогли купить дом так близко от вожаемой страны Москвы в стране Россия, купить правда поддержанный мерседес, приодеться в фирменное, обзавестись тогда ещё настоящей японской техникой в Германии (побывав там 11 раз и не только там!) даже ещё осталось на палатку как подфартило не так ли?! Нет пушкинская старуха, мать Клавдии Екатерина Ивановна не оценила честно заработанный (благодаря смекалки дочери в первую очередь) подарок фортуны. Да она помогала, но она и приделась и, впрочем, себя не обделила. Но что в сравнении с её помощью жить по её лекалам? Она была за дочь при покупке дома, но в остальном

даже в быту доминировала и над дочерью, и над своей матерью. Два против мужа за квартиру в Москве, бабушка похоже всегда соглашалась со своенравной дочкой или вообще разучилась иметь своё мнение устав от прессинга учительницы начальных классов. Клавдия с детства не помнила ни одного случая чтобы было по бабушкиному или по её. Нет, Екатерина Ивановна не была стервой, она была рано разведённой и так и не вышедшей замуж женщиной, которой мужские дела и власть в семье нравились больше, чем женская забота и чуткость к близким. Но и забота о близких была ей присуща так же, как доброта и ранимость. Просто доминировала мужское начало и эгоизм в этой женщине.

Вот и испугавшись однажды «наехавших» на их перегоняемую из Германии подержанную машину молодчиков и набравшись слухов она переметнулась на сторону зятя и выступила против покупки палатки. Так и вышло как говорят прожили проели накопленный капитал на свою торговую палатку (продавался ларёк у метро). Семейный бизнес не стартовал отбиваться от рэкета было некому, а Клавдия со своей справедливостью как уверяли испугавшиеся точно бы спровоцировала убийство в лучшем случае поджёг. Тогда Клавдия слушалась матери во всём и теперь горько жалела об упущенной возможности (видела достижения знакомой с мужем начавших так же и поднявшихся до лидирующей дистрибуторской компании зоотоваров с огромными модифицированными складами и сетью продаж уже по всей России)

и осознавала с высоты прожитых лет, что её любимая мама часто была не права. А в итоге взлетев падали вниз дающие «всё» девяностые таяли в бездну времени одна за другой исчезали под новым законом или занимались более сноровистыми ниши изобилия, возможного изобилия в жизни. При всём этом Роман обвинял Клавдию мол не купили квартиру в Москве просрали деньги! От поганого слова и не честных обвинений годами Клавдия неумолимо шла к нервному срыву, а прижимистой мамаше, знающей о выходах зятя, похоже было наплевать с годами, она всё больше заботилась о себе. И она была на грани срыва подходя к тридцати шести — возрасту осознания чего добился в жизни, если бы не дети, спасаемые ею бездомные животные и творчество выход её первой книги воспрепятствовал жизни в которой действия определяет не разум а нервный окончания импульсивное безрассудство которого так страшилась Клавдия, но шагни она туда и всё назад не выбраться наверное даже мыслящему человеку...

Клавдия была много мыслящим о жизни человеком, но, когда и где они перешагнули черту за пределы стремлений к хорошей жизни и есть ли тот, кто в этом действительно виноват, честно Клавдия не знала. Она осознавала ошибки бывают у всех, но не все скатываются на своё дно. Но она уже не помнила, как давно, два вопроса: «Когда это случилось?» и «Зачем вы это сделали?» — стали основными, и навязчивыми до безумия, в её жизни. Она знала одно, они оба про-

играли в жизни, проиграли по-глупому, из-за своего упрямства и.... страха?!

Она удивилась, вдруг обнаружив, что её печаль, и тоска навеяна страхом! Страхом перед чем? Она же знала, хоть и не могла смириться, что её дети обречены на трудности, как и она, сама. Чего она боялась? Жизнь — это постоянный страх перед плохим, которого в жизни семьдесят процентов, капля равная одному проценту хорошего, остальное просто рутина. Она сама, когда-то до этого дошла, чего же бояться, раз она знает, что там за дверью?!

Но, глядя на уже местами жёлтые, с тихим шуршанием словно прощаясь, опадающие листья в саду, и на своих юных детей, ничего ещё не знающих в этой взрослой жизни, Клавдия Сергеевна почувствовала, как сжал её сердце липкий противный страх и её ладони предательски взмокли. Она чувствовала, нет, она была уверена, что здесь её последний приют, и нового дома уже не будет. Ну и, что же? Она уже хоть и не смирилась, но приняла свою жизнь такой катящейся по наклонной. Сейчас у них должно хватить денег от проданного дома, чтобы сделать здесь ремонт и оплатить учёбу Бориса в институте и интернат Алика. Тем не менее страх непонятный и необъяснимый душил её.

Глава 3

Роковое знакомство

Никому не дано знать заранее, чем для него обернется очередное его знакомство!

Время бежало неумолимо, и вот уже солнечные лучи, нежно ласкающие людей своим светом, который добирался повсюду, по крайней мере, час тому назад, едва проникали в окна, протёртые до блеска. От буйной зелени у дома, внутри дома, даже в самые яркие солнечные дни, было темно и прохладно. Плотное кольцо подступивших к дому деревьев, создавало впечатление, что, дом окружён и забран в плен.

Уже неделю ремонта Минаевы питались в сухоматку на костре готовить времени не было, как и на заготовку дров. Всё по забывчивости закупаясь провиантом, а также краской и прочим необходимым для ремонта вещами по приезду в районе, забыли купить электроплитку. Клавдия Сергеевна обычно всё помнящая (по списку) была всецело занята одним: предупредить свою суетную мать, чтобы та не волновалась, потому что что на новом месте пропадает бывает неделями «Билайн» не ловит сеть и купить кнопочный мобильный, так как по заверениям близнецов он каким-то чудом сеть улавливает хотя в подобные периоды исчезновения сети у сенсорного, слышимость ужасная. Ткачёвы так же советовали, где в городе правда, можно перейти на «Теле-2» с

сохранением номера, но Клавдия Сергеевна не хотела ждать две недели переоформления. Она не была согласна с мнением большинства, что конкуренты выживают друг друга, а склонялась к помехам от военных баз, расположенных в здешних лесах, выживали бы считала Клавдия сеть пропадала бы не на неделю или меньше, а с увеличивающейся прогрессией. Основывала свою гипотезу Клавдия Сергеевна на одном примере радио в машине в определённом пути дороги перескакивало на социальные сообщения, значит рядом база уверовала она. База была и не одна об этом все местные знали, как и резкая смена прогноза погоды, выданная накануне приложением, привязанным к месту. И об этом толковали мол всё военные проводят испытания раньше такого не было, но и не было приложений прогноза, привязанных к месту так ведь. Скорее всё-таки она ошибалась ведь кроме дочери никто открыто не поддержал её мнение, а Лика не спешила рыться во всемирной паутине в поисках подтверждения она знала как много сжирает времени интернет, хотя и много даёт знаний, но сейчас время было дороже всего.

Получается отец семейства забыл он покупал шуруповёрт и глядя на электроплитки не вспомнил, что в печи в старом доме осыпалась глина (глину купил) вывалилась дверца, а еду готовить на чём? Вспомнила едва выехали из райцентра домой мать, но супруг отреагировал как обычно в деревне купим, возвращаться было лень. Клавдия Сергеевна, прибывая в хорошем настроении (купила кнопочный мобиль-

ник и долго говорила с переволновавшейся матерью) не стала спорить. Борис лишь усмехнулся, как всегда, папан в своём упрямом амплуа.

Но в их деревню оказалось только автолавка приезжала по субботам вот уж и вправду глухомань. Продуктовый магазин и с хозяйственными товарами первой необходимости типа мыла и спичек был за шесть километров в соседнем селе Маркино естественно там электроплиток не было. Роман Леонидович любитель кофе и чая да всего горячего порывался съездить опять за десять километров в райцентр, но встала уже в позу жена, времени ей было жалко терять, больно дни погожие, а работы тьма. Хотя в душе жалела родных и в который раз ругала себя за вкоренившуюся в ней привычку унаследованную от матери думать задним умом.

Но сегодня, наконец-то Роман Леонидович починил печку, точнее будет сказать плиту, так как лежанки так манящей в сказках не наблюдалось. Клавдия Сергеевна тотчас с радостью (она любила смотреть на огонь, любила его согревающий жар) растопила срубленным к тому времени Борисом в саду сушняком. И в дом с теплом пришёл какой никакой уют, а ужин дополнился горячим супом «Харчо» (дешёвым концентратом из пакетиков) с картошкой и чаем. Клавдия Сергеевна разлила суп в пять тарелок на старом массивном столе и поспешила на улицу.

Муж, как она и ожидала, едва она ушла в дом готовить, забросил работу и развалившись на порожках крыльца, похра-

пывал на старой грязной фуфайке. Засыпал Роман Леонидович, где угодно и когда угодно и главное сразу. Терять ему было нечего его бежевые брюки (говорить Роману не одевать маркое на физический труд жена устала) приняли военизированный вид из-за пятен от грязи и травы. Стальная футболка пострадала чуть меньше. Что-либо говорить было бесполезно и Клавдия Сергеевна, миновав порог принципиальной молодости смирилась с молчаливым укором больше для себя самой.

Разумеется, женщина мысленно ужаснулась это вручную не отстирать, а машинку надо было покупать своя стала ломаться и уезжая подарили на память «головастому-рукастому» соседу Сергею он мог всё починить и ни раз за приемлемую цену выручал Минаевых. Клавдия оглядела себя и облегчённо вздохнула клетчатая синяя ставшая маловатой мужу, рубашка не пострадала, как и старые (чистюля Клавдия всегда работала только в старом) тёмно-синие джинсы. На серой футболке пара пятен от воды, эх не будь так жарко она бы застегнула рубашку, ну приемлемо. Клавдия с девичьего ещё возраста не любила носить лифчики, (первый её нулевой слишком он сдавливал грудную клетку) со школьной скамьи стесняясь своей хоть и маленькой груди стала немного сутулиться, но с возрастом нашла выход — даже в жару просторные рубашки, кстати и руки не мажутся выше кистей хотя жарко.

Дети, все трое, стояли у покосившейся калитки лишённой

точнее съеденной временем краски, как и у полу сломанного забора из штакетника, и познакомились с местным молодняком. С крыльца рассмотреть состояние одежды было нереально, но мать знала Лику, как и она постоянно отряхивала свои более светлые чем у Клавдии джинсы, а с футболкой если что можно и вручную с замачиванием справиться. Дочь и старший сын аккуратностью пошли в неё. А вот младший то ли в отца то ли из-за возраста, не по делу одевался. Вот и сейчас светло-голубые джинсы со вставками с надписями в рваных дырках, так их одна трава «уничтожить» могла, жёлтая лимонная футболка-майка с весёлым Мики-Маусом и кроссовки белые благо старые ну и где тут одежда по занятию, а ведь мать учила, устала говорить, что одеть и вот испытание.

Клавдия Сергеевна, удручённая предстоящей нелёгкой стиркой (а измазанной одежды уже накопилось достаточно) с явным недовольством растолкала мужа и крикнув детям:

— Ужин готов! — кивнув на приветствие соседских ребятшек, так и не решившись пригласить их на столь неприхотливый ужин, муж тотчас поспешил в дому, есть Роман Леонидович всегда шёл охотно.

— Косу в сарай занеси! Сколько можно говорить класть всё на место! Опять, где косил бросил! — с раздражением от, наверное, миллионного повторения за годы их совместной жизни, но так чтобы не слышали гости прошипела жена вслед мужу.

— Потом! — как всегда отмахнулся Роман Леонидович.

— Не потом, а сразу! Что за упрямый дебилизм дети напорются, о них подумай лентяй чёртov! — Клавдия говоря тихо, но зло за локоть остановила мужа и дёрнула обратно так ей остарчинела эта его привычка согласно русской поговорке: «Где срёт там и штаны оставляет».

— Сама убери, раз не хочешь подождать! — резко вывободив локоть почти оттолкнув жену, зло прокричал, не стесняясь быть услышанным чужими и ушёл в дом, отчего как всегда обиженная за правду Клавдия оказалась на грани слёз от несправедливости и понуро застыла на крыльце.

«Но вот в чём её вина?! Разве она не права?! Разве не надо убирать инструменты на место?!» — борясь со слезами Клавдия Сергеевна смотрела с крыльца, на щуплую фигурку, в яркой футболке застывшую в угасающих лучах заката, своего младшего сына и неожиданно ощутила такой прилив тревоги, что ей сделалось страшно. В мыслях завертелось, что-то про ускользающее время, но она, одернув себя и, выругав за излишнюю панику, поспешила в дом захватив оставленную мужем фуфайку.

Она не всегда была такой пугливой. Но когда, когда это произошло, что она до безумия стала бояться за своих близких. Она точно не помнила, когда это случилось...

Немудрено, что деревенские ни сразу обнаружили новосёлов. Дом стоял на отшибе едва не в километре от деревни, а лето для сельских ребятишек пора лесов и речек. Местный лес преимущественно сосновый был просто роскошный

и тянулся в бесконечность.

Пришельцами оказались два местных парня. Пятнадцатилетний Егор с чёрными волнистыми волосами по плечи и нежным красивым лицом походил на Майкла Джексона после пластических операций, хотя в повадках парня не было ни женственности, ни жеманности. Худощавый, но не высокий, с слишком уж худыми бёдрами в чёрных джинсах. Егор в мать придирчивый к внешности, не был доволен своим видом особенно бледной кожей, которая краснела если он смущался или волновался. Стеснялся тинэйджер и своего характера на грани рохли, врождённой, а затем и взращённой матерью-одиночкой постыдной чертой во всём потакать более сильным в любых отношениях людям, чем он. Увы, избавиться от врождённых черт всё равно, что изменить внешность.

Второй парень Максим (для своих Макс) высокий светловолосый с короткой стрижкой ёжиком и юрким взглядом ровесник Бориса явно был заводилой. В его самоуверенных манерах и речи прослеживалось неоспоримое лидерство. И одевался он как подобает, по его мнению, лидеру модно как он считал. Рваные правда самопальные светлые джинсы, чёрный широкий ремень из перестроечных времён с металлическими заклёпками, чёрная футболка, облегающая его загорелые мышцы с белой надписью «Адидас», светлая джинсовая куртка с отрезанными рукавами и с жёлтой полосой на воротнике, свидетельствующей о её старости и высокие

некогда белые кроссовки фирмы «Рибок» китайского производства. Если отбросить в сторону грязь и пыль от этого в деревне никуда не денешься и время носки от этого никуда не денешься если беден, то прикид был вполне.

— Теперь значит вы хозяева этого дома? — многозначительно уточнил Макс.

Они представлялись не больше минуты, настороженно как собаки присматриваясь к друг другу.

— Да, мы! — подтвердила Лика, слегка удивившись неуместному уточнению. — А вы наши соседи?!

— Да! — кивнул Макс, с любопытством разглядывая девушку.

— Очень приятно познакомиться! — отозвалась по этикету Лика и слегка смутившись от внимания парня поправила отливающиеся на солнце золотистым цветом волосы, ниспадающие на плечи. — Пройдёмте во двор, что вы будете стоять за калиткой?

— Если хотите мы вам поможем. — некстати покраснев предложил Егор, его голос был ещё по мальчишески высоким.

Макс с готовностью толкнул калитку, которая тотчас угрожающе заскрежетала несмазанными, проржавевшими петлями.

— Спасибо, но на сегодня мы вроде уже всё закончили, просто расскажите, как здесь, что к чему? — решив не отставать от сестры, проявил инициативу Борис, по натуре весьма

необщительный, и последние время, отчаянно борющейся с этим, не желая быть на вторых ролях у своей сестры и шустрого брата.

— Ну что ж, — согласился Макс многообещающим, интригующим тоном, — мы много чего интересного вам расскажем, а заодно и поможем вам немножко. У вас ещё смотрите, какая громадина стоит, — указал он на разорённую крышу, — Кровельщиков тут хрен два сыщешь, разве, что из города, да они вряд ли поедут, сорок километров как никак, а автобусы сюда ходят два раза в день! Опоздал на вечерний рейс и отдыхай в кустах! Так, что, наверное, крыть вам придется самим!

От слов Макса, Борис ощутил до тошноты, до ненависти, отвращение к провинции. Раньше они жили в поселке близ города, но это был современный поселок, со всеми необходимыми в быту благами цивилизации. Здесь же, даже дороги были преимущественно грунтовыми и раздолбанными настолько, что Борис не очень-то надеялся на то, что их семейный автомобиль, сможет отъехать от дома с наступлением дождей. Свежий воздух, тишина и лес, о которых столько говорили родители, и им вторила сестра, конечно, хорошо, но вот она российская, деревенская реальность, отрезанность от всего цивилизованного мира, первобытнейшая изоляция!

«Как они только здесь живут и со скуки и безысходности не поумирали? Нет через год в институт, уеду в Москву, прощай деревня! Пусть сестричка живёт здесь, раз уж ей так

нравиться!» — мысленно успокоил себя Борис.

— Мы сами крыть не умеем! — чересчур озабоченно произнёс Алик, и все ребята дружно рассмеялись, при этом добродушный мальчуган ничуть не смутился.

— Поможем, чем сможем! — всё ещё смеясь, заверил Макс.

— Ребята давай в беседку! Мы здесь такую беседку с папкой обнаружили, когда косили, прямо, как в кино, резная, и всё такое! Но я ещё не успел там полазить! — лицо Алика светилось от счастья.

Макс и Егор многозначительно переглянулись, и от внимательного Бориса, не скрылся проскользнувшая тень тревоги на лице Егора. Борис, недоуменно следя за соседями, направился за братом, тот уже лихо подпрыгивая на ходу устремился к беседке. В это время от калитки раздался девичий крик:

— Привет новосёлам! А вы тут, что делаете проныры?!

Замешкавшаяся Лика обернулась и увидела у калитки самых настоящих близнецов, брата и сестру, если уточнять с научной точки зрения то двоешки так как разнополых близнецов не бывает. Коренастые фигуры, круглые лица, пухлые по-детски губы, глаза похожие на переспелые сливы, темно-русые густые ухоженные волосы, синие джинсы и футболки, даже смотрели на новосёлов с любопытством и в то же время чуть-чуть настороженно шестнадцатилетние близняшки одинаково. Девушку звали Алла, паренька Вадим и

различали их только причёски у него короткая стрижка у неё каре.

Молодёжь гуськом за Аликом продиралась по ещё нескошенному высоченному бурьяну к беседке, а мать наблюдая за детьми в окно поз звуки чавкающего мужа удивилась тому, что так взыгравший на запах горячего аппетит, после трёх ложек любимого острого харчо испарился. К сердцу вновь скользнула противная тревога, а мысли унеслись в прошлое.

Клавдия сочиняла с детства, а целенаправленно писать стала в юности выбрав профессию писателя. С детства помимо фигурного катания Клавдия грезилa о съёмках в кино, но будучи выгнанной из секции с приговором по ритму и музыке она так и не решилась поступать на актёрский... Так одним безрассудным поступком бездушная своенравная тренерша «убила» сразу две мечты маленькой девочки и таких чёрствых «наставников» почему-то допускают к работе с детьми?!

«Зачем ставить крест на способностях ребёнка, когда трудолюбие, постоянство и поддержка способны любого человека поднять до хорошего уровня в том или ином деле? А взрослый человек сам уже поймёт его ли это призвание и есть ли способности к любимому делу? И сам сделает свой выбор! Не надо резать крылья у тех, кто ещё не научился летать — это бессмысленная жестокость! Сломать судьбу невозможно, а убить мечту и веру способен только жесто-

кий глупец...» — эти вопросы несла Клавдия через всю свою жизнь резкой линией чѐрствости и непонимания они сидели в её мозгу незаживающей раной.

Лишь повзрослев Клавдия нашла в себе силы подняться от «нокаута» так как с детства любила сочинять стихи и даже песни, писала сказки, рассказы главное, что это ей доставляло удовольствие и поразмыслив она поступила и закончила почти на отлично с одной четвёркой литфак. И во время студенчества и позже целеустремлённая Клавдия девизом которой было: «Раз уж задалась целью стать писательницей то надо приложить все усилия!» много писала, хотя ни одной книги не было издано. Она наивно надеялась, что будет издаваться, а почему бы и нет идеи фонтанировали осталось совсем чуть-чуть попасть в востребованную читателем нишу?! Но в девяностые как, впрочем, в любые годы истории о Добре, невостребованные циничным людским обществом. Клавдия убедилась в этом позже обойдя с десятков издательств и лишь в одном правда очень известном, ей главная редактор так и сказала талант есть, но писать надо то, что продаётся экшен, напечатаем если она уберёт прочие поверхностные темы и выражения писателя своего взгляда на жизнь. Упёртая Клавдия считала без позиции автора, без пропаганды добра и прочих высших ценностей зачем вообще нужна такая книга? Клавдия не согласилась и люющее идеями творчество пригасило, чтобы вернуться спустя годы вновь у веру в надежду. Без надежды не живёт творчество.

Но в тот период ранней молодости, когда она писала день за днём, по четырнадцать, а иногда и семнадцать часов в конце концов случилось то, что открыло ей глаза на самоё саму. Она неделями не выходила из дома, а если выходила, то лишь затем, чтобы отнести или забрать отвергнутую рукопись из очередного издательства, в надежде что объяснят почему, но такое случалось крайне редко и сводилось к одному — читателю нужно другое развлекательное и без нравоучений. Часто странички рукописи, отпечатанной на принтере так и оставались прилипшими друг к другу. Будучи приверженкой своих правильных принципов Клавдия, не сдавалась писала с тем же упорным трудолюбием до самоотверженности в остальном, отрываясь лишь затем, чтобы перекусить в сухомятку за письменным столом. Но однажды Клавдия по приглашению подруги точнее сказать приятельницы-однокурсницы попала в театр и в вестибюле театра, а затем и по дороге домой в метро, ей казалось, что люди смотрят только на неё и она ощутила себя будто под микроскопом. Она жутко застеснялась своей не модной прически, своей одежды, людские взгляды тяготили её, она отвыкла от людей и от общества. Она стала бояться общества и его внимания, к которому, воспитанная в изоляции от своих сверстников детства, раньше так стремилась. Именно в театре, где не осуждают вслух, а всё полунамёками она это и осознала...

Клавдия, по сути, была зверем, рожденным и воспитанным в неволе. Её мать и бабушка берегли единственного ре-

бенка в семье, как зеницу ока. Им почему-то казалось, что если девочка пойдет играть с детьми, то она непременно себе что-нибудь сломает, если залезет на турник, то получит заворот кишок, если отправится в школу без сопровождения бабушки или матери, то её обязательно украдут, убьют или изнасилуют. До самой юности у Клавдии Сергеевны не было ни одной подруги, а лишь в двадцать шесть она впервые узнала вкус алкоголя. Друг мужского пола в планы её матери и бабушки вообще не входил. Отец с матерью разошлись, когда мать Клавдии Сергеевны была беременна дочерью, основная причина их развода отец не хотел ребёнка. Со своим первым парнем, впоследствии ставшим её мужем, Клавдия Сергеевна познакомилась весьма поздно.

Нет не бдительность матери и бабушки ослабла, просто Клавдия взбунтовалась быть послушной и хорошей по их меркам девочкой. Но этот бунт девушки Клавдии, (оторванной от реального мира), был слабым, она привыкла жить вне общества, научилась сочинять и давно, (с самого своего детства), уходила от реального мира в мир своих фантазий. Уход от реальности в воображаемый мир, вообще-то болезнь, именуемая аутизмом. Но, мать и бабушка, можно сказать эгоистично любящие Клавдию, подпитывали в девочки эту болезнь, так было безопаснее. Хотела ли сама Клавдия жить вместе с обществом? Иногда, да, но чаще общество её пугало.

С самого детства, не впитав в себя естественным путём,

как все люди, элементарные нормы человеческого поведения, Клавдия Сергеевна в среде людей походила на инопланетянку. Она не знала, как знакомиться с людьми, как себя вести в компании, о чём говорить. С детства начитанная, она, видя, что встречавшиеся ей люди, не знают, чего-то, чего знает она и примут её знания за самовосхваление, разговаривая с людьми несла всякую чушь и откровенно скучала. Ей было проще и приятнее говорить с собой, не надо было задумываться, какое производишь впечатление, не было разницы во мнениях и было всё понятно и просто.

Позже, став взрослой, Клавдия Сергеевна осознает, чудовищность своего воспитания. И она, попытается сделать всё, чтобы не изолировать своих детей от общества, (раз уж оно существует), хотя до обидного, в общем-то общество людей, по сути, плохое и в массе своей жестокое. И однажды юная Клавдия напишет сказку «Рожденный в неволе». Печальную историю о зайчонке, рождённом в зоопарке и никогда не бывавшим в лесу, а видевшим лишь маленький скверик, через прутья своей клетки. Однажды став взрослым и попав в лес, обретя долгожданную свободу, зайчишка погибает. Он не знает, как живут взрослые зайцы. Он не знает этой жизни. И сама Клавдия Сергеевна, если бы она не стала писательницей, оставшись в домашней клетке, наверняка бы тоже погибла. Она не знала мира, жестокого и подлого мира взрослых. «Рожденный в неволе» это и была первая книга Клавдии Сергеевны, выпущенная издательством небольшим

тиражом.

В тридцать три после пятилетнего перерыва «разочарованной реальностью» она вновь стала много писать и обивать пороги издательств, хотя в отличие от оптимизма молодости, теперь подобные вылазки стали редкими и в зависимости от настроения разуверившейся в жизни писательницы, спонтанными. Больше из-за того, что хотела доказать мужу, что на ней рано ставить крест и он не справедлив, когда называет её неудачницей и от части из-за быстро пролетевший до возраста Иисуса Христа жизни, к которому либо что-то достигаешь, либо ты за бортом. Целеустремлённая, хотя и легко ранимая, трудолюбивая фонтанирующая идеями Клавдия всё же получила свой шанс, так должно было случиться если очень очень чего-то хотеть и неустанно идти к цели. Один редактор, интеллигентный мужчина преклонного возраста с пронизательным, мудрым вдумчивым и глубоким одновременно в самую душу взглядом карих глаз, невероятно, увидел в грустных сказках тоску «начинающей» стареть писательницы по счастью и выпустил книгу Клавдии Сергеевны за счёт издательства. Этот ЧЕЛОВЕК спас Клавдию Сергеевну, которая к тому времени находилась уже на пределе. Клавдия Сергеевна не имела больше ни сил, ни желания бороться и не уходила из жизни лишь потому, что не могла расстраивать родных ей людей, в первую очередь свою мать. Что ж, оказывается правду говорят, что свет не без добрых людей, и стоит добавить и не без умных, способных понять

чужую боль и безысходность и увидеть чужие мечты!

Она не сомневалась, что этот редактор по-настоящему великий человек, ведь, увы, далеко не каждый, даже самый образованный человек, так мудр, чтобы услышать немой крик наполненной болью и отчаянием души! Но Клавдии Сергеевне повезло, хотя она в итоге и проиграла жизненному быту, проживая жизнь в нужде, и растеряв многие свои мечты, она осталась жить! И она осуществила главную свою мечту, да и мечту любого человека, реализовала себя. Пусть не так громко, как мечтала в юности, но она всё же реализовала себя! И наконец-то обретя счастье творить не только для себя, она воспряла духом и всё это лишь благодаря, человеку, который «услышав» её боль не остался равнодушным. Этот редактор, которого Клавдия Сергеевна просто боготворила, спас её как минимум — от пьянства, как максимум — от смерти! Ведь когда умирает мечта, тогда умирает и человек! Да, вот таким образом, человек, занимающий ответственный пост, может, не прикладывая огромных усилий, стать волшебником, претворяющим мечты в реальность, и спасателем, спасающим жизни людей, и надо-то только услышать крик души! Но это самое сложное, ведь только умный и мудрейший человек, способен уловить, то, к чему стремится другой человек, понять его смысл жизни, даже, если он и не говорит об этом, и найти в себе мужество, протянуть руку помощи, страдающему. Этот редактор навсегда остался самым важным, значимым и дорогим человеком для Клав-

дии Сергеевны на этой Земле! Таким дорогим для неё, как её мать, как бабушка, как дети, муж.

Нельзя было сказать, что Клавдия Сергеевна, выйдя замуж за Романа Леонидовича была в него сильно влюблена, как это подобает молодоженам, но с годами их пусть и не безоблачные отношения переросли в крепкую привязанность и вполне возможно, что такая любовь как, например родственная любовь сестры к брату, прочнее, чем сиюминутное озарение безрассудной любви между мужчиной и женщиной. Собственно, это и являлась основной причиной, по которой Клавдия Сергеевна не решалась разойтись с нерадивым мужем, ведь варианты нового брака у неё, как и у любой другой женщины были. Просто она точно знала, что будет тосковать по мужу, да и её мать знала это, поэтому все разговоры о новом замужестве дочери Екатерина Ивановна вела не серьёзно и только в период особых проблем дочери с мужем.

Даже когда мудрого и доброго редактора не стало, Клавдия Сергеевна никогда не забывала о нём, о волшебнике, когда-то осуществившем её мечту, причём без всяких условий просто по доброте душевной. Теперь её книги печатали, платили правда гроши, но разве это было главным для писательницы, иногда Клавдия Сергеевна вообще отказывалась от гонорара, лишь бы её очередное грустное, но обязательно вызывающие к Добру произведение вышло в свет.

Ну, а когда пришла эпоха электронных издательских их систем и не надо было обивать пороги издательств и упра-

шивать вершащих судьбы Клавдия завалила своими творениями рунет. Писала иставляла на всевозможных литературных сайтах. Писала, забывая о себе и что обидно о семье, о готовке элементарного обеда, о времени для занятий с детьми о многом, что отличает быт более свободного мужчины от женщины. И одумалась только тогда, когда осознала, что и в интернете её творения о Добре не нашли массового читателя и чтобы не уподобляться массам не быть бездушной она вернулась к семье, главным образом из-за детей на которых у плодovитой писательницы совсем не оставалась времени. Клавдия Сергеевна снизила темпы творчества, но... она «отсутствовала» почти три года... дети уже выросли и в сознательном детстве Алика матери рядом почти не было... От этого щемящая боль частенько сдавливала впоследствии её сердце, ведь она, по сути, променяла воспитание чужих детей добрыми на присутствие в жизни своих... Ещё одна непоправимая ошибка в её жизни...

Клавдия Сергеевна очнулась от прошлого, когда муж встал из-за стола и направился отдыхать. Клавдия Сергеевна, заставив себе доестъ холодный суп искренне удивившись подумала:

«Ничего себе отключка! И откуда взялась эта тревога в столь любимый солнечный день и унесла по привычке в воспоминание о нелёгком прошлом? День, который прошёл без стычек в трудах любо дорого посмотреть на результаты, должен был радовать!»

Когда она, взяв посуду свою и мужа, чтобы помыть взглянула в окно детей уже не было только угасающий день.

Глава 4

Страшная беседка

Отчаянная, необдуманная смелость — это лишь верный способ подставить себя.

Они подошли к беседке. Деревянная, круглая, резная с облупившейся белой краской, утопающая всё ещё в зарослях крапивы и полутораметрового репейника, беседка действительно больше подходила для киносъемок. Только для страшного кино. Нависшая клоками паутина и таившейся сумрак в её пахнущем гнилью чреве, метра трёх четырёх диаметром, вовсе не настраивали на веселую, молодежную болтовню новых друзей.

Лица вдруг почувствовала, что ей не хочется идти туда. Здесь на улице был вечер, пожирающий солнечный свет, там, в чреве беседки была тьма. Но ребята лишь замедлили шаг, как обычно это делают люди, видя, что-то новое или не совсем обыденное, и без удовольствия продравшись сквозь жгучую крапиву и репейник, стряхивая паутину на своем пути, вошли в беседку. И Лица... хоть и последней, но вошла, как и все. Не отставать от приятелей ни в чём, давно укоренившееся правило в среде подростков.

Пройдя в беседку, ребята расположились, кто где. Для их компании беседка была явна тесновата. Идущие вдоль стен хрупкие скамейки, были сплошь покрыты плесенью и места-

ми заросли мхом. Никто из подростков присесть не пожелал. Судя по дырам в конусообразной крыше, беседка явно протекала.

Но подверженная уличным сквознякам, она попросту не могла скапливать в себе столь зловещую плесень, завладевшую здесь всем, и запах, гнили которой, тяжело витал в воздухе чрева загадочной беседки. От осознания этого, Лика невольно поежилась, беседка всё больше ей не нравилась.

Пожалуй, остальные подростки тоже испытывали дискомфорт в этом отдающим могильным холодом склепе. Во всяком случае, первые несколько минут никто не говорил. Все молча разглядывали через сумрак, царивший здесь, чрево беседки.

Особенно усердствовал Алик, вертя с любопытством головой по сторонам. Кругом лишь гнилые доски, удивительно, что пол проломился только в нескольких местах, но возможно, что их компании выпала честь поправить это дело?! Противная слизь гнили, да паутина и... первым, естественно, это обнаружил Алик.

— Смотрите! Смотрите! — Алик, радуясь так, словно нашёл клад воодушевленно, маша руками указал на округлый предмет, покрытый слоем слизи и пыли, увешанный, как сетью паутиной, находившейся на стене под самым потолком.

Мальчик подлетел к стене вмиг залез на скамейку, поскользнувшись и едва не упав, всё-таки удержался, и с замирающим от нахлынувшего преддверия счастья сердцем, при-

нялся аккуратно выявлять предмет, стирая слизь и смахивая паутину.

— Это фотография на керамике! — воскликнул он, восторженно и удивленно, оборачиваясь к друзьям, лицо мальчугана сияло от счастья.

Странно, в беседке действительно была прибита фотография на керамическом овале, фотография какого-то молодого парня. Тёмная рамочка, чёрно-белое фото на керамике, и облупившиеся, покрытые плесенью доски беседки, явно не вязались друг с другом. Фотографиям на керамике, место на кладбищенских памятниках, здесь же это... это выглядело предзнаменованием чего-то жуткого. На Лику накатили волны страха и их флюиды шли от керамического кладбищенского овала.

— Что это значит? — Борис указал на фотографию.

— Да этот парень раньше жил здесь... — многозначительно ответил Макс.

— Вообще — это довольно странный дом, надо сказать... —

рассудил почти как взрослый Вадим.

— Как странный? — не понял Борис.

Лица похолодела, она ощутила, как наливаются свинцом, становясь не подвластными ей ноги, как сердце летит, вниз образуя головокружительную воронку страха, словно неожиданно ухаешь вниз на скоростном лифте, и её пронзило тоскливое желание поскорее убраться отсюда.

Макс, взглянул на Вадима и его взгляд означал двойственное выражение, с одной стороны Макс словно говорил: «Ну, что ты треплешься?», с другой стороны парень был рад, что Вадим сболтнул лишнее.

— Ну, понимаешь, здесь... ну хотя бы то, что дом почти двадцать

лет не покупали не кажется странным?! — сбиваясь, проговорил Вадим, усердно морща лоб, тщетно пытаюсь сообразить, что стоит, а что не стоит говорить.

— Ну, мало ли, — с досадой протянул Борис, решив, что их дом, связан с убийством бывших хозяев, — Кто же горит желанием поселиться в глуши?!

Алик же напротив, заинтриговано, с приоткрытым ртом, и какой-то сумасшедшей радостью, ловил каждое слово новых приятелей. Мальчишке приносили радость любые, пусть даже самые опасные и неприятные события, связанные с возможными приключениями. Запоем, едва научившись читать, проглатывая книги о приключениях, детективы, фантастику и ужасы, Алик мечтал оказаться на месте бесстрашных героев своих любимых книг. С возрастом он не перерос эту тенденцию, а наоборот все больше и больше путал реальный мир с книжным.

Отец мальчика не обращал на это внимания, за свою жизнь он так и не полюбил книги, и кроме газет, и то изредка, ничего не читал. Воспоминанием о книгах, у Романа остались лишь обрывочные знания из школьной программы.

Окончив успешно школу и имеющий хорошие способности к математике и другим точным наукам, он знал, что «Мать» написал Горький, но не помнил, ни сюжета и не одного героя, а из Достоевского припоминал фамилию Раскольников. Но из какого произведения был этот персонаж, Роман вспомнить бы не смог.

Мать же Алика с самого своего детства и поныне, убегая от тяжелой действительности, искала утешения в нереальном мире фантазий. В том числе и в мире книг, и считала игры мальчика в книжных героев, вполне нормальным, естественным занятием, и уж не, сколько не опасным. Но она ошибалась, и относительно сына, и относительно себя.

— Подожди, Борис, — требовательно попросила Лика и получилось властно добавила, — Рассказывайте!

— Прежние хозяева умерли странной смертью. Поэтому покупатели приезжая смотреть узнавали историю дома, и отказывались покупать... Вас не насторожило почему такой большой дом так дешево продавался? — побормотал быстро и невнятно Вадим и уставился на друзей, явно прося у них поддержки.

Макс с усмешкой покачал головой и удивляясь подумал: «Маменькин сынок Вадик не только от прыщей избавился, но и учиться говорить, посмотрим на его красноречие!»

Макса эти потуги тихони стать общительным не заботили, но не сейчас симпатичная блондинка Лика не знает же, что он местный лидер. И кстати по праву! Хоть и учился Макс на

тройки, но разве это кого-то колышет в подростковой среде?! Зато кто осмеливался нырять с самой высокой на берегу ракиты в пруд? Конечно Макс! Кто был непобедимым драчуном в местной школе, находившейся в четырех километрах от их деревеньки? Опять же он! Кто носился сломя голову и пугая прохожих на велосипеде, мопеде, а с прошлого года уже и на мотоцикле?!

Заслуг было много, Макс умел отстаивать свои решения, в правильности которых очень часто многим его сверстникам, приходилось сомневаться, но его всё равно слушались. Да и поговорить Макс мог. Сейчас надо было заново показать себя и Макс решил, что пора взять инициативу в свои руки и поставить на место распетушившегося Вадима.

— Так что же здесь произошло? — нетерпеливо и настоятельно спросила Лика, сознав, что дом, как-то сразу ей не то, что бы, не понравился, а давил на неё своей мрачностью, запахом гнили, никакими проветриваниями, так и не исчезающий из полутёмных комнат.

— А мы ничего и не узнавали о доме! Нам в принципе подошла цена. А так, как мы уже продали свой дом, и нам некуда было девать вещи... — как всегда сор из избы начал выносить доверчивый Алик, но осёкся под укоряющим взглядом старшего брата.

«Потому что наш папочка никогда ничего не узнаёт. Лени-матушка прежде него родилась. А тут что вы, рубли обесцениваются постоянно надо вкладывать быстрее! Опять маму

не услышал первым делом надо было купить новую машину у этой старушки ежемесячные ремонты опять вон масло давно подтекает! Поделом тебе папаша за твои потом!» — мысленно злорадствовал Борис.

Макс и извлёк из кармана рваных джинсов, пачку сигарет «Мальборо» и бензиновую зажигалку «Зиппо». По-пижонски открыв пачку, он молча предложил ребятам сигареты и значительно произнёс:

— Вы довольно-таки опрометчиво поступили!

Борису захотелось смеяться над пижонством парнишки, живущего в глуши и не имеющего представления о настоящем молодежном модном прикиде, но он даже не улыбнулся, не желая восстанавливать против себя соседей, хотя и не стремился к общению со сверстниками.

Егор выудил сигарету и прикурил от зажжённой «негасимой» зажигалки Макса. Вадим с недовольством покосился на сестру и отрицательно мотнул головой, тем самым, вызвав пренебрежительную усмешку Макса. В мужской компании Вадим позволял себе покуривать, но с ябедой сестрой... Он помнил, как лишился планшета планируемого подарка родителей к прошлому Новому году, когда сестричка настучала, что её братик, почти отличник, курит. А с планшета читай себе в постели и насколько удобнее чем со смартфона, на котором нельзя увеличить размер текста.

Быть почти отличником, Вадиму давалось нелегко, тому свидетельствовали очки понадобившееся уже в пятом клас-

се. Особенно химия и алгебра поддавались только путём постоянной зубрежки и это гордо произносимое родителями: «Наша дочь отличница, а сын почти отличник!» — вызывало у Вадима приступ тошноты. Но иного выбора у него не было, так хотели родители педагоги в местной школе, а их желания закон, и ему приходилось владеть свою тягостную ношу почти отличника. Мать близнецов Нина Львовна преподавала историю и даже имела грамоты за свой важный труд от районного Управления образования. А отец Николай Владимирович преподавал биологию с ботаникой и являлся завучем в местной средней школе, находившейся в селе Маркино за шесть километров от их деревни. Но благодаря письмам во все инстанции завуча деревенских возил туда школьный автобус, который появился два года назад, а до этого даже первоклашки ходили в школу пешком провожали многих бабушки дедушки есть кого возили и забирали родители, но детей в деревне было всего-то шестнадцать и пробить автобус стоило не малых трудов. Да что там с подачи Нины Львовны муж умеющий писать письма-обращения и даже жалобы отстаивал и год за годом старую школу от закрытия ведь детей даже триста не набиралось на каждый учебный год, да и самой хотя и добротной кирпичной оштукатуренной и ежегодно беленой школе было сто шестнадцать лет! Но супруги и школу отстаивали и в тандеме с рукастым завхозом и пробивным директором что касалось ремонта, где дешевле, а где и так дадут материалы содержать архитектурный памятник

в достойном виде. Вот такие хорошие для общества, да и заботливые о судьбах своих детей были родители у близнецов.

Борис нарочито небрежным кивком, отклонил дружественно предложенные сигареты. Борис не курил не потому, что родители бы ругались, а из принципа. Он старался быть не, как все, и, если тинэйджеры вокруг него преклонялись перед взрослыми увлечениями, Бориса это, наоборот, отталкивало, в отличие от Алика, во всём старающегося не отстать от своих сверстников и стремившегося перещеголять любого.

— Макс их ждут на ужин! — Алла лет с десяти подражала сначала маме затем и другим взрослым и выработала привычку быть дисциплинированной и степенной что к ней невольно прислушивался и сам лидер.

— Я постараюсь коротко, — начал Макс, усаживаясь на облупившиеся перила беседки и залихватски выпустил колечки дыма. Его примеру тут же последовал Егор, остальные остались стоять. — Сразу скажу, что я этим всем историям, не очень-то доверяю, многие наши старики, попросту распускают сплетни от нечего делать, но я расскажу всё что болтают.

В глазах парня засветились дьявольские огоньки, окинув взором новосёлов, он остановился на Лике, и затягиваясь сильным дымом со знанием дела выдал:

— Да здесь произошли жуткие вещи сразу видно, что вы не из этих мест, коль не знали этого! В общем, столько всего

странного произошло...

Несмотря на то, что солнце уже исчезло за горизонтом и в полутьме беседки, лица ребят уже белели бледными лунами, Макс стоя близко от Лики впервые в жизни почувствовал себя скованным. Всегда уверенный в себе он, никогда не задумавшийся о словах, неожиданно осознал с чего-то не клеилась речь... Мысли путались, а ведь он сотни раз рассказывал эту страшилку приезжим. Жадно затянувшись сигаретой, мысленно выругав себя, Макс продолжил:

— Дом был построен давно в тысяча восемьсот девяносто каком-то!

— В 1895 году. — вставила Алла.

— Ни фиги себе! — вырвалось у Алика.

— Да вы не волнуйтесь! — на уровне флюидов уловив удивление и встревоженность Лики, Макс усмехнулся, и поспешил её успокоить, — Дом ещё сто лет стоять будет! Это он сверху обложен кирпичом, а так дом сложен из природного камня, намертво! А балки, какие, не обхватишь! Да и каждый новый хозяин ремонтировал его!

Лики явно от его доводов не сделалось спокойнее, она покосилась на стоящего впритык Бориса и тот не упустил момента ответить доверчивой сестрички скептическим выражением лица, мол, а как ты хотела большой дом, за маленькие деньги...

— Так вот, много лет назад этот дом построила сухонькая такая старушка, все её Листком прозвали, ну она, по сло-

вам местных старожилов, походила на сморщенный осенний лист. Перед смертью, когда старуха почувствовала, что скоро умрёт, она продала свой дом одному холостяку. Он ещё был довольно-таки молодой, и жил без семьи. Этот парень, как-то поспорил с приятелями, что снимет ночью на кладбище рушник с могилы умершей хозяйки дома.

— Что снимет? — перебил Макса, слушавший с горящими в надвигающейся темноте глазами Алик.

— Ну, полотенце, которое вешают покойнику на крест! Может, я неправильно выражаюсь, но у нас тут, это полотенце называют рушником. — Алик и Лика кивнули, и Макс продолжил, — Пошёл значит этот парень ночью на кладбище и снял рушник. Потом старуха стала ходить каждую ночь под окна дома за рушником, и он вынужден был, как ему посоветовал местный знахарь пойти снова один ночью на кладбище, чтобы вернуть рушник. И когда он принёс рушник на могилу, старуха разорвала его в клочья!

Макс заметил скептическую ухмылку Бориса, но лишь сплюнул сквозь зубы:

— Утром, друзья нашли растерзанный труп парня на могиле старухи. А потом дом, лет этак через пятнадцать, был продан ещё раз. Продан, заезжей семье, потому что местное население верило, что в доме живёт нечистая сила, и никто, даже за бесценок не хотел его покупать.

Борис нарочито принялся разминать ноги, давая понять, что надоело стоять и выслушивать всякую ерунду. Но и это

не остановило Макса:

— Дом продали старым супругам, у которых был молодой сын по кличке Барри. Имени его не помнит никто. Барри дружил с девушкой из города, потом он ушёл в армию. Возлюбленная умерла ещё до его возвращения со службы, но он не знал об этом. Он встречался с ней, уже после того, как она умерла!

Борис со скучающим видом вышел из беседки, но не ушёл, а принялся рассматривать дом, увязающий во тьму, лишь бы не слушать этот бред деревенского заводицы. Но, Макс хоть и вскипел внутри продолжал как ни в чём ни бывало:

— Парень знал, где она живёт, но девушка, запрещала себя провожать и захаживать за ней домой, как он делал это раньше, ссылаясь на то, что её родители против их дружбы. Старики толкуют, что он вроде бы ещё в армии получал письма от покойницы. Ну, в общем, всегда во время их встреч она уходила около полуночи. Парень, ещё заметил, что поведение девушки после его возвращения из армии стало каким-то странным. Девушка не позволяла ему целовать себя. Её взгляд стал пустым и холодным, руки, даже в душевые, тёплые ночи, как ледышки, лицо летом белее снега и припахивать она стала, раньше всегда такая аккуратная, чем-то противным, напоминающим запах гнили. Но он не предавал этому значения, так, как очень её любил.

Голос Макса лился как сумрак в ночь и его монотонность

навевала Борису вполне житейские мысли об ужине и желанном сне, но Алик округлил глаза и ловил каждое слово Макса и это вдохновляло местного вожака:

— Один раз Барри случайно в ресторане пролил ей вино на платье. А она и на следующие свидания ходила в том же платье, на котором красовалось безобразное кроваво-красное пятно. Это Барри крайне озадачило, его возлюбленная в прошлом ещё та модница, а тут на все их свидания, после его возвращения из армии, ходила в одном и том же белом платье, а теперь ещё и с пятном... Но парень, не осмеливался задавать, какие бы то ни было вопросы своей подруге. И вот в один из дней, он случайно на улице, встретил мать своей возлюбленной. Мать то и рассказала ему, что её дочь умерла. Барри просто не поверил этому! Он уверял, что не может быть, что так, мол, и так, но у него, естественно, не было никаких доказательств своей правоты, и тогда он потребовал разрыть могилу девушки. Рассказал про платье, про пятно на нём. Конечно, парню мало кто поверил. Ведь такого не бывает. Но он настолько старался доказать людям, что его любимая не мертва, и она встречалась с ним всего пару дней назад, значит, жива, жива, что люди, хотя и сочли все уверования Барри за плод его воображения, как видно, сдавшей в армии психики, всё же засомневались, мало ли, что бывает в жизни?! Ведь возможно у девушки был летаргический сон, а вовсе не смерть?! Её мог, кто-нибудь спасти, извлечь из гроба, когда она пришла в себя! Ведь её смерть не была

подтверждена доктором! Умерла, и похоронили, вот и всё! Сейчас-то у нас тут многих так хоронят, а тогда-то!

Всегда сдерживающая свои эмоции, скрывающая своё состояние из-за опасения обидеть кого-либо невзначай, тем не менее Лика выглядела очень уставшей, день был ещё какой трудовой. Но упёртый Макс лишь добавлял красок:

— Мать девушки поверила жениху своей дочери и с её активной помощью, Барри добился своего! Да и добиваться-то, кроме согласия отца девушки на вскрытие могилы нечего было! Тут вам не провинциальная Америка о эксгумации деревенские менты и сейчас вряд ли имеют представления! — Макс рассмеялся и закурил вторую сигарету. — Так, что им грозило только осуждение набожных, суеверных соседей! Но вы, обратили бы на это внимание, если бы у вас был шанс, узнать, что ваша дочь воскресла из мертвых?!

Макс прервался, переводя дух и разглядывая лица своих новых приятелей, остальной его команде, эта легенда была давно известна. В надвигающейся темноте он почти не видел лиц, но постоянно глядя на Лику, словно рассказывая только ей, знал она слушает его внимательно и даже с неким напряжением. Увы, напряжение, даже взволнованность по ходу этой истории у Лики появилось, но... оно шло не столько от истории, а откуда-то из подсознания ранимой девушки. Словно предчувствие... страха... Ей, казалось, что-то злое, незримо витало повсюду, как лёгкий туман в воздухе.

Но, Макс этого не прочувствовал, он мыслил поверхност-

ными впечатлениями. Его задело по его мнению вызывающее пренебрежение Бориса, ведь именно Борис может стать соперником Макса. Он ровесник Макса, хоть и не отличающийся отличными мускулами, как Макс и не красавец, но парень симпатичный, пожалуй, через чур серьёзный, и явно разбирающийся в жизни.

Реакция Бориса разочаровала и даже обидела Макса, и он пожалел, что, взял на себя инициативу лучше бы было, если выставлялся Вадим, а он бы, Макс подобно Борису скептически посматривал на рассказчика. Ведь он, Макс, сам не верил этим сплетням, дёрнул же его черт за язык.

Борис, вошедший в беседку сразу, как Макс замолк, не усмехался, но в его взгляде было столько цинизма, что Макса передёрнуло. Борис, теперь сомнений у Макса не было, будет его конкурентом. Цинизм Бориса дал основания Максусчесть его смелым парнем, но Макс ошибся. Борис был слишком рациональным и земным, чтобы быть смелым.

Отчаянно, безумно смелым являлся Алик «живущий» среди книжных героев и подражающий их подвигам, но Максусу даже в голову не пришло, что этот малолеток, с детским лицом и сияющими глазами, на деле будет посмелее его, Макса, главаря местной компашки тинэйджеров.

Несмотря на постигшую его неудачу, Макс понимал, что отступать сейчас было глупо. Бросив поверхностный взгляд, на светящегося идиотской радостью Алика, Макс продолжил свой рассказ, торопливо, без всякой охоты, а тем более эмо-

ций, пугать было некого, над ним откровенно посмеивались эти городские пижоны.

— Короче было решено вскрыть могилу девушки. К тому времени обнаружилась ещё одна мистическая вещь, письма, которые Барри писал из армии девушки, её родители не получали, хотя почтальон божился, что письма доходили, и он опускал их к ним в ящик. А в письмах девушки, написанных уже после её смерти, родители опознали почерк своей дочери! — Макс говорил небрежно красочность без восторженности долго не держится, а восторженности не было даже у Алика, так любопытство, — В общем, могилу разрыли. Почти вся деревня собралась. И люди увидели, что белое платье на девушке, в таком обычно принято хоронить невест или девушек, умерших до замужества, действительно, оказалось с пятном! Кроваво-красное пятно от вина, спереди на подоле, на том самом месте, где говорил Барри! И совершенно не испорченный труп, словно покойницу зарыли только вчера, хотя прошло уже чуть ли не полгода, со дня смерти девушки! Присутствовал врач, который подтвердил, что девушка мертва, и мертвее быть не может, по поводу сохранности трупа, с подобным он не только не встречался, но даже не слышал о таком.

Макс, отчеканив заученный текст понял, Борис вошёл в беседку лишь с целью показать своим, что пара домой. Но Максу всё же пришлось продолжать, как говорится, раз уж взялся, вот и Макс осознавая, что выставил себя, верящим

во все эти байки стал торопливо рассказывать дальше:

— Пришёл поп, и гроб с девушкой, со всякими там молитвами, снова зарыли, и она уже никогда не появлялась больше перед своим избранным, хоть Барри, очевидно рехнувшейся от всего произошедшего, ждал этой встречи! Он ежедневно ходил к ней на могилу и часами сидел там в задумчивости уставившись на свежий холм земли. По истечению шести недель Барри непонятным образом исчез из своего дома, просто его не стало вдруг в одну ночь, и всё! Двери и окна дома остались запёртыми изнутри!

— Да ладно! — не выдержал Алик.

И Макс реально испытал благодарность к этому малолетки. И стал рассказывать, по сути, ему:

— С тех пор прошло более сорока лет, но пропавшего парня, так никто и не смог найти. Его родители не дождались сына, двадцать лет назад скончались, причём оба в один день, в тот самый месяц и того же числа, когда исчез Барри. Местная старуха, у которой супруги ежедневно покупали молоко, не видя их неделю, пошла к ним домой, и обнаружила для жаркого лета отлично сохранившееся трупы.

— Почему ты говоришь, что они умерли в один день, если старушка нашла их уже мертвыми?! — спросил с пристрастием следователя Алик.

— Ну, во-первых, если бы один из супругов серьезно заболел, другой бы обратился за помощью к врачу, к односельчанам! Во-вторых, проводилась медэкспертиза, сначала ду-

мали-то, что их кто-то пришёл, супруги жили весьма небедно. Экспертиза подтвердила, что не смотря на сохранность трупов, супруги скончались именно в тот день, когда впервые не пришли за молоком, но вызывали аж трёх врачей, и никто из них не нашёл причины их смерти! Все органы были в порядке, в крови никаких ядов...

— Есть, и не мало ядов, которые не оставляют после себя ничегошеньки! — снова не выдержал Алик.

Взглянув на горящие азартом глаза брата, Борис невольно поморщился.

«Сколько мы ещё будем слушать этот дурацкий трёп?! Лучше уж, пойти поесть, и лечь спать! Отдохнуть, перед завтрашним явно трудовым днём, это всё-таки полезно! А здесь?! Ну и тёмные же эта деревенщина, как он и предполагал! Как среди таких жить! Будь, проклята нужда, засунувшая их сюда! Чертов упрямый папочка!» — мозг амбициозного и к тому же рассудительного Бориса трепетал от негодования.

Уж он то знал, почему они здесь оказались, в этой богом забытой дыре, на свалке жизни! Разве не он, семилетним мальчишкой, слушал горячие уверования матери, что надо совсем немного подождать, что у неё очередная потрясающая идея, и что скоро, они с папочкой сделают такой бизнес, что, вне всякого сомнения, станут миллионерами?!

Не он ли наглядно видел, как его мать, в пору, когда Борис и Лика были ещё малышами, с азартом и радостью, слов-

но третьеклассница играла с детьми в футбол, а к окончанию Борисом начальной школы, она позабыла, что такое играть. Её глаза грустнели с каждым днём, приобретая отрешенность, свойственную людям, разочаровавшимся в жизни и потерявшим свои великие, юношеские мечты. А её смех слышался всё реже и реже, и от него веяло печалью и тоской?!

Борис видел, как придавливает, подминая под себя жизнь, как рушатся надежды, как умирают мечты, и, что происходит с людьми, мечты которых погибают! Он не хотел сломаться, как мать, и поддерживать в себе желания жить, за счёт ухода от реального мира, в мир иллюзий. Он не считал, как его мать, что во многом виноваты обстоятельства. Он не искал, в отличие от матери, в случившемся с ними, ни чьей вины, ни оправданий.

Он знал, большая часть вины за их нужду, лежит на отце. Отец был не рассудительным, как Борис, а человеком приземленным, ползущем по земле. Отец не умел верить в великие мечты, как мать, да и вообще Борис сильно сомневался, что отец способен мечтать. Все желания Романа Леонидовича сводились к тому, чтобы окончить институт, получить профессию, и сидеть изо дня в день «белым воротничком» за своим рабочим столом, протирая штаны, за кусок хлеба с маслом. Новая машина, большой дом, путешествия, наконец, похоже были ему не нужны.

Провести всю свою жизнь, как животное в зоопарке, кото-

рого мало-мальски кормят и всё. Нет, Борису больше симпатизировала мать, некогда грезившая несбыточными мечтами! А почему, собственно, несбыточными?! Иметь своё дело, свою компанию — это, что предел человеческих возможностей?!

Просто отец по не дальнорзости своей, не понимал, в какой стране им выпала честь жить и, что в новой России пройдут столетия, прежде чем можно будет жить, хотя бы относительно достойно, на зарплату. Да по большому счёту, без своего бизнеса, в любой стране, жизнь не так уж сладка, ну, конечно, если только ты не звезда. Мать, наверное, тоже так считала, раз хотела сделать из своих сыновей звёзд хоккея.

Сослаться на головную боль или на не отложные дела, к чему Борис всегда прибегал, желая покинуть скучную для него компанию, сейчас было не очень уместно. Борис твёрдо придерживался своего же правила, общаться с людьми лишь с пользой для себя, неважно интеллектуальной или конкретной, и сейчас изнывал от скуки и чувства впустую потраченного времени.

Ещё несколько секунд и дока в детективах и ужасах, повернутый на всём этом, Алик, вступить в спор с этим местным лидером, «крутым» парнем, верующим в приведения. Рано научившейся кое как, да разбираться в психологии людей, постаравшись сделать, хоть не заинтересованное, но хотя бы бесцветное лицо, Борис пошёл на опережение, благо,

что Макс то ли учуяв подвох, то ли из-за скудности своих познаний в криминалистику, промедлил с ответом.

— И чем же это все закончилось? — спросил Борис нарочито заинтересованно, но он не являлся хорошим актёром, хотя и стремился им стать, отлично понимая, как умение играть чувства и скрывать их, полезно в общении с нужными людьми, но сейчас только непроглядная тьма, воцарившаяся в беседке, спасла его от разоблачения.

— Это фото Барри, здесь в беседке! — продолжил свой рассказ, Макс, — Говорят, что спустя год как исчез Барри, на кладбище недалеко от могилы той самой старухи, которая построила этот дом, нашли истерзанное тело молодого мужчины, так же изуродованное, как и тело того парня, который снимал рушник!

— Да, ладно! — не удержался Алик.

— Ну, конечно, мало кто тогда был убежден что это тело принадлежит Барри. А сейчас, тем более, ведь это вполне могло быть тело неместного забулдыги, напоровшегося на своего такого же вырубленного собутыльника. На нашем кладбище, часто ошиваются бомжи, пьяницы там всякие. Одним словом, опустившиеся люди нередко живут на кладбищах, ища среди могил пристанища, еду, ночевку там... — от своего неожиданного для самого себя красноречия Макс вошёл в раж и ему показалось вот наконец-то всех зацепило, — Мне всегда эти люди напоминают живых мертвецов.

Макс, считающий все эти рассказы бредом, иногда сам

удивлялся своей упертости, по сути, сформировавшейся в нём под воздействием всё отвергающей юности, с нетерпением ожидал реакции приезжих ребят, особенно Лики и Бориса. Борис молчал, решая, как потактичнее отчалить домой. Молчала и Лика, уже не чувствующая страха, как в начале рассказа Макса, а успевшая свыкнуться с тихой незаметно обволакивающей её сердце безысходностью. Безысходностью, притупившей даже отчаяние, свойственное ей в трудные минуты жизни, энергичной и по большей части оптимистичной девушке.

Макс излагал странные события дальше:

— Истерзанное до неузнаваемости лицо не давало возможности опознать погибшего, из местных, кроме Барри никто не пропал и труп похоронили, как раз в центре кладбища, недалеко от того места, где его нашли. Но... односельчане часто видели мать Барри, сидящей у этой могилы, за которой она ухаживала, и приносила цветы, васильки, всегда почему-то васильки, может сын их любил. Отец же парня, на кладбище никогда не появлялся, не считая, что его сын в могиле. Но ждали они его оба, до самой своей смерти надеялись, что сын найдется! Странно только, почему мать ждала, а за могилой, так тщательно ухаживала?! Да и странная она после обнаружения этого трупа стала, нелюдимая, не с кем не разговаривала, поздоровается и всё. Хотя лично мое мнение, наверное, всё-таки это легенда!

— А, кстати, кто продал вам дом и как вы нашли хозяина?

— спросила Алла, тем самым, не дав Алику обрушить свой поток красноречия.

— Ну, — нехотя ответил Борис с тоской глядя в чёрное небо, на котором уже давно появилась бледнолицая луна и несчётная, бесконечная россыпь звезд, — это родители где-то нашли объявление. Бабушка нам его продала, старенькая, сухонькая такая.

— Странно, — отозвалась Алла, — всем этот дом продаёт бабушка, старенькая, сухонькая и говорят, что она точная копия той старушки, которая этот дом построила, и которая уже давным-давно умерла.

— Возможно, это её родственница, дочь, видимо, просто никто никогда не интересовался, — неуверенным голосом возразила Лика.

От слов Аллы, к ее сердцу увертливой, молниеносной змеей, скользнул противный страх. Но она отчаянно не хотела пугаться, там за бурьяном на чёрном силуэте злосчастливого дома светятся окна, там их ждут родители, мама, которая так любит обновлять их жилище. Ей должен понравиться дом, он ей нравится, ведь она с таким рвением наводит порядок. И Лика, не будет, не должна испугаться, поверить ужасам местных пройдох, и лишит маму радости, не такой уж частой, в её теперешней жизни.

— У неё не было детей, — не без ехидства вставил Макс, — Да, и, если бы была дочь, ей должно быть, не менее сто пятидесяти лет, ведь бабке в начале века было, как минимум

за восемьдесят! Не слышал, чтобы люди столько жили!

Ярость заклокотала внутри Бориса. Он знал, что его сестра слишком впечатлительна, чтобы отнестись ко всему этому с юмором. А если она или братец сболтнут, что-нибудь матери, которая и так, последние лет десять, только и знает, что боится, как бы чего с кем из них не приключилось плохого, тогда вообще туши свет!

— Странно это всё, и дом этот довольно-таки жутковат даже на вид. — вставила Алла и спохватившись добавила учительским тоном, — Поосторожнее, друзья! Вы такая, на мой взгляд, дружная, счастливая семейка, мне бы очень не хотелось, чтобы с вами что-то произошло!

«Да они просто сговорились и дурачат нас!» — озарило мозг Бориса, и он немедленно стал думать, как поставить на место этих деревенских шутников.

И вдруг Алик, стоявший рядом с Ликой и улыбающийся с самого начала всех этих жутких повествований, не выдержав, рассмеялся:

— Ну и напридумывали же вы! Ну и молодцы! Ты Макс, верно, местный фантазёр, может Стивена Кинга, начитался! Нет, не катишь ты, как Кинг! Слишком много всего и сразу! Кто же, так тебе поверит?! Надо порциями выдавать!

Макс явно опешил от такой выходки малолетки и на время потерял дар речи.

— Что?! — воскликнула Алла, не понимая, что происходит, но, быстро сообразив, тут же обиженно заявила, —

Неужели ты действительно думаешь, что мы нарочно?! Вот так вы приехали мы пришли начали вас запугивать?!

Ну, извини, Алик, нам же не по десять лет, как тебе! Это всё, действительно было, так рассказывали люди, свидетели событий! Просто мы хотели вас предостеречь и только! — Алла явно обиделась.

— Ну, тогда уж, это вы извините! — усмехаясь, покачал головой уязвленный замечанием по поводу своего возраста Алик, — Вы же почти взрослые люди и верите во всю эту чушь? Я-то думал, просто напридумывали всякой ерунды, чтобы посмотреть, насколько у нас кишка тонка!

— Но наши родственники видели это своими глазами! Куча людей видели того разорванного мужчину на кладбище! — возмутился неожиданно вступивший в разговор Егор, откинув ниспадающую чёлку назад, — Не верите, спросите у любого старого человека! Все бегали смотреть, слишком уж неестественной силой был разорван мужик!

— Может быть бомжа убил какой-нибудь маньяк или мать Барри свихнулась и стала маньячкой?! Вам это в голову не приходило?! Она вполне могла пришить и бомжа, и своего мужа, а потом и покончить с собой! — отпарировал Алик, вызывая зависть у своего старшего брата, что и говорить, малыш Алик умел взять быка за рога, а Борис, увы, в свои уже семнадцать покуда, что умел лишь готовиться к бою.

— И что из того?! — разозлился пришедший в себя Макс. Сам он не верил, во всяком случае, считал, что не верит в

эти сказочки взрослых. Макс распалился не на шутку, — Девяносто девять процентов односельчан, не сомневаются, что здесь, что-то не так и этот ваш дом проклятый! Он приносит своим владельцам смерть! Понятно! — Макс буквально выкрикнул последние слова, ещё бы, он, Макс, лихой парень, пересказав сейчас то, о чём говорила вся деревня, выставил себе на посмешище перед этим недоношенным, маленьким ублюдком. Макс попросту кипел от злобы.

— Всё тут очень просто! Мать вашего Барри была психически ненормальной и убила сына, а потом этого мужика! Вы что, не знаете тех случаев, когда психически ненормальные люди придумывают всякие истории, а на самом деле всё это сделали они сами! Да и сам Барри после армии мог вполне всю историю со своей невестой... разыграть! — напирал отчаянный Алик.

Яблоко от яблони, как говорится... — съязвил Борис, — И выходит полная как тут у вас говорят белиберда!

— Мать Барри не была психически ненормальной, она просто стала замкнутой и всё! — твёрдо заверил Егор.

— Ну, это ещё не аргумент! — Борис, даже слышать не хотел весь этот бред, — Многие сумасшедшие сходят за вполне нормальных людей! Мать Барри спокойно могла сойти с ума от пропажи единственного сына! И здесь нет ничего невероятного, веский повод для тихого сумасшествия!

Вот! — вскрикнул Макс, — Именно после пропажи сына! А сколько всего случилось до?!

После чего деревенские ребята наперебой принялись отчаянно приводить свои доводы. А новосёлы Борис и Алик свои. Не вступала в спор только Лика в её душу закралась пронзительная до боли отрешённость. Единственное чего хотелось оказать рядом с мамой в желанных лучах электрического света.

— Ну, не стали бы мы вам нарочно, что-то рассказывать, придумывать просто так вот! — первым явно сдался достучаться до «почти» городских Егор, и, не зная, что больше добавить, удручённо замолчал.

Услышав в общем гвалте его возглас, спорщики перевили дух, при этом, чуть ли не с ненавистью глядя друг на друга.

— Ну, хорошо, — сказал Макс, и его карие глаза хищно заблестели во тьме, — Если вы не верите в это, значит, вы не верите ни во что! Ну, там, в загробную жизнь и всё такое.

Он сам считал свои слова чушью, и ему хотелось плевать от своих звучавших весьма проникновенно и без тени подвоха фраз. Но он уже придумал игру, в которую начал играть, и жадно ждал, когда же, кто-нибудь из этих городских выпендрёжников, попадёт в расставляемые им сети. Он даже знал, кто это будет, если конечно у него штаны не соскочат, у этого выскочки и пустобрёха. А главное Макс знал, что это случится очень быстро. Он инстинктивно чувствовал это, как хищник чувствует свою добычу.

Макс, выросший в бедной семье, с отцом Васькой (повзрослому его никто не называл) хроническим алкоголиком

подкалымливающим по соседям кому вскопать огород кому дров наколоть себе на выпивку, а что останется на жратву семье. Матерью на хозяйстве (с сада, огорода и живности семья и кормилась) на которую и на сына горе-отец по любому поводу распускал руки. С малых лет натерпевшийся, да и случилось даже сейчас терпевший, слишком много боли от своего отца, никогда, с самого малышоваго возраста, не позволял больше никому причинять себе боль. С лютой яростью, отстаивая свою независимость отцовским способом благо, что Макс был сильным и рослым. Кулаками он умирал задир, кулаками утихомиривал насмешников, подтрунивших над ним, когда он, мальчишкой пыхтя и отдуваясь тащил своего до беспамятства пьяного отца из очередной канавы домой. Случалось, что Макс и «брал» то, что хотел то же силой, но по мелочи.

Дерясь с раннего детства, он научился хорошо драться, и умирять присущий ему, как и всем мало-мальски разумным людям, страх. Он научился терпеть боль и не бояться её, но всегда ненавидел боль, слишком уж много и часто испытывая её.

Он рано уверовал, что за него никто не вступиться и не защитит, кроме него самого. Мать, закончившая лишь среднюю школу, измотанная хозяйством затюканная женщина, сама боящаяся своего мужа никогда не вступалась за Макса. Она вообще не проявляла своего «Я» только раз, когда, отправившись за покупками в райцентр проиграла наперсточ-

никам все деньги и естественно была жестоко избита мужем, а Макс был слишком мал чтобы отстоять маму. Повзрослев, Макс легко бы мог проучить отца, продолжавшего распускать руки, и на него хотя значительно реже, и как уж повелось на мать. Но лишь умирнял разбушевавшегося папочку угрозами из жалости к матери, которая грозилась удавиться если сын пойдет супротив как она старомодно выражалась, отца. Хотя в само повешение трусихи-матери Макс верил мало.

И, наконец, в завершение становления своей личности, а может ещё пока характера, Макс, как и всякий хищник научился провоцировать свою жертву, хотя и не обладал интеллектом способным на изощрения.

Макс не был злым. Он никогда не пинал собак и не убивал лягушек, как многие деревенские мальчишки, он не пакостил людям, не получал удовольствие от чужой боли. Но тяжёлая жизнь сделала из него хищника, яростно отстаивающего свое существование, в пределах тех норм, которые он для себя избрал, и временами эта ярость слепила его, и заставляла грызть, рвать, уничтожать, бездумно, неосознанно повинаясь первобытному инстинкту.

— Ну, почему же, — примирительно возразила Лика, не вступающая в спор, а наоборот переживающая, чтобы ребята не переругались, — Вполне возможно есть потусторонний мир, ну я, честно говоря, этим не интересовалась.

— А я, — твёрдо сказал Алик, и в тоне его голоса про-

звучали насмешка и вызов, — я абсолютно не верю в такую ерунду восставших зомби придумали создатели триллеров!

Птичка была в ловушке, оставалось лишь только захлопнуть сеть. И Макс сделал это.

— Ну, если ты такой неверующий, сходи ночью на кладбище! — яростно выпалил Макс плотоядно улыбаясь, — Прогуляйся, проведай там могилу Барри, или этой старушенции, которая в вашем доме жила!

— А я уже как-то ходил на кладбище, когда мне десять лет было, и ничего, никто не разорвал! — с вызовом рассмеялся Алик, низвергая на новых знакомых свой задорный апломб, так присущий дерзкой молодости.

Брат подверг своей горячностью сестру в шок, хотя ей и был известен инцидент с походом на кладбище, рассказанный домашним самим же хвастливым мальчишкой, решившим подобным образом испытать себя на смелость, с подачи книжных героев, в частности Тома Сойера. Но, после этого испытания, выдержанного Аликом с честью, их мать долго ещё просыпалась по ночам, чтобы удостовериться на месте ли её драгоценный младшенький! Лика отлично зная своего братца, и без труда предугадывая к чему может скатиться, подобное бахвальство, желала только одного, обуздать ретивого мальчишку. Но, Алик всё расходился:

— А, кстати, твоя идея Макс великолепна! — продолжал Алик, куражась, — Я с удовольствием схожу на кладбище, и даже ваш пресловутый рушник принесу с одной из небезыз-

вестных вам могил! А, если меня все же разорвут на куски неведомые силы, ты сможешь донести до потомков, ещё одну жутчайшую историю! — Алик отчаянно жестикулировал, верный признак, что он заводился всё больше и больше, — Хочешь, прямо сейчас схожу! — заключил он.

— Да, ты с ума сошёл! — вскрикнула Лика, хватая уже решительно двинувшегося с места брата, за руку, — Ещё чего не хватало, мало тебе прыжков со второго этажа, и всех этих ночных походов неизвестно зачем?! Ты просто сумасшедший мальчишка Алик! Ты доведёшь родителей до инфаркта! Прекрати, и выбрось эту затею из головы! Ты тоже хорош! — обратилась она к Максу со злостью в голосе, — Вроде взрослый парень, а несёшь всякую чушь!

До Макса дошло, что в глазах девушки он выглядел далеко не героем, спровоцировав на отчаянный поступок её малолетнего брата, но он, уже ничего не мог изменить. Игра была сделана, и отступать было поздно. Макс удрученно за сопел, но промолчал.

— Так значит, ты считаешь, меня ещё ребёнком?! — спросил Алик сестру, и его глаза жёстко заблестели в темноте, — Ну, ладно, хорошо! Я докажу тебе и всем вам, что я уже настоящий мужчина!

Никому не стало смешно от его слов, как было бы наверняка в иной ситуации. Все они молчали, вдруг осознав к чему, привели их споры. Даже Макс не радовался своей победе.

— Прекрати сейчас же Альберт! Я не считаю тебя ребен-

ком и вообще...

Если бы ты был взрослый, ты бы понимал, каково твоим родителям, когда ты проделываешь эту штучки, — разволновалась не на шутку Лика, отлично понимая серьезную настроенность своего упёртого братца, сестра-то знала, что Алик всегда делал то, что говорил.

— Вот ты всё-таки считаешь меня ребенком! — упорствовал Алик.

— Хорошо я тебе скажу откровенно! Исходя из твоего поведения, потому как ты выкидываешь всякие глупости и проделки, ты больше смахиваешь на ребенка! Только малолетка, способен утверждаться подобным образом! У тебя же есть хоккей, и ты недурно выглядишь на поле! Тебе, что хоккейного поля мало, сумасброд ты глупый! — разозлилась Лика.

Сестра понимала, что Алик теперь не успокоится, пока не докажет поступком свои слова. Лика, проклинала себя за случайно вылетевшую, необдуманную в горячке фразу, получалось она сама того не желая, задела горячего, тщеславного не по годам брата, и уже назад ничего не вернешь. Лика знала на собственном опыте и опыте домашних, что спорить, убеждать Алика, бесполезно. Хоть прощение проси — всё без толку. Мальчишка был способен чутко улавливать малейшую фальшь. А Лика и впрямь считала его ребёнком, как же иначе объяснить все многочисленные его безрассудства, если не ребячеством?! Алик действительно был ребен-

ком, ребенком с горячей головой и хотя чутким сердцем, но в пылу азарта и самоутверждения, мальчишкой напрочь забывающим, что на свете есть люди, любящие его и переживающие за него.

— Ну, хорошо! — сказал Алик, влезая на перила беседки.

— Алик, прекрати! — уже не настаивала, а просила Лика, — Хватит! Позабавились! — добавила она, жёстко, но при этом словно ища помощи у окружающих.

— Все это довольно-таки глупо! — вступилась Алла, — И впрямь выглядит по-детски!

Лучше бы она промолчала! Алик встрепенулся, соскакивая с перил беседки, глаза его горели в ночи, как два маленьких уголька.

— По-детски! — истерично рассмеялся Алик, — Помому, детство — это то, что ты веришь в эту чушь! Покойники, выходящие из могил, ожившие трупы, а, может зомби! Ну, вы и даёте, ребята! — Алик залился смехом.

— Я сам во всё это не верю! — тихо пробормотал Макс.

Макс и сам не знал почему он это сказал, слова выскочили интуитивно, как бывало, когда мать просила его не трогать отца, и он вопреки своему желанию соглашался. Хоть он и не научился за свою жизнь по-настоящему жалеть себе подобных, но как волк, повинаясь инстинкту не вступает в драку с самкой, так и Макс не вступал в схватку со слабыми. Сейчас слабой была Лика, и стала она такою из-за него. Макс поведал о своем неверии не для того, чтобы показать, какой

он цивилизный и крутой, а, чтобы девушка успокоилось.

Макс попятился назад вместо того, чтобы дожать. Такое с ним случалось только ради матери. Но взволнованная Лика даже не заметила попытки его отката, она не знала какая у Макса была жизнь, какой характер, да и сейчас ей не до кого не было дела, кроме своего упрямого младшенького братца. Мало того добрая в душе девушка неожиданно для себя ощутила клокочущую ярость на грани ненависти к Максy виновнику произошедшего.

— Но нельзя же полностью отрицать, что здесь произошло что-то не совсем обычное... — несколько растерянно и торопливо проговорил Вадим, удивлённый поведением Макса.

— Да прекрати ты, Вадик! — сурово напустилась на брата Алла, — Зачем пугать людей, когда мы толком сами не знаем, что да как было, одни слухи! Оповещаю всех никто не знает где правда, а где вымысел!

— Кого пугать, нас что ли?! — снова загораясь, встрял Алик, — Да я, если хочешь, рушник с могилы этого парня Барри запросто принесу! Не успеешь глазом моргнуть! Ну, хочешь! Хочешь, прямо сейчас пойду!

Алла, желавшая лишь одного, замаять ситуацию, уже второй раз ощутила себя в луже, и растерявшись, удрученно решила, что сегодня с присущей ей всегда убедительностью, явно не везёт, лучше помолчать.

Лика напряглась, лихорадочно соображая, что сказать,

чтобы хоть как-то притормозить процесс, а там... Что будет дальше, она не знала, но чувствовала, дело зашло слишком далеко, чтобы надеяться повернуть всё вспять.

Макс, разглядывая свои некогда белые кроссовки во власти вившейся пыли и грязи был сам не рад, что заварил всю эту кашу. Необузданная ярость, клокочущая внутри Бориса с самого начала выпендрежа младшего брата, заполнила всё тело, разум и рвалась наружу как вскипевшее молоко из маленькой кастрюли. И неся с собой насилие и ненависть с силой цунами прорвала преграды морали и совести:

— Заткнитесь на хрен теперь поздно языками чесать!

Это было неожиданно ведь Борис не вступал в горячие прения за сохранность брата. Деревенские застыли сражённые его злым голосом. Лика обалдела от хамских слов Бориса, да ещё и с матом. Стыд прожёл её чуткое ранимое сердце до боли. Алик вмиг стал пунцовым краска стыда разгорячило лицо и обожгла сердце, а всё нутро чистого мальчика исказилось в омерзении к подлому поступку брата стирая бесспорное ранее уважение к нему. Но если ярость выскочила наружу, то вышедшего из себя человека она помчит дальше в пучины злодеяний, не давая ему опомниться и воззвать на помощь свою сущность, ярость прежде всего блокирует рассудок, чтобы, совершая подлость и зло человек не прибегнул к уму оставляя действовать «нервами».

— Позабавились довольны?! Пора и честь знать! Пойдите по домам отоспитесь! Вижу, я в этой дыре, головы склонны

быстро тупеть! — ядовитым не свойственным ему голосом выкрикнул Борис и только тогда осознал, как низко он пал и на его перекошенным злобой и глумлением лице заходили желваки, выдающие нервозность.

Борис, мысленно проклиная себя, что виноват прежде всего он сам, он втянул всех в спор и ещё такое выдал позорище! Он, прикладывая невероятные усилия подавить ярость (проглядевшую что его разум не выведен из строя до конца) бесцеремонно подхватил вмиг Алика под локоть, и буквально поволок к дому, абсолютно не заботясь о крапиве, ставшей на их пути.

— Ух, бля бля бля... твою то мать! Надо быть каким ублюдком, чтобы в душу так насрать! — выдал Макс мини частушку собственного ежесекундного сочинения и показательно смачно сплюнув в сторону шуршавшего бурьяном Бориса быстро покинул беседку. Егор, хмыкнув молча последовал его примеру. Повисла удушающая Лику пауза.

Лики никогда не было так стыдно и плохо от слов. Она, разумеется, знала, что Борис вовсе не такой цивилизный и хорошо воспитанный, каким себя показывает перед взрослыми, и в нужной ему ситуации. В подростковой среде, он мог вполне, и с хохмить и ругнуться, но так по-хамски, старший брат не вёл себя никогда, и никогда так грязно не ругался. Борис просто не переносил хамов и матершинников, и никогда не опускался до уровня быдла. Но как Лики не было ужасно стыдно за столь бестактный поступок своего брата,

где-то в глубине души она ощутила и облегчение от того, что Борис положил этому конец. Ведь иначе бы ей самой пришлось, что-то предпринимать.

— Действительно давно пора по домам! — стараясь говорить бесцветным голосом, произнесла Алла, но не ушла, как и брат, они дети педагогов с детства выдержки их учили родители и понимать суть случившегося.

То, что Алла не ответила хамством на хамство Лика оценила и всё ещё сгорая от стыда затараторила:

— Извините, ребята! Борис не в себе! Этот переезд! Так много работы! А на будущий год ему надо уезжать в Москву в институт! В общем, сплошные напряжения и он взвинчен! А Алик, он действительно уже достал всех нас своими выходками! И Борис...

Лика запнулась, пустое это слова после такого хамства осознавая это ей самой стало противно говорить. Глупо было оправдываться в уже произошедшем, ещё глупее выставять на показ почти незнакомым ребятам свои семейные проблемы, но молчать было — подло, получалось как бы ничего поганого Борис не совершил. А Лика призрела выходку старшего брата и помимо удручающего стыда её негодование было сродни грохочущему водовороту куда больше кипящей воды в семейном чайнике если подобное омерзительное действие вылезло уже на люди.

— Это правда, что Алик хороший хоккеист?! — выручил её Вадим без тени обиды и Лика ещё раз оценила благород-

ство деревенских ребят.

Вадим, которому в школе ставили четыре по физкультуре лишь потому, что по остальным предметам у него были хорошие оценки, неловкий привыкший, как с этим родители не боролись, сутулиться, всегда в тайне завидовал спортсменам и приклонялся перед отчаянными хоккеистами и футболистами, не пропуская ни одной игры, транслировавшийся по телевизору.

Родившейся в педагогической семье, образованных интеллигентных родителей, можно сказать местной элиты, Вадим с детства получил запрет на серьёзное отношение к спорту. Вместо спортивных секций родители предоставили ему учёбу, учёбу, и ещё раз учёбу и умные полезные книги. Всегда послушный мальчик, он безропотно подчинился родительской воли, и лишь завидовал достижениям спортсменов, да, смотря матчи по телевизору, болел за московский «Спартак» и сборную страны, частенько вместе с отцом, тоже любителем мужских игр.

— Да, Алик с шести лет играет в хоккей и подает большие надежды! Он тренировался и играл за московский «Динамо», участвовал в детских чемпионатах не только столицы, но и страны! Он тоже будет учиться в Москве в спортивном интернате. — несказанно обрадовалась такому повороту событий Лика, но продолжала смущаться из-за произошедшего инцидента.

— Правильно! — восторженно выпалил Вадим и с зави-

стью добавил, — Здесь хоккей только на пруду! Вы из Москвы?!

— Рядом! Пятнадцать минут на электричке! Сначала Алик и Борис тренировались в местной спортшколе, но Борис получил серьёзную травму и ушёл из спорта, а Алик перешёл в «Динамо».

Вадим явно намеривался продолжить интересный ему разговор, но Алла заметила мать Лики, вышедшую на крыльцо, и сказала:

— Идём! Будет ещё время поговорить! Лика мама тебя разыскивает! — указав рукой в сторону крыльца, Алла попрощалась с девушкой, и направилась вон из беседки.

Её примеру последовал брат. В их прощаниях, Лика не заметила, к своему удивлению, обиды и прониклась ещё большим уважением к простым деревенским ребятам, которых так уж повелось призирают городские выскочки. Но осадок остался и как быть с Максом, Егором ведь она бы тоже не выдержала оскорблений и ушла...

Лика крикнула матери, что идёт, и как подобает гостеприимной хозяйке, проводила соседей до самой калитки. Там они вторично распрощались и новые, Лике хотелось верить друзья, ушли.

Только когда близнецы растворились в ночи, Лика застывшая во тьме, в окружении далёких искрящихся звезд и близких, земных, пугающих своей неизвестностью теней, при свидетельстве бледной, как перекошенное лицо покойника,

пока ещё не полной луны, осознала, как сильно она устала. Ей не хотелось, ни есть, ничего. Просто упасть и заснуть. Забыться, было её единственным желанием.

Но, что-то мешало ей развернуться и направиться в дом, так манящий своими горящими окнами, отказаться от ужина, принеся маме легкое беспокойство, упасть ничком на матрас, и провалиться в сон, исчезнуть хоть на время в стране грёз, от этого трудного мира. И это что-то, было здесь. Оно таилась повсюду. В чёрных тенях старых яблонь, среди густых кустов сирени, на мрачной, она знала пахнувшей гнилью, крыши дома. Это было кругом. Шло отовсюду, подкапываясь к ней плотной, густой пеленой, накрывая её и мешая ей дышать. Это проникло в неё, оно было уже внутри, и не было ни единого шанса разорвать плен нахлынувшего страха, овладевшего ею.

Если, когда она стояла там, в беседке, в её мозгу пролетали лишь проблески предпосылок, то теперь она была уверена, что это уже случилось. Что за время их невинного спора, как правило, напрочь забываемого подростками спустя час, произошло нечто страшное и теперь удары часов лишь отсчитывают времена, время до конца.

«Это произошло потому, что мы просто не знали...» — резанула мозг Лики, фраза из прошлого, причинив ей физическую боль. — «Мы просто не знали, а она умерла... мы просто ошиблись... просто...» — начиналось исступление, давящее своей тяжестью, и кинувшее ее в прошлое.

Просто, какое обыденное и болезненное слово. Лики исполнилось семь, и отец, делавший подарки не более десяти раз в своей жизни, купил в зоомагазине и подарил ей болотную черепаху. Лика была вне себя от счастья! Она тотчас принялась с бесконечной любовью к животным, свойственной большинству детей, ухаживать за своей черепахой. Вместе с мамой, она, надрываясь, натаскала речного песка и гальки, нося это всё от речки, расположенной чуть ли не в четырёх километрах от их дома. Из старой большой ванны они соорудили самый «большой» террариум для «домашних» черепах, с водой, которую Лика тщательно меняла, с островком из песка и гальки, и с домиком из картонной коробки, так как черепашка большую часть времени спала.

Лика, часами просиживала на палящем солнце, и под морсящем дождем, выгуливая черепашку на свежем воздухе. Они с мамой облазили на коленях все соседские дворы, когда однажды черепаха, подрыв дырочку в песчаной земле под забором, сбежала во время прогулки. Лика обливалась слезами, виня себя за невнимательность, ползала, ползала на коленях, ощупывая траву руками и загоняя в нежные детские ладошки занозы и колючки. Спустя почти пять часов, черепаху в своём дворе нашёл, подключившейся к поискам Борис. Тогда-то, сияющая от счастья Лика, впервые в жизни поцеловала брата, так родственные нежности были чужды в их семье.

Лика печалилась, что её любимица не ест капустные ли-

сты, и лишь раз в неделю прикладывается к свежим кусочкам сырого мяса и рыбы, которые девочка ежедневно подбрасывала ей в воду. Лика умилялась, глядя, как умеет плавать черепашка, преодолевать преграды на своём пути, взбираясь на них, смешно вытягивая головку. Девочка с радостью обнаруживала у черепашки, то занятные коготки, то причудливый чешуйчатый хвостик, то малюсенькую дырочку для пипи, и возбужденно делилась своими находками со всеми домашними, а особенно с мамой, тоже радующейся, как дитя.

Наступили зима. Черепаха не вылезала из своего домика, и все они решили, что она впала в зимнюю спячку, так делают сухопутные черепахи, мама об этом читала ещё в детстве. Лика день за днём, легонько дотрагивалась до задней ножки черепахи, проверяя жива ли она, раз не вылезает и не ест, и черепаха всегда подтягивала в панцирь свою вытянутую во сне, левую ножку.

На семейном совете с предложения Лики, было решено вынуть черепаху из ванны — террариума, и поместить её в просторный картонный, утепленный всевозможными тряпочками, ящик, на зимнюю спячку. Их большой дом, зимой не набирал комнатную температуру выше восемнадцати градусов, в среднем же температура в комнатах была пятнадцать, а в сильные морозы опускалась и до десяти, так, что приходилось всю зиму спать не только в верхней одежде, но и частенько под двумя одеялами.

Домик черепашки в ванне был всегда влажным, из-за про-

мокшего от воды песка, и из-за опасений за здоровье животного, черепашка была отправлена в спячку. А Лика по-прежнему, (правда из соображений не мешать спать своей любимицы), теперь раз в две недели проверяла её состояние по лапке.

Затем наступило Рождество, и мать с детьми поехали погостить к бабушке, маминой мамы. Вернувшись через две недели домой, Лика первым делом бросилась к своей любимице, нежно и осторожно коснулась её вытянутой, как обычно лапки и... лапка черепашки не убралась под панцирь.

А затем они налили чуть подогретой воды в ванну, и опустили туда черепаху. Черепаха сначала не реагировала, но потом вдруг дернулась вперёд, и сильно вытянув голову, сделала пару шагов, так и не открыв глаза, и всё... Ветеринарный врач, к которому мать тут же повезла черепаху с надеждой реанимировать, сказал, что животное умерло, как минимум неделю назад, и уже начало припахивать! Похождения в ванне? Такое бывает при непроизвольном сокращение мышц, непосредственно после смерти, но в данном случае невероятно! Но Лика то знала, почему это было! Её любимая черепашка очень любила воду, и очень хотела жить!

«Бедная, миленькая черепашка! Мой черепочек! Прости! Прости меня! Как же ты мучилась! Нет мне прощения!» — Лика плакала всю неделю, ночь напролет после смерти своей любимой черепашки не сомкнула глаз, и лишь спустя месяц, впервые после трагедии улыбнулась, и на всю жизнь вознена-

видела зоомагазины, обрекающие диких животных на страдания и скорую смерть!

Мама тоже плакала, да и мужчины сильно переживали, пожалуй, даже ко всему равнодушный отец. Но они сами были виноваты в смерти черепахи! Ничего почти не зная о черепахах, они не удосужились порыться в библиотеке, проконсультироваться с ветеринаром заранее, и когда отец по ошибке, купил вместо сухопутной черепахи, болотную, за которой ещё труднее ухаживать, они доверились уверениям продавщицы, что болотные черепахи впадают зимой в спячку, так же, как и сухопутные, и что им необходимы те же условия.

Их черепаха умерла от нехватки жидкости в организме, мученическая смерть от жажды! Болотной черепахе и во время спячки требуется вода! Её нельзя было убирать в сухое место из террариума! Они ошиблись, а ценой их ошибки стала смерть невинно, загубленного существа!

«Мы просто не знали!» — так тогда сказал отец, но для Лики эти слова не стали презумпцией невиновности, а лишь усугубили в её душе и её вину тоже.

«Мы многое проиграли в жизни с вашим папой, упустили тысячу шансов! Великолепных шансов, дарованных судьбой далеко не всем! Потому что... Потому что... Я была уверена, что это и есть правильно! Но то, что считаешь правильным в двадцать, в тридцать будешь почти наверняка считать роковой ошибкой, а в сорок...» — ещё одна фраза из про-

шлого, врезавшись в сознание заставила Лику, страдающую от печальных воспоминаний, буквально встрепенуться.

«Да мамочка ты тысячу раз права, если я в свои пятнадцать решу правильным поступить именно так, то для твоих сорока трёх, мое решение покажется абсолютной ошибкой?! Ну, что же мне делать? Его никто не остановит! Ни ты! Ни папа! Ему можно грозить, запрещать, но он, этот упрямый мальчишка, всё равно сделает по-своему! Он хитрая бестия знает, что как бы ты не ругалась, и даже не кричала, ты всё равно простишь его, и папа тоже, папа упрям, да не в том, в чём надо! Какая не разрешимая дилемма! Ты мама конечно бы нашла разумный выход, во всяком случае более правильный, чем я, но пока ты, как всегда, когда обновляешь теперь уже новое наше жилище, радуешься этому. А расскажи я и ты впадешь в депрессию и будешь как всегда сутками напролёт сидеть в своём кабинете! Нет, я так не могу! И ведь ты можешь поверить, и даже папа вполне может! А я? Мне противно, мне просто не по себе, мне...»

Кто-то мягко положил ей руки на плечи и Лика, погруженная в свои мысли, подскочила от испуга, едва не вскрикнув.

— Извини, я не хотел тебя пугать! Ты, что собралась ночевать на улице?! — заговорил тёмный силуэт, голосом Бориса.

Лика молча резко высвободилась и шагнула в сторону дома. Борис сгрёб её в охапку, как в детстве, когда её было плохо или страшно:

— Прости! Не знаю, что на меня нашло! Завтра пойду извинюсь, обещаю!

Ли́ка молчала, но не высвобождалась. Так они стояли, чувствуя тепло друг друга и холод надвигающейся тьмы. Минут пять. Молча. Какие могут быть слова после подлости?

— Не знаю, что со мной... — удручённо выдавил Борис, — Это пятый раз за год, когда я вышел из себя! И год ещё не кончился! Надо посетить психотерапевта самому противно до жути и стыдно! Как баба склочная прям блин!

Ли́ка не ответила и это испугало Бориса. Сестра, как и мать любила давать советы, высказывать своё мнение, а тут. Лучше, как и мать борец за справедливость накричала отругала. Самое страшное наказание — наказание молчанием, отсутствием реакции. Они опять долго молчали.

— Что ты об этом думаешь? — неожиданно развернулась к брату Ли́ка, но голос её был бесцветен, признак что она за проступок не простила, но не сдержалась спросить.

— О чём? — сделал вид, что не понял, Борис.

— Ну, о том, что они нам здесь порассказали. — Ли́ка внимательно смотрела на брата, видя в темноте лишь блеск его глаз.

— Мне кажется от скуки решили нас немножечко попу-гать. Нечто проверки на вшивость!

— Ты совсем не веришь им?

— Забей! Может, и было что-то, какое-то неясное происшествие в этом

доме, но они всё это явно в сто крат приукрасили! — Борис говорил абсолютно беззаботно и без тени сомнения, видя растерянность сестры, он продолжил ещё более оптимистично, — Они просто нас за олухов держат! Наверное, думают, раз почти из Москвы, надо поиздеваться! Или сами они того, что могут серьёзно такую чушь пороть!

Он хотел цинично добавить:

«Интеллект то у деревенских людей редко встречается, иначе бы их родители здесь не жили!»

Но неожиданно сам устыдился своего необоснованного цинизма. И вспомнил спор на эту тему почти сразу по приезду сюда, когда мать и Лика считали, что наоборот, именно среди деревенских людей встречаются самородки, настоящие таланты и таких примеров куча! Те же русские писатели классики. Просто у деревенских людей меньше шансов показать себя! Горячо тогда они доказывали. А ведь и впрямь. Что-то произошло сейчас в ночи цинизм и пренебрежительность Бориса к людям последнее время, становились ему противны. Хотя тогда он, возводя свои каноны и на замечая других все опровержения отвергал и женщины (а спорили их трое) ушли, придя к выводу бесполезности что-либо доказать.

Они опять молчали в ночи. Звёзды смотрели оттуда с высока на две крохотные живые песчинки-фигурки такие родные и такие чужие. Борис стал мёрзнуть и подумав, что сестра-мерзлячка давно замёрзла, разрезал тишину трону-

тую лишь звуками ночи:

— Ты веришь в эту чушь?! Реинкарнация, свершившаяся в этой глуши единственная в своём роде во всём мире! Какой бред! — донёсся до Лики, улетевший в свои мысли, нарочито ироничный голос Бориса.

«Верю ли я в эту чушь?» — мысленно задала себе вопрос Лика и не нашла ответа.

Она почти не верила. Нет, конечно, во всё, что они тут порассказали, она не верила. Но почему она тогда боялась? Чего она боялась?

— Не вздумай рассказать эту глупость матери! Она впечатлительная, вобьёт себе, что-нибудь в голову и тогда тушите свет! Да и отцу не стоит выносить мозги! — видя, что сестра медлит с ответом, опередил её Борис.

«Как в тебе интеллигент уживается с пошлостью? И откуда ты только нахватался такой речи?» — подумала Лика, но сейчас это было не главным, да и не хотелось ни о чём говорить мешал неосознанный заволакивающий страх и согласилась с братом, ощутив непроизвольное облегчение оттого, что брат разделил с ней ответственность:

— Да ты прав! Его всё равно никто не остановит.

Мысли Бориса очевидно интуитивно восприняв разговор сестры как прощение вновь наполнились эгоцентризмом он пропустил значимость последнего думая о себе:

«Ещё только год! В институт в Москву и гори оно всё это синим пламенем! Надоело! Ох, как надоела эта вечная все

семейная беспомощность! Эти вечные, нескончаемые бытовые проблемы! Буду трудиться до посинения! Главное победа, победа любой ценой! Даже общагу переживу, раз на съемную квартиру средств нет! Но, я ещё докажу этим родным мне чужакам, которых всё-таки люблю и знаю, что буду частенько их навещать! Покажу как надо жить проигравшим предкам!»

Мерзлячка (опять в мать) Лика не шла домой. Ну и сколько можно стоять и зачем поглазеть на небо можно из окна если замёрз Борис не понимал часто мать и Лику «не приземлённых» как мать как-то выразилась людей. Да стоило, заглаживая вину не проявлять инициативу, но так и сопли схлопотать недолго, а ремонт и рассудительный Борис не выдержал:

— Ты же дрожишь пошли в дом! Я и то замёрз! И выбрось эту чушь из головы! Максимум чем это закончится сломанной ногой Алика, как тогда, когда он сиганул со второго этажа, что-то тоже сам себе доказывая, придурок! — даже в черноте ночи флюиды возмущения Лики ударили по Борису и он тотчас осёкся, — Извини сорвалось! Пошли пожалуйста заболеешь как работать дел ещё невпроворот?!

Борис обнял сестру за хрупкие плечи, подрагивающие от ночной прохлады и волнения, и легонечко подтолкнул к дому. Лика обвела взором звёздное небо, и ей сделалось тоскливо и очень, очень одиноко.

«Люди, даже, если и говорят на одном языке, просто не

способны понимать друг друга, и это не их вина, такими их сделала природа.» — с горечью подумала Лика, и в её памяти проскочила ещё одна нить прошлого, фраза, когда-то сказанная её матерью, её отцу:

«Я отдам тебе свою жизнь, я отдам тебе свои стремления, мысли и мечты, но ты никогда не будешь жить моими мечтами, и никто никогда не живёт чужими мечтами, мечты — это индивидуальность.»

«Мы тоже там живём...» — прошептали Лике со звёзд.

В окнах чёрного сейчас в ночи дома, горел свет, тёплый свет надежды и уюта, но было ли это реальностью?

Глава 5

Переступив черту

Эй, приятель! Хочешь быть избранным?! Тогда сделай это!

Не бойся! Будь смелее! Переступи черту, и ты узнаешь то, чего никогда не узнаешь, не сделав этого!

Ты прав в своих подозрениях, да отсюда не возвращаются!

Но ведь здесь так хорошо!

Так хорошо! Как нигде!

За чертой человек способен летать! Не раздумывай! Давай переступи черту!

Стояла тёмная ночь. На небе светила полная, бледная луна, скрываемая иногда набегающими облаками, напоминающими собой клубы чёрного дыма, сильно растянутого поперек. От деревни, в распахнутые настежь окна дома, доносился вой собак. Алик, влекомый естественной физиологической потребностью, опорожнить мочевой пузырь, проснулся. Часы-будильник, стоявшие на подоконнике, показывали одиннадцать десять.

За эти прошедшие пару недель Минаевы наконец-то расставили мебель, кучей грудившуюся в гостиной, пока в трёх спальнях, расположенных на втором этаже дома, в которых успели и всё покрасить и оклеить стены новыми недорогими,

но виниловыми и с шелкографией светлыми с сиреневыми и голубыми небольшими цветами обоями. Борис с Аликом спали в одной спальне, мать с Ликой, не пожелавшей по понятным причинам, как в прежнем их доме, спать одной и в третьей спальне отец.

Самостоятельно без привлечения кровельщиков залатали крышу правда, их результат работы не был ещё проверен дождями, за неимением таковых. Во всю шла внутренняя покраска дома, от чего все ночи напролет приходилось спать с настежь распахнутыми окнами, и всё равно ощущать резкий, одурманивающий запах эмали. Теперь после починки крыши и покраски наружных рам, вся работа концентрировалась внутри дома, так как подрезать деревья в саду всё равно надо осенью, а убрать мусор, сваленный в кучи во дворе всегда успеется, да его ещё и прибавится, ну и, наконец, починить забор дело уже десятое.

В доме же работы было много: покраска потолков, стен и полов, оклейка стен, протекающая сантехника, дымящая плита, распаковка вещей наконец, ну это дело приятное. Омерзительно было работать на потолке, стаскивая промокшую колючую даже сквозь бельевые перчатки стекловату и золу, (давно не применяемые устаревшие утеплители) чтобы заменить прогнившие доски, смазать купоросом и прочими антисептиками толстенные балки, которые были не в силах заменить, да просушить наконец это грибное болото!

Всю предыдущую неделю, вся семья чесалась, словно че-

сочотные, плевалась от стекловаты, усердно отмывала руки и сморкалась от золы. Но всё, с этими пытками ада, трижды спровоцировавшего беспочвенный скандал матери с отцом, было покончено!

Но самым удивительным было то, что новые приятели, приходившие трижды на подмогу, дважды, когда Минаевы всей семьёй неуклюже возились с крышей. В чём в чём, а в дипломатии Борису в семье не было равных! Как он утряс свою выходку и если погасил не конфликт, то не дал вспыхнуть отторжению оставалось загадкой «мастера». Старший брат сдержал слово и на следующее утро отправился в деревню, а уже к полудню компашка прибыла в полном составе и как не в чём ни бывало помогать. Женщины и Вадим с косой (справлялся он с бурьяном со сноровкой быстрее и лучше Романа Леонидовича) продолжили расчищать большой участок, мужчины ремонтировали местами приходилось поднимать завалившейся забор.

Странно то что новые приятели, а может уже и друзья (в деревнях меньше чураются дружбой) даже не заговаривали, ни о Барри, ни тем более о брошенном Аликом вызове. Правда, Макс был несколько мрачноват, но молчал бестия. Среди же своих только Борис на следующий после спора день подстерёг и наедине отсчитал младшего братика за выпендрёж, причём весьма нелестными словами, и всё, как будто это был сон, никто ни словечка. Алик обиделся ещё больше он и так был обижен за брань Бориса с ребятами, но виду не подал,

а затаился и избегал Бориса. Отец-то с матерью видно было не знали. Лица мамочки не проболталась.

Но, как такой поворот дела не удивлял Алика, он был не из тех, кто, гавкнув прячется в кусты. Алик, хоть и был ещё очень юн, но подражая своим любимым книжным героям, умел держать свое слово и исполнять данное им обещание. Он был настоящим джентльменом, этот маленький мальчишка. И он вовсе не являлся хитрой, несносной бес-тией, дрянным мальчишкой, творившим глупости, как считали все его родные, кроме мамы, не всегда, но всё же понимающей его. Просто в нём кипела неистощимая энергия. Душу мальчика распирала, как мощный ветер раздувает парус, жажда приключений, его отважное сердце стремилось к подвигам, а смелый, бесшабашный нрав звал в дорогу, навстречу опасностям, лишениям и трудностям, и здесь одной хоккейной площадки было мало. Несокрушимая жажда жизни, унаследованная им от матери, влекла его в неведомые дали, толкала на нехоженые тропы.

Горячая голова Алика, стремилась вырваться из обыденного круга, и познать мир во всех его красках. И это он не мог перерасти, это могло притупиться лишь под давлением времени, лишь десятки тяжёлых лет в нужде, способны были пообломать этот азарт пылкой души, придавить неусидчивый характер, рвущийся навстречу приключениям. Да и то сдавалось, что мальчишка был более стойким, чем его мать, растерявшая с годами свой пылкий нрав. А вот сын, вполне

мог не позволить времени подмять себя и выиграть у жизни свое «Я». Он был слишком смел этот маленький мальчик, с самого рождения слышавший зов чудесного мира, так манящего людей с кипучей энергией и отважным сердцем.

Алик умел выжидать время и скрывать свои истинные намерения, в отличие от старшего братца, который первые три дня, перед сном всё читал, делая вид, что вспоминает школьную программу перед началом учебного года. На самом деле Борис ждал, когда Алик заснёт и Алик это прекрасно просёк. Лика тоже первое время напрягалась и судя по красным глазам с утра, не спала, как минимум до полуночи. Но Алик умел ждать, а их бдительности хватило ненадолго. Тогда-то он и поставил на ночь свой верный будильник, полтора литра воды перед сном.

Алик осторожно, чтобы не разбудить Бориса, вылез в открытое окно. Прыгнуть со второго этажа на кучу скошенной травы для него было делом наилегчайшим. Под негромкое похрапывание старшего братца и трубный храп отца доносившейся из распахнутых окон, Алик двинулся в путь, прячась в густых кустах зелени и среди чёрных теней деревьев, восторженно ликуя от предстоящего мероприятия. Он не ведал страха, по крайней мере, сейчас.

Алик быстро прошмыгнул к калитке. Калитка жалобно скрипнула, выпуская Алика на пыльную из-за отсутствия дождей, грунтовую дорогу, ведущую к деревеньке, состоявшей из девятнадцати домиков, по большей части до неприличия

неухоженных. В основном здесь доживали старики не пожелавшие перебраться к детям кого, конечно, дети звали, были и те, о ком дети забыли или не имеющие детей.

Путь до деревни среди заброшенных колхозных некогда полей, теперь летом радующие глаз сиреневыми люпинами, а осенью устрашая засыхающими скелетами борщевика выше человеческого роста, Алик преодолел одним махом, с удовольствием вдыхая полной грудью свежий, бодрящий ночной воздух и заговорчески косясь на полную луну, освещающую ему путь. Он часто ранним утром выходил в поле напротив дома и приносил маме букет полевых цветов последний раз малиновых гвоздик это воспоминание согрело и приободрило мальчика. Всё по правилам ребята, фирма веников не вяжет, Алик то знал, что мертвецы и прочая нечисть, особенно опасны в полнолуние. Идти было приятно, шорохи в придорожных кустах, треск кузнечиков, да крики ночных птиц, лишь приободряли его. И редкое явлением в конце августа кваканье лягушек, изредка будто разговор дозорных доносился от болотистого ручейка на окраине деревни, что привело, по сути, городского паренька в неописуемый восторг. Он ощущал себя путешественником, прокладывающим путь в первобытных джунглях. На улице в деревне не было ни души. Света в окнах домов не виднелось.

Деревня мирно спала и даже, как нестранно, не сыскался пьяница, возжелавший повыпендриваться в полнолуние. От этой мысли Алику сделалось смешно, и он быстрым ша-

гом разделался с печальной деревенькой, сопровождаемый не только отчаянным лаем местных дворняг, но и их с виду яростными наскоками, которые лишь ещё больше развеселили добродушного мальчишку.

От деревни до кладбища чуть более двух километров и первый километр Алик преодолел, не сбавляя темпа. И уже до кладбища рукой подать. Обрамляющие его мрачные кусты акации, уже чернеются там впереди. А что ещё там впереди? Жизненный страшный вопрос и не стоит над ним задумываться, ведь ответ таков: мало очень мало, так что, обидно до сёез, до тоски, до отчаяния, до ярости — хорошего, и очень много, как же опять несправедливо, много — плохого! У всех?! У всех, по крайней мере, живых существ!

Зловещие очертания кладбища, всё чётче вырисовывались и Алик, немного замедливший шаг на разбитой грунтовой дороге, ощутил песок набившейся ему в кроссовки. А вот и первый укол страха, резко, как рапира кольнувший в самое сердце. Мелочи жизни! Ему уже приходилось испытывать страх и посильнее, тогда, когда он первый раз решился прогуляться ночью на кладбище, вот жутко-то было! Но ведь, как после было приятно посмеяться над своим страхом и гордиться собой!

А разве, когда его восьмилетнего мальчишку с аппендицитом, все-таки лопнувшим на операционном столе, ввезли в операционную и уложили на стол, сделали весьма болезненные уколы местной анестезии и он глядел в зеркало над сто-

лом и видел врачей, перепачканных его собственной кровью, ему не было страшно?! Когда он видел блестящие, зловещие хирургические инструменты и ощущал невыносимую боль, от позорного крика его спасла только мужественно прокусанная им самим же губа. Чувствовал шоковую боль, когда хирург отсекал аппендикс, разве он не боялся?! А когда отделился от подоконника второго этажа, и земля быстро понеслась навстречу, он, ещё находясь в воздухе знал, что добром это не кончиться, и был прав!

А сейчас ведь он тоже предчувствует, что эта его затея добром не кончиться! Алик упрямо мотнул головой, отгоняя навязчивую мысль и подмигнув самому себе, приободрял себя:

«Ну парень ты что боишься?! Ну, ты и мудило! Ты же был здесь пять дней назад, когда тебя послали за продуктами в Маркино! Ха! Ха! Наивные они, однако! Ха! Ха! А если автолавка не станет ездить раз в неделю как старики за хлебом дойдут?!»

Смех не получался. Насильно выдавливая его наружу, Алик слышал лишь булькающие, нелепые, страшные в этой довлеющей тишине, своей неуместностью, звуки. Но он и не думал отчаиваться, продолжая идти вперёд, и разговаривать сам с собой, теперь, уже вслух. Так он и раньше частенько делал, когда ему, бывало, одиноко.

— Ты знаешь, где могила Барри и там ещё не свистнули рушник с креста, не то, что на могиле старухи, даже крест

завалили набок. Разве не тебе всё это показал местный дед?! Метров сто, ну хорошо сто тридцать от входа проходишь, берёшь рушник, и ты на коне, как в лучшие времена! Ну, чего же ты приятель, неужели поджилки трясутся?! Ты же был уже на кладбище! И, что с тобой сделали мертвецы?! Поцеловали твою задницу!

Алик нарочито рассмеялся, но... что-то нелепое вышло, какое-то кряканье... И говорить вслух вмиг расхотелось.

«Ладно, смех не получится, ну и фик с ним! Что, уж действительно смешно, так это то, что ты, похоже, струхнул, поверив всем этим бредням! Да ты сам, поднабравшись впечатлений, можешь запросто набросать пару, тройку таких ужастиков и даже напечататься, как напечаталась в конце концов, твоя мамочка!» — мысленно подбадривал себя Алик.

Увы, хоть он и в правду не верил в загробную жизнь и считал рассказанную страшилку выдуманным фарсом местной ребятни, но... липкий страх омерзительно заполнял сущность даже такого отважного мальчишки. Почему все люди испытывают первобытный страх перед потусторонним миром? Если есть и таких много, кто верит загробную жизнь? Чего же тогда бояться? Вот и Алик не понимал причину нарастающего страха... Но шёл вперёд.

«Правда мама пишет сказки для детей. А за них и платят немного, и ее добрых, благородных и печальных мишек, мышей, ежей и кроликов, так и не присмотрел, ни один режиссер для мультлика. Современному телевидению подавай ком-

мерцию, а коммерция — это убийства! Люди любят смотреть на кровь и мучения других! Эй, ребята я здесь! Да вот он я, иду за очередной порцией крови! Не прозевайте мой роман! Я будущий Стивен Кинг и я умею классно болтать сам с собой, как моя мама!» — но вслух Алик ни издавал не звука и слышал лишь своё дыхание, да жутковатые шорохи ночного кладбища там впереди совсем уже близко.

Но, Алик не сдавался. Он представил себя актёром в приключенческом фильме, которые, как в прочем и книги особенно про приключения мореплавателей, первооткрывателей обожал и считал их сюжеты куда более захватывающими, чем современный экшен. Он мальчик из поколения детей интернета, увлекающийся гаджетами и всевозможными дарами всемирной паутины, тем не менее читал непечатные на бумаге книги и любил даже в детективах и то писателей не из своего времени.

«Поверьте болтовня с самим собой даёт позитив, когда жизнь тосклива! Даже очень! Кстати, я подумал, может мама начала писать не только от переизбытка идей и поисков своего места в жизни. Ну, как она любит это называть, говоря таким важным, важным голосом, надо делать всё для самореализации, каждый человек может быть счастлив только тогда, когда он самореализуется! Мамочка твои слова, что чистое золото! Так вот мама, может, ты стала писать, потому что папа такой молчун, и тебе не доставало разговоров с плюшевыми зайцами?! А, что резонно, сочиняя сказочки,

можно классно болтать с самим собой! Ха! Ха! Что не веселиться, да герой?! Эх ты молокосос сопливый! Я смелый! Да, дерьмо ты трусливое! Ну, кончен бал, вот и каменная арка, символизирующая как бы вход, кладбище-то не огорожено! Смешно да?!

Алику было не смешно, но он продолжал дурачиться в надежде что страх, всё сильнее сковывающий его отступит.

«Почтеннейшее благодарю вас благочестивые господа, сеньоры и сеньориты, за проявленное гостеприимство к моей скромной, странствующей персоне! Ветер странствий занёс меня в ваш тихий край!»

Не помогало. Страх усиливался.

«Ну, хорош, кончай ломаться! Просто сделай это приятно, переступи черту! Давай! Вперёд! Смелее! Вырви ещё одну победу у жизни!» — мысленно приободлив себя в приказном тоне, Алик двинулся к заросшей мхом и плюющим арке, угрожающе раскрывшей свою пасть и жаждущей проглотить его.

Но смело идти не получилась. От вида белеющих во тьме могильных крестов, там впереди за чертой арки, бравада улетучилась, мысли спутались, а ноги вмиг сделались свинцовыми. Сердце безжалостно сжали стальные ручищи страха. Но он не остановился, продолжая двигаться вперёд.

Переступая черту, Алик ничего не знал, он не знал, что черта — это грань между реальным и нереальным миром и переступив её, ни одному человеку не суждено уже насла-

ждать краски и солнцем реального дня. Бедный ребёнок, вошедший на трясущихся, негнущихся ногах в мир тьмы, во власть луны, смерти и страха, он считал чертой преодоление собственного страха! Как же горько он ошибался! И как же безвозвратно мчалось время, отчитывая минуты до...

Алик медленно продвигался по заросшей дорожке, вперёд к своей цели.

Черные силуэты деревьев, казалось, таили за собой какие-то спрятавшиеся фигуры. Поблескивали холодным блеском, отражая свет луны, хмурые памятники и надгробья. Мрачно вырисовывались, из этой устрашающей тьмы, бледные очертания крестов.

Было тихо, пожалуй, слишком тихо и обострившейся слух Алика, улавливал каждый шорох, даже шелест листьев на деревьях, хотя не было ни малейшего ветерка. Лишь подошвы его кроссовок хрумк, хрумк, чересчур громко постукивали по мягкому грунту, хотя он шёл почти, что на цыпочках, отчетливо слыша лихорадочные удары своего сердца, разрывающие ночную тишину.

Мальчику стало казаться, что он слышит какой-то шёпот вокруг себя, идущий к нему отовсюду. Теперь, внутри кладбища, страх обступил Алика. И он не мог себя успокоить, что уже проходил через подобное, десятилетним мальчишкой, всего то два года назад, разве не свежи ещё те воспоминания? И разве так уж действительно жутко было, как он то-

гда боялся? Хотя тут видимо, как в прыжках с парашютом, сколько ни прыгай, всё равно немного, да страшно.

Странно было то, что смелый мальчик в этот раз боялся не немного. Он весь трепетал от страха. В его горле, было суше, чем в пустыни Сахара, ладони противно взмокли и всё его существо предательски дрожало, как в лихорадке. А сердце, сердце Алика рвалось наружу из мерзких тисков страха с силой реактивного самолета, грозясь разорвать гортань и выпрыгнуть в ночную прохладу, или же разлететься на мелкие кусочки от непосильных потуг. Но он всё же иступлено шёл вперёд, теряя от страха способность видеть и практически лишившись возможности мыслить. Он шёл на автомате, как запрограммированный робот, с навязчивой осторожностью, медленно продвигаясь только вперёд.

«Видел бы меня сейчас Макс! Усох бы!» — промелькнуло в голове Алика, но улыбнуться он не смог, губы, насильно растянутые в скептическую улыбку, предательски задрожали и скривились.

Где-то вдалеке, в деревне завывала собака жалобно протяжно. Её вой напоминал вой волка в лучшем случае, или же вой собаки Баскервили, любимого Аликом произведения Конан Дойла, одного из его обожаемых писателей. Именно так выла собака Баскервили в фильме, снятом по этой увлекательной истории. Вой, первобытный, жуткий вой зверя, устремлялся к луне, разрезая пласты ночи пронизывающим страхом.

Ветка дерева, склоненного к тропинке, зацепила лицо

Алика. Слишком сухая, шершавая листва для конца августа, слишком сухая. Собираясь снять рушник, Алик и в мыслях не допускал, что ему будет настолько жутко и дурно, как сейчас. Жуткий вой, преисполненный тоски, казалось, осязаемый в воздухе, буквально вгонял под кожу мальчика всепоглощающий, убийственный страх. Ему потерявшемуся от властвующего над ним страха, уже мерещились покойники, восставшие из могил, и мирно прогуливающиеся друг с другом, неумолимодвигающиеся к нему.

Алик хорошо помнил, четыре года назад, когда умер дедушка (папин восьмидесятипятилетний отец у них с супругой была разница в возрасте в десять лет), ему положили в гроб посох. Для того, чтобы дед мог (почему-то именно в первые дни, покуда не пройдет сорок дней со дня его смерти, и не улетит с земли на небо душа умершего) отгонять от себя покойников, явно намеревавшихся причинить дедушки зло. Может растерзать?! Посох надо было класть правильно, определенным концом к лицу, каким именно Алик не запомнил.

«На праздники, например на Пасху, на Троицу, на Родительскую субботу, усопшие встают из могил и ждут у ворот кладбища своих родных, приходящих их навестить! Они не могут перейти за ворота, но они видят нас и слышат, только мы их не можем видеть! Там другой мир и вечная жизнь существует! Люди, выжившие при клинической смерти, подтверждают это! Они видели...»

Не надо! Не надо сейчас вспоминать, что говорила мама! Нет только не сейчас! Нет! — но мысль упорно пульсировала, разрывая мозг.

« — Помнишь Алик, как мы вскрывали гроб дедушки, думая, что забыли положить посошок?!

— Мам, а если бы мы не положили посошок, дедушку бы разорвали мертвецы?!

— Да милый, да!

— Почему, ма?

— Не знаю, но так все говорят!

— Ма и ты...

— Положи яблоки на могилу Алик, дедушка тебя видит! Расскажи ему, что ты слушаешься маму, отлично играешь в хоккей и учишься без троек! Дедушка тебя видит! Его душа летает, и она вечно будет с нами! Это правда, Алик! Я тоже в юности сомневалась, но, когда умерла моя бабушка, твоя прабабушка, я поверила в жизнь после смерти, это, как параллельный мир, который мы просто не видим! Иного и быть не может, иначе жизнь всего живого, не была бы столь коротка, что ничего не успеть! А ведь есть же какая-то миссия у людей, появляющихся на земле! Непременно есть! Только мы её выполняем, проживая много жизней, которые попросту не помним! Мироздание мудрейшая штука!

— Ма, ты поверила. Почему ты это сделала? Ведь что-то случилось да?

— Не сейчас Алик! Тебе нужно подрасти! Не обижайся,

я не в смысле возраста, просто сначала почитай серьезные книги на эту тему и... Лучше, если тебе удобнее, говори с дедушкой мысленно! Он всё поймет! Он теперь читает наши мысли, даже если мы далеко от него! Поговори с дедушкой мой хороший мальчик! Хороший мальчик...»

Ощущение страха возросло до физической боли, сдавливающей пересохшее горло Алика и сжимая грудь, не давало дышать. Ему казалось, что он кожей чувствует, как страх влезает в него, что что-то должно, непременно должно случиться. И это что-то или кто-то, что должно было вдруг появиться, находилось где-то здесь. Алик ощущал спиной, нахождение здесь вместе с ним, какого-то другого существа. Это невидимое Нечто притаилось во мраке ночи, тут рядом, почти вплотную с ним. Оно бесшумно дышало ему в спину, (а может, не дышало вовсе?) но кралось, не отставая ни на йоту, за ним по пятам. Его не было слышно, словно прятавшегося чудовища в компьютерных играх и поэтому в своей необнаруживаемости и неуязвимости, это неизвестное Нечто было в сто крат опаснее любого разбушевавшегося монстра.

Алик, постоянно спотыкаясь, то и дело нервно оглядывался. Но, за его спиной была лишь тьма, озаренная холодными, бездушными отблесками луны и чёрные, зловещие, таинственные тени. Алик, лихорадочно шаря взглядом по могильным холмам, старался не пропустить днём виденной могилы Барри. Потому что страх, с каждой секундой, всё силь-

нее и сильнее сковывал его. Ладони мальчика были уже не просто влажными, а мокрыми. Глядя на силуэты крестов, усугубляющие его панический ужас, Алик тщетно, изо всех сил, пытался успокоить себя:

— Ты не должен бояться, ты не должен поддаваться страху, ты же мужчина! — как заклинание шептал он беззвучно сам себе дрожащими, пересохшими губами, — Ты не должен бояться! Не должен! Трус ты этакий! Говнюк вшивый! Тоже мне крутой взрослый парень! Эй, ты опомнись и не обмочись! Ты обязан не бояться! Обязан справиться с этим!

Наконец-то, вот она могила с инициалами Барри, в быту именовавшимся Моргуновым Иваном Леонидовичем. Отблеск луны выхватил покосившейся, почерневший от времени крест. Лик красивого, безвременно скончавшегося парня, на холодном, керамическом овале. Точно такое же фото, как и в беседке... Грязный, полусгнивший, истрепанный ветрами рушник, убитой птицей, повисшей на сгорбленном кресте, на опавшей могиле. А у изголовья могилы... скромный букетик из шести свежих васильков.... В прошлый раз его тут не было.

Алик помнил точно, не было... А ещё старик, тогда днём на кладбище сетовал, что за могилой Барри, как умерла его мать, давно никто не ухаживает, и никто её не навещает. Могила была заросшей травой и... Сердце Алика со скоростью света ухнуло вниз. Какие там ощущения сопоставимые с катанием на американских горках! Его сердце не ушло в пят-

ки, а стремительно провалилось в пятки, чтобы трепыхаться в конвульсиях на земле, как смертельно раненая птица.

Ему не надо было нагибаться, чтобы понять, что это именно васильки, а не другие какие-нибудь цветы. Бледный свет полной луны, давал Алику возможность видеть. Сколько он стоял, не дыша, он не помнил. Предельный страх парализовал его. На луну надвинулись облака. Неожиданно стало совсем темно. Алик протянул руку к рушнику, чёрному и страшному и... все мирские заботы исчезли. Он отключился, проваливаясь в небытие.

Придя в себя, он ощутил запах гнили и сырость земли, вдавившейся в поры лица. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в мокрую землю могилы. Откуда сырая земля на заросшей пожухлой травой могиле, когда уже месяц эта земля не ведала ни капли дождя?! Над его маленьким тельцем, нависал покосившейся крест. Чёрные облака прорезали луну, и мир вокруг заволакивали мрачные тени. Ещё он ощутил запах васильков, почти касавшихся его лица, но почему-то не мог определить, чем они пахнут. Он не знал, сколько прошло времени. Его рука сжимала грубоватую, шершавую ткань. Сухую ткань...

Едва в его сознании промелькнули отблески разума, как он, вскочив, словно распрямившаяся пружина, бросился бежать, что есть сил. Сначала он постоянно оглядывался, убегая, по сути, боком. Силуэт креста во тьме и... подобно эффекту в компьютерной графике «строб», насккивал на него

букет васильков. Алик на бегу пробовал зажмуриться, как это делали герои его любимых книг, но ничего не исчезло. В голове было пусто, как в огромном пустом чане. В черепе гулко, с каким-то зловещим эхом, отдавались его собственные прыжки. Мысль была только одна, исчезнуть.

Перед глазами, то и дело вставал рисованный портрет сунхонькой старушки, виданный им ранее днём на её могиле. Алик не видел старуху, которая продавала им дом, но почему-то это портрет, искусно воссозданный художником, приковал тогда его взгляд, и заставил похолодеть его сердце. Тёплым солнечным днём, он стоял у могилы старухи, заледенев от холода, обуявшего его. Стоял словно замороженный, и смотрел, смотрел... Пожалуй, он ещё и слышал. Слышал, приглушенный, саркастический смех, идущий откуда-то из-под земли. Да, да, почти не улавливаемый смех, но он был. Алик мог поклясться, что слышал его. И если раньше он считал это плодом своего воображения, то теперь... теперь он был уверен, сам не зная почему, что, если он в своём безумном беге напорется на могилу старухи, ему конец.

Луна разорвала плен облаков и властно встала над брэнной землёй. И Алик ощутил потребность, как можно скорее, не оглядываясь умчаться прочь отсюда. Он бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая, словно дикий олень через могилы, надгробья, огибая памятники, спотыкаясь, падая, больно разбивая колени и раздирая в кровь руки. Но, моментально вскакивая мчался вперёд, вон из этого пропитанного гни-

лью и тленом, зловещего места. Крючковые ветви деревьев хлестали его лицо, раздирая кожу. Крестовины мрачных крестов, свято охранявших покой умерших, тянули к нему свои деревянные руки, стремясь остановить его, проучить за дерзость вторжения, и оставить в своём мире, царстве тьмы и вечного покоя. Он бежал и бежал, жадно хватая ртом, ставший раскаленным воздух ночи. А за ним неотступно по пятам, мчалась дурная луна. Именно дурная.

Глава 6

Игра сделана

Он с нами, но его рядом нет! Витает где-то, в дебрях не земного мира... Скажи нам, когда это случилось? Скажи нам, где это было?

Клавдия встала рано. Она спала плохо, вернее вздремнув где-то примерно с десяти до полуночи, тем поверхностным сном, который не приносит отдыха, она проснулась и уже не смогла больше уснуть. Лёжа в постели и глядя на такую же, как и у неё деревянную сделанную ещё в СССР кровать напротив, она невольно поймала себя на мысли, что умиляется мирно посапывающей дочерью как тогда, когда Лика была малышкой. Как всегда, при ставшей уже частой бессонницей Клавдия рывками погружалась и всплывала в обрывочные воспоминания своего отнюдь несладкого прошлого.

«Зачем вы сделали это?! Зачем вы причинили такую нестерпимую мне боль?! Зачем?! За...» — навязчивая фраза из прошлого вертелась в её уставшем мозгу, причиняя жуткую боль, породив, всё усиливающую горькую, безысходную печаль.

Она была маленькой девочкой, да маленькой, хотя ей и исполнилось уже тринадцать. Клавдия медленно взрослела, и даже став взрослой, сохранила душу и непосредственность ребенка. Тогда она занималась в секции фигурного катания.

В секцию она пришла весьма «старой» для начала занятий фигурным катанием, почти в восемь лет. Её привела туда мама после того, как, став осознавать, чего она хочет, семилетняя Клавдия обнаружила в себе просто маниакальную любовь к фигурному катанию.

Во времена её детства, соревнования по фигурному катанию, показывали по телевизору, с тем же постоянством, как хоккейные и футбольные игры. Маленькая девчушка часами не отходила от старенького, допотопного чёрно-белого телевизора, повторяя за фигуристами и проделывая без коньков, на полу, в шерстяных, великоватых ей носках, все возможные пируэты. Она знала поименно всех чемпионов, знала, где и когда пройдут очередные соревнования, знала слишком много о фигурном катании для маленькой девочки. И она ежедневно, ежечасно умоляла мать отдать её в секцию. Упрашивала, давая клятвы учиться только на отлично. Целеустремленная девочка умоляла мать, как устно, так и письменно, отдавая маме свои послания листа на два, в которых подробно излагала, почему и как, она любит фигурное катание, и какая польза ждёт мать, если её дочь станет известной фигуристкой. Наивные, милые письма, пропитанные детской непосредственностью. Нет, не чемпионство было главным для Клавдии, просто она жила фигурным катанием, отдавая всю себя, своей мечте, и не могла без этого.

Сначала мать всячески пыталась отговорить дочь. Спорт — это травмы, спортивные лагеря, приводящие вынужден-

ными расставаниями матери с дочерью, мать в дикий ужас. И, наконец, девочку надо было в секцию провожать, вон, на что ж школа в двух шагах, и то её встречает и провожает бабушка, а спортшкола неблизко. У матери Клавдии, да и у бабушки тоже, была навязчивая идея, что если они не будут неотступно следовать за своей раз единственной девочкой, то её непременно украдут, убьют, а самое «страшное» изнасилуют. Но всё же, мать, в конце концов, сдалась, может из-за бабушки, более чутко отзывающейся на стремления внуки.

В то время, Клавдия едва умела держаться на коньках. У неё к данному моменту, имелись коньки, самые обычные хоккейные, мальчишеские, подаренные ей двоюродным братом. Коньки были на два размера больше, так, что, кататься девочки приходилось, надев два шерстяных носка. И всё же, в один самый счастливый, и самый тревожный день, в маленькой жизни Клавдии, целеустремленная девочка отправилась вместе с матерью в спортшколу.

Как же Клавдия боялась, что её не возьмут! Даже губы свело от страха, и она не могла толком разговаривать. Но тренерша, светловолосая женщина лет сорока трёх, с меланхоличными глазами, имеющими едва уловимый налет чёрствости, никогда не преуспевшая спортсменка, теперь уже начавшая грузнеть, усмотрела в девочки способности. Валентина Сергеевна так и сказала маме Клавдии и девочку, не смотря на возраст, в секцию приняли.

А потом началась самая счастливая пора в её жизни, о которой она впоследствии будет вспоминать с такой отчаянной тоской, от которой обязательно текут слёзы. Но тогда, маленькая девочка ещё не знала разочарований, и было лишь упоение, упоение, и ещё раз упоение, бесконечное, безотчётное, необъяснимое счастье, свойственного всем людям, и большим, и маленьким, от занятия любимым делом. Как же она была наивна, маленькая бедная девочка, полагающая, что если любишь дело, то дело никогда не уйдёт от тебя!

Пришло время, и наступил тот роковой зимний день, сразу после Нового года, дарующего, как обычно столько радужных надежд. Шестнадцатое января, вторник, ставший на всю жизнь самым чёрным днём для Клавдии. Ей было тринадцать, и она ещё ничего не смыслила в этой жизни. Перед началом тренировки, когда уже все дети собрались, и бабушка Клавдии ушла домой, чтобы прейти за внучкой к окончанию занятия, тренерша отозвала Клавдию в раздевалку и тет-а-тет вынесла приговор, что отчисляет Клавдию из секции.

«Тебе не хватает чувства ритма и скорости! Ты же видишь, что у тебя не получается! Тебе не стать чемпионкой!» — слова Валентины Сергеевны разорвали мозг Клавдии, напроць лишив её возможности мыслить.

Сраженная наповал, неожиданно свалившемся горем, наивная девочка, даже не заикнулась попросить дать ей шанс. Она не просила, не умоляла. Она, как всегда, с присущем ей тактом попрощалась с тренершей, только тихо и грустно, да-

же попрощалась с ребятами из секции, и очень быстро ушла, чтобы не расплакаться при всех. Юные фигуристы, так ничего и не поняли.

На улице шёл мокрый, липкий снег, но было достаточно тепло. Клавдия шла по городу с непокрытой головой, не надев шапки, ей хотелось, что бы снег остудил её пульсирующую от горечи голову, (вот бы разволновались мать и бабушка, увидев её сейчас, наверняка бы ругались)! Она шла, и слёзы безмолвно текли по её лицу, смешиваясь с мокрым снегом. Снег залеплял ей глаза, покрывал волосы, мокрый снег будто плакал вместе с плачущей девочкой.

Девочка не понимала, что произошло. Да она не была лучшей, но ярких талантов в их секции не было, и позже время подтвердило это. Может, она мало тренировалась, занимаясь фигурным катанием лишь во время занятий в секции? Потому, что каток рядом с их домом был неровный и не чего кроме падений не приносил! Может, Валентина Сергеевна обиделась, что за последние пару лет, подарки, преподносимые ей, матерью Клавдии, на все праздники подряд, стали дешевле, так как мама девочки лишилась дополнительной работы?! Может, это случилось оттого, что Клавдия не пожелала заняться парным катанием, в паре с сыном тренерши, потому что ей больше было по душе одиночное катание, или сын тренерши был здесь ни причём?!

Клавдия тщетно пыталась мыслить, её ставшим лихорадочным мозг, словно парализовал наркоз или одурманил ал-

коголь. Она ничего не понимала, да и не могла понимать. Такое случилось с ней впервые. Впервые в своей жизни она столкнулась с крушением своих надежд. Все было через-чур серьёзно, для неё. И она не могла с этим справиться, а помочь ей справиться, как впоследствии оказалось, никто не помог.

«За что Господи?! Что я сделала не так? В чём моя вина? За что?! Зачем вы Валентина Сергеевна сделали это?!» — ответов у Клавдии не было.

Она боготворила свою тренершу и искренне любила её, и получая со стороны Валентины Сергеевны ласковое и даже заботливое отношение, не могла даже себе вообразить, почему, почему это случилось, и от этого ей было ещё горше. Город, плывущий ей навстречу, не давал ответов. Настанет ещё то время, когда Клавдия будет ассоциировать улицы города, со своими неудачами. А пока толпа и суeta города, окутывали её, своей бесчувственной пеленой.

Только через час, спонтанно преодолев километров пять и неосознанно забредя в центр города, девочка стала «видеть» жизнь вокруг себя. Она увидела звенящий трамвай и дворнягу с отрезанной когда-то (вероятнее всего трамваем), передней лапой. Рыже-коричневая дворняга неловко суетилась на трамвайной остановке, а это было опасно для собаки. Культяпка собаки резанула доброе, ранимое сердце девочки.

Несчастную калеку, непременно поджидают колеса трамвая или машин, несущихся мимо сплошным потоком. В луч-

шем случае, смерть от мороза, ведь январская оттепель, это мимолетное явление, а впереди ещё долгая зима и, если верить синоптикам с лютыми морозами. Но, у Клавдии, часто приводившей и приносившей домой оказавшихся в беде животных с улицы, не было с собой поводка, а собака была весьма крупная и беспокойная. Собака находились далеко от дома Клавдии и... но дело было совсем не в этом.

Хоть в последствии, теряя по крупицам сущность своей души Клавдия так и не растеряет своей природной доброты, дарованной ей богом, тогда, какая-то её частичка, безвозвратно ушла, умерла, и её сердце впервые смогло (а затем научилось), временами не откликаться на свой собственный зов. Клавдия, постоянно оборачиваясь едва не свернув себе шею, пару раз споткнувшись и не растянувшись на мокром асфальте, под удивленные взгляды прохожих, уходила... Девочка оборачивалась до тех пор, пока собака-инвалид не растаяла в смоге города и не скрылась из виду навсегда... Тогда Клавдия ещё не знала, что и частичка её самой, навсегда осталась там, в этом роковом январском дне.

Произошедшее, потрясло её до самого основания и придавило. Увы, маленькая, некогда очень целеустремленная девочка, так и не смогла справиться с этим гнетом, навсегда потеряв самый чудесный для неё мир, мир фигурного катания. Павшая пелена застлала её взор и её разум, и она не видела и не понимала ничего вокруг и не видела свое место в жизни. Клавдия, не попыталась заниматься в другой секции,

а таковы были, и не одна. Девочка, никогда так и не сумевшая, оправиться, от постигшего её разочарования, боялась, что и в других секциях её не примут или выгонят позднее.

Мать, так и не осознавшая, насколько важно для девочки фигурное катание, даже не попыталась настроить дочку на боевой лад. Она «утешала» дочь тем, что спортом занимаются лишь туповатые личности и от этого непонимания, девочке стало ещё тяжелее. Девочке не нужны были ни оправдания, ни утешения, а любимый спорт.

Как мать, взрослый человек, проработавшая всю свою жизнь на любимой ею работе учителем начальных классов, не понимала, что её дочь может быть счастлива, только занимаясь любимым делом и никакие убеждения не изменят её вкус?! Просто, эта женщина, никогда не знавшая борьбы за карьеру, боялась трудностей, и всего того нового, непривычного, а это как раз и нёс с собою, никогда не познанный ею, мир спорта. Мать Клавдии, опасаясь проблем для себя, не задумываясь обменивала свое спокойствие на счастье своего ребёнка, полагая, что поступает правильно.

Как часто родители ошибочно опасаются, что новый мир может вовлечь ребёнка в дурную компанию, открыть дорогу к разврату, алкоголю или наркотикам. Почему-то считается, что излишняя свобода, неиспытанные родителями пусть даже благие увлечения, обернуться для ребёнка пороком?! И не задумавшиеся о мечтах своего чада родители стараются удержать его взаперти, подле себя, в уже знакомом родите-

лям мире, тем самым лишая ребёнка самовыражения, отнимая его мечту.

Намного больше подвержен сломленный человек всему дурному, чем человек, имеющий жизненные ценности и цели, даже если он находится в самом сомнительном коллективе, например в таком, в котором нет запретов на человеческие пороки. Большинство людей начинают пить с горя от тяжелой неудавшейся жизни, если только они не тупые существа, не стремящиеся ни к чему и пьющие от нечего делать. Подобное поведение родителей, глупо по своей сути и опасно для ребёнка.

Вы, родитель не сможете, запретить расти траве, «убедить» её не делать этого, даже если она, прорастает к солнцу сквозь асфальт! Вы не сможете, отучить белку прыгать даже, поместив её в клетку! И птица никогда не перестанет летать, не откажется от полета, не по чьей воле! Вкусы и желания, а тем более мечты, вырабатывают не родители, а сам человек, и ни один родитель на свете, не в состоянии перекроить ребенка по-своему.

Даже, найдя себе, занятие по душе, став писательницей, Клавдия ни разу в жизни, не была счастлива, как тогда, когда она парила надо льдом. Когда Клавдия наконец-то опомнилась и немного пришла в себя, то поняла, что надо всегда бороться за свою мечту до самого конца, не обращая внимания ни на тех, кто хочет помешать, ни на другие неприятности, но, увы, ей было почти восемнадцать и она пять лет не

надевала коньки...

Было поздно, у неё отняли фигурное катание, отняли мечту и ей предстояли долгие годы, горьких, безутешных поисков своего места в жизни. После этой трагедии, произошедшей в жизни маленькой девочки, она уже никогда не смогла по-настоящему, беззаботно радоваться жизни и никогда не вернула себе этого утерянного ею ощущения. Она, никогда уже не испытывала истинного счастья, которое когда-то, была способна испытывать!

«Зачем вы это сделали?! Зачем вы убили мою мечту?!»

Ради чего взрослые (вроде бы разбирающиеся в жизни люди?) так бездумно, легко, ломают судьбы других?! Позже своенравная тренерша повыгоняла из секции почти всех, кому сама не так давно прямо говорила о таланте. Но, кто-то из юных фигуристов сам чувствовал уже перипетии взрослой жизни с её бессмысленной жестокостью. Кому-то не дали бросить любимый спорт родители. Но, сломалась одна ранимая Клавдия, она одна побоялась сделать единственно верный шаг, тотчас пойти в другую секцию и доказать, что тренерша ошиблась в ней.

Спустя менее трёх лет после того, как Клавдию выгнали, секция Валентины Сергеевны распалась, тренерша бросила всех ради лучшей жизни для себя, иммигрировала в Америку. Из её воспитанников так никто и не стал олимпийским чемпионом, даже не принял участие в мировых соревнованиях. Но, все выгнанные чёрствой тренершей доби-

лись определённых успехов в фигурном катании и главное в жизни, отчасти благодаря своим способностям, но в большей степени трудолюбию и стойкости характера. У Клавдии было и то, и другое, но взрослую жизнь она не понимала и тем более не просчитывала своё будущее, а мама увы не помогла дочери...

Клавдия хотела только одного, заниматься любимым делом. Разве, это наказуемо?! Разве, не в сто крат счастливее не обладающий особым талантом математик, любящий свое дело, чем способнищий человек, чуть ли не гений, но занимающийся наукой за неимением другого выбора часто при этом и ненавидевшей своё дело?!

Клавдия была бы счастлива, даже если бы она никогда не стала чемпионкой. Но, она бы смогла и относительно преуспеть, просто ей нужно было, чуть, чуть помочь и немного подождать, пока она повзрослеет и поймёт, насколько серьезна жизнь или сказать ей об этом! Почему, мир взрослых так безумно жесток, и «побитые» дети, становясь взрослыми, «бьют» других, вымещая свою прежнюю обиду?! На это нет ответа, потому что, это необъяснимо, потому что это Безумие!

«Зачем вы сделали это?! Разве в этом, был смысл?! Хоть чуточку необходимости?! Разве, Валентине Сергеевне от этого сделалось лучше?! Разве я кому-то мешала?! Секция ни сборная страны тут как в кружках повествуется массовость занятых детей, а не только результаты. Тогда зачем же,

вы сделали это?!» — в голове словно поселилась тонна песка, но Клавдия не могла уснуть.

Ранние, слабые лучи солнца, пробивали себе дорогу, сквозь синеватую, предрассветную дымку. Осторожно, чтобы, не разбудить дочь в столь ранний час, Клавдия слезла с постели и не одеваясь, в великоватой ей дешёвой сиреневой полинявшей пижаме, направилась на улицу. Её «разрушенному» горестными воспоминаниями мозгу, требовался свежий и лучше холодный воздух.

Раз за разом, всю её жизнь, эти воспоминания, приходили с регулярностью электричек в метро, а она так и не знала ответа, на главный вопрос своей жизни. Ей давно, надо было всё забыть и выбросить из головы, как выбрасывают мусор. Но это была её первая серьёзная потеря и она была слишком впечатлительной и ранимой девочкой, что позволила произошедшему подмять её под себя. Сначала, она даже не заметила этого, а когда осознала, то вострепелась словно птица, попавшая в силки, билась, билась, но с каждым днём, силы всё больше и больше покидали её. И стоило ли дергаться, раз игра была, уже сделана?! Ведь людям, не дано возвращаться назад, возвращать своё прошлое. Наверное, всё-таки стоило «трепыхаться» ведь она была жива!

Клавдия распахнула окна первого этажа и солнечный свет рванулся в сумрачное нутро дома. Это было некой традицией в тёплые дарующие энергию дни года. Клавдия впускала Новый день в дом пропуская его через себя и строя или

корректируя обдуманнные накануне планы на день. Ах, воздух свежий воздух ещё прохладного летнего утра! Как любила его Клавдия он выносил всю муть из голову прочищая мозги лучше любых капельниц и ум снова становился «трезвым» пытливым и в него свободно входили откуда-то из подсознания идеи и мысли нового дня. Поэтому ещё кроме заботы жить домашним хвостикам на природе, как и подобает, а детям получать здоровье Клавдия Сергеевна предпочла дом трёхкомнатной квартире в Москве именно столько им удалось заработать в щедрые девяностые.

Она отпёрла входную дверь и сделав движение вперёд навстречу свежему воздуху и солнцу нового дня, резко отпрянула. На крыльце, свернувшись калачиком, лежал её младший сын весь перепачканный грязью и кровью. Мать не видела лица сына.

Кровь застыла в жилах матери. И всё-таки она не закричала, а про себя молясь о спасении сына, с трепещущим сердцем опустилась на колени и развернула Алика к себе. Лицо мальчика было мертвецки бледным. Белизна, словно слизала его бронзовый загар. Но сын дышал и мать, не вытирая текущих слёз, осторожно уложила голову Алика себе на руку и легонько потрясла сына за плечо.

— Алик?! Алик!

Веки мальчика дрогнули, он пожевал губами.

— Алик! — громко позвала Клавдия Сергеевна.

— Ма! Посошок! Мы забыли ему положить посошок! Ма,

его убьют! Они растерзают его! Не уходи! Слышишь?! Не покидай нас! Не переступай черту! Нет! Нет! Не делай этого! Слышишь! НЕ ДЕ-ЛАЙ Э-ТО-ГО! — мальчик, так и не открыв глаз странным словно из нутра поднимающемся голосом с полушёпота перешёл на крик.

Раз Алик бредил дело плохо и Клавдия пронзительно закричала сама, ещё не осознавая, почему она звала на помощь старшего сына:

— Борис! Борис!

Почему Борис?! Почему, она инстинктивно звала на помощь, старшего сына, а не мужа? Может, она подсознательно осознавала, что от мужа помощи не дождешься.

Алик медленно открыл глаза. Солнце резануло глазные яблоки, причиняя боль. Они стояли над ним. Он видел их лица, но они казались ему далеко далеко. Пронзительный солнечный свет делал их лица расплывчатыми, как на фотографии со смазанным изображением.

Борис и Лика многозначительно переглянулись. Младший брат это заметил и оживился:

— Созывайте ребят! Игра сделана!

Алик попытался улыбнуться, но получилась кривая гримаса, а фразы прозвучали слабым и как мальчишка не пыжился бравировать, неуверенным тоном.

Теперь уже, с недоумением, переглянулись родители. Мальчишка подметил реакцию предков и выдав гримасу вместо улыбки на своём изможденном лице, попытался

встать. Алик ещё не встал полностью на ноги, когда увидел их... Он замер, окаменев с белым, как снег лицом.

У рассыпающихся от времени каменных порошков крыльца лежал букет из шести васильков! Но, он не брал его и не мог взять даже спонтанно! Алик помнил рушник принёс и спрятал, прежде чем провалиться на крыльце, не то в сон, не то в забытие. Но васильки! Их не было здесь, когда он уходил ночью! Не было, когда он вернулся! Не было! И не могло быть! НЕ МОГЛО!

Алик весь подскочил внутри от ужасающей данности и под изумленные, испуганные взоры родных, стремглав бросился в дом, словно увидел гнавшегося за ним чёрта. Мать нашла его лежащим ничком в постели, вгрызшемся в подушку, чтобы не разреветься от душивших его слёз. Сын не пожелал ответить ни на один вопрос матери, как она его не умоляла. Её маленький мальчик, молчавший как немой, довёл Клавдию до иступления и слёз горького отчаяния.

Плавно, словно нехотя, в мир вливал вечер. Солнце ещё не упало за горизонт. Оно, словно только, что налитый блин, расплывалось по небу, превращаясь в алый закат. Тёплый летний вечерок, даже немного душный. Не так напористо и многолико, как весной трескали кузнечики и сверчки, лились голоса птиц.

Ребята собрались в беседке. Молодёжь, проживающую в этой деревушке, можно было сосчитать по пальцам одной руки и по вечерам местные ребята, как правило, всегда соби-

рались вместе. Это стало традицией. Только в этот надвигающийся вечер, к постоянной деревенской компании, присоединились Борис и Лика.

Алик весь день провалялся в своей постели и молчал, как партизан и явно без местной компании не собирался ничего рассказывать. Борис, скрипя сердцем на маленького гадёныша послушавшегося старшего брата, решил сам позвать ребят.

К двенадцати он пошёл за продуктами по субботам приезжала автолавка в деревню. В этот раз автолавка не приехала водитель заболел, хотя собравшиеся старушки склонялись к тому, что Колян сорвался и запил. Борису от этого факта было и смешно 2018 год и автолавка... и горько им здесь жить за гранью цивилизованного понимания, рядом с Москвой каких-то сто километров, но в другой области Владимирской, получалось прямо как в другой стране. Но в душе он искренне сопереживал народу:

«Вот почему они тут затариваются мукой! Хлеб печь! Шесть километров до магазина старикам не пройти! И инвалид вон с костылём куда ему в песке увязнет машины пробуксовывают! Мерзость, а не власть! Какова бабушка агитирует ходить на выборы всё одно жизнь в дерме! Правильно мать не ходит.»

Машина ломалась уже как человек хронически больной и самому парню пришлось переться в Маркино. Обратно с тяжёлыми пакетами, по дороге единственной проезжей ещё для автомобилистов дороге через лес настолько песчаной

что песок вмиг заполнял кроссовки и приходилось останавливаться и вытряхивать Борис был зол на всё и всех и чуть успокоился когда увидел как обогнавшая его новенькая «Лада» юзом идёт по песку водитель отчаянно переключает скорости боясь застрять немудрено эвакуаторы в лес во Владимирской области не ездят, а что дорога это к деревне начхать. А по таким ямищам размером с легковушку тягать другую машину вряд ли кто согласится и ищи трактор, а где?! Колхозов больше нет, а фермеров единицы (не выгодно работать на земле) да и то надо знать в какой деревне есть трактор... А судя по номерам «Лада Калина» из Москвы, очевидно дачник если бы в первый раз ни рискнул бы на такую дорогу, не спросив Бориса возможно ли вообще проехать.

«Вот на фига я подарил велосипед Вовке? Уподобился отцу, который свой давно от стояния заржавевший продал соседу! Год ещё до универа, а в этой дыре на своих двоих согнёшься! На женских не поедешь Аликов если пацанёнком?! Дурак я надо дарить то, что никогда не понадобится самому или уже есть!»

Так рассуждая сам с собой за своим любимым занятием при нудных и трудных делах лучшего отвлечения не найти Борис в мрачном настроении преодолевал песчаные «дюны» владимирской сельской дороги. Ещё две машины легковушка — это ладно, но джип и тот с заносами и естественно напряжёнными до предела водителями повстречались парню.

«Ну чем не ралли „Дакар“? И живут люди на работу ездят ежедневно на пределе нервов это жизнь нормальная?»

Гнев юноши на страну в какой родиться не выбирают стал переходить на родителей точнее отца мужика не подумавшего посмотреть где им суждено будет жить и... продавшего велосипед можно с натяжкой подтянуть подтолкнувшего его свой подарить, а то мол много вещей а на большую машину денег жалко дорого грузоперевозки. И тут его догнал весь красный велосипедист парень лет восемнадцати обливаясь потом крутил педали его заносило он спешил проходил наиболее вязкие места и вновь упрямо садился за руль. Перед тем как исчезнуть за поворотом извилистой лесной дороги парнишка, не удержавшись при очередном заносе упал, но тут же вскочил отряхнул белые футбольные трусы вскочил на дешёвый, но горный велик и был таков.

«Молодца! А я бы так хотел? Навернуться с пакетами?»

Гнев Бориса на отца развеялся хотя теперь он точно не подарит и не продаст то, о чём можно пожалеть. Он прибавил ходу вот действует улучшение настроения на активность человека. Ну а когда на выходе с лесной дороге перед ним от сосны к сосне пролетела грузная яркая сойка и скрылась в солнечных просветах хвойного леса на его лице засияла детская улыбка, а в душе уверенность что не всё так уж плохо. Опасная и глупая выходка братца, собственно, она и являлась раздражением юноши на всё и всех стала выглядеть пацанским выпендрежом. Вот так природа влияет на душу че-

ловека внося умиротворённость и желание радоваться жизни какой бы она не была в ней всё равно есть хорошее.

Выйдя на дорогу через заброшенные колхозные поля к своей деревне, Борис, увидел, как стайка перепёлок пересекали дорогу, отчего обрадовался, как мальчишка.

«Ни чего себе! Ну и где бы я ещё увидел такое чудо?! Там, где мы жили максимум поползня, встретишь в лесу всё люди позасрали! — юноша смутился ёмкому определению не желанному в своём лексиконе, но отбросив плохие мысли весело подмигнул сам себе и по-стариковски произнёс:

— Судьба. От судьбы никуда не уйдёшь.

В деревню Борис уже вошёл в приподнятом настроении безрассудный поступок Алика как-то сгладился под ярким солнцем на бескрайнем светлом небе.

«Ну снял рушник и что? Похвастается и делу конец! — рассуждал парень, минуя деревянный выкрашенный в ярко-зелёную краску домик Егора, не задумываясь о всё тяжелевших пакетах с продуктами, лишь потому что у дома без забора стоял полицейский «Уазик» хахаля матери Егора, — А все их истории про оживающих мертвецов местные фильмы ужасов! — парень криво усмехнулся осознавая что осадочек не исчез какая-то тревога сидевшая в глубине его подсознания снова напомнила о себе и отогнать её усилием воли не выходило.

Борис направился к дому Ткачёвых сказать близнецам надёжнее всего, они как родители-педагоги ничего не перепу-

тают всё передадут как надо остальным. Дом Ткачёвых был добротным, но добротным был и дом местного фермера. Чем отличался дом педагогов так это порядком и в доме, и во дворе продуманностью во всём от расположения гаража что прямо из него можно было носить покупки в дом до капельного полива на высоких тёплых грядках. И светлый был дом с душой с цветами на подоконниках, цветущими практически круглый год, с красивыми тюлевыми занавесками в окнах-стеклопакетах, с клумбами и даже маленькой альпийской горкой. Разумеется, с огородом и садом и всему этому было своё отведённое место. А так вроде бы двухэтажный среднего размера коттедж отделанный кремовым сайдингом и красной метало черепицей и участок с обилием насаждений и ухоженными газонами такими островками в подсобном хозяйстве обнесённый зелёным профнастилом.

Борису даже звонить в звонок с подсветкой на кованной калитке не пришлось. Он увидел Вадима в чёрных брюках с боковыми карманами тот предпочитал если труд физический или поход в лес в одежде побольше карманов и Аллу тоже в рабочих поношенных чёрных джинсах, сносивших в мешках капусту с огорода в подвал вместе с отцом-завучем в тёмно-синем комбинезоне и ветровке спец. робе проще говоря. Из подвала доносился поставленный голос Нины Львовны педагога с грамотами за отличную работу и у Бориса отлегло, хреновый быт тут у всех, все интеллигенты одеты для грязной тяжёлой работы, и стеснение ушло ему проще ста-

ло пригласить ребят прийти к ним всей компанией вечером на... разговор. Борис сказал, что пришло первое в голову, так и не определившись как назвать ЭТО, ведь Алик наверняка принёс рушник с могилы Барри, старший брат слиш-ком хорошо знал младшего что бы не догадаться. Близнецы заинтриговались, но, к счастью Бориса, их позвала мать, за-ждавшаяся порции очередной капусты на укладку. Юноша не желал пояснять что-либо при взрослых, причём что гово-рить-то свои догадки так это и не тактично.

Вечером на фоне алеющего заката вся компания сидела в беседке (её почему-то Минаевы не обновили до сих пор), но никто не начинал разговор, а Алик всё не выходил из дома.

— Где Алик? — не выдержав спросила, Алла, — Ведь это он хотел, чтобы мы собрались!

Борис неопределенно пожал плечами.

— У меня есть новый анекдот, — начал Вадим, — ему никто не чего не сказал, и он, стараясь говорить пободрее, рассказал анекдот, — У нового русского жена родила. При-ходит он в больницу спрашивает: «Сколько?!» Врач говорит: «Три!» Новый русский отвечает: «Какие проблемы?! На!» — и отдаёт врачу три тысячи баксов.

Никто не засмеялся. Егор сделал, было попытку, но у него получилось кисловато. Макс лишь усмехнулся.

— Ещё один анекдот! Почти частушка! — не унимался Вадим, когда лидерство Макса, не просматривалось, он стар-ался показать себя, — Куда идём мы с пяточком?! На оста-

новку за бычком! Тебе бычок и мне бычок, пошёл ты на хрен пятак!

Егор рассмеялся. Да, и другие ребята, заулыбались. В это время дверь дома медленно словно не хотая открылась, и на крыльце появился Алик. Он был в клетчатой синей байковой рубашке на распашку, надетой поверх чёрной футболки с ярким рисунком, и держал руки под мышками. Щуплая фигурка подростка в лучах умирающего солнца, заворожила ребят, и они словно загипнотизированные усталились на Алика.

Алик взглянул на небо, словно желая удостовериться, не собирается ли оно разразиться дождём, и медленно направился к беседке. Ребята молча ждали. Каждого снедало нетерпение, а Алик, как нарочно шёл медленно. Только Лика, в этой нерешительной походке брата узрела, не нарочитость, не нерешительность, а какую-то внутреннюю печаль, которая была весьма близкой родственницей страха, но всё же сестрой обреченности. Все смотрели на Алика. Он, идя к ним, смотрел вдаль, и его взгляд не выражал ничего кроме усталости.

Подойдя к беседке, мальчишка, словно включил какую-то кнопку внутри себя, лицо его вмиг стало бравирующим, почти веселым. Он, победоносно оглядев всех присутствующих, остановил свой взор на Максе и, выудив из-под рубашки, небрежно бросил на прогнивший, дощатый пол беседки грязную тряпку... рушник.

— Ну что?! — с торжественным видом выпалил Алик, — Ты проиграл, Макс!

Все, не отрывая взгляда, смотрели под ноги Макса, там лежал истрёпанный временем самый, что ни наесть настоящий рушник. У ребят невольно похолодело внутри, их лица выражали удивление, смешанное с восхищением и испуг, а если точнее у всех, кроме Макса, страх. Лишь Борис пренебрежительно поморщился.

Борис считал, что все несчастья и жизнь в постоянной нужде их семьи, происходили из-за упрямства их отца, глупого, необоснованного упрямства, проходящего у детей после пятого года их жизни. Отец, взрослый мужчина, в своём полоумном упрямстве, был упёртее трёхлетнего несмышлёныша.

Упрямство матери по пустякам (как это постоянно демонстрировал отец), Борис лично не видел, может изредка в молодости оно и встречалось, а может и нет. Упрямство отца, доведшее семью до ручки, и не искорененное поныне, Борис ненавидел. И придя, к убеждению, что младший брат перенял не нужное никому и вредное ему самому упрямство у отца, Борис презирал его выходки и уж тем более, никогда не гордился, безрассудной смелостью Алика.

Целеустремленность Борис уважал, в целеустремленности был смысл, в упрямстве, кроме испорченных нервов и всяческих невзгод, ничего не было. Упрямство — это безумие! Так считал с малых лет рассудительный Борис.

— Это... — пролепетал Егор.

Алла вполне натурально побледнела.

— Алик, это же рушник Барри?! — произнесла опешившая девушка дрожащим голосом.

Никто не мог вымолвить ни слова. Лица, оторопев, не отводила взгляда от Алика. Утром она, как, впрочем, и Борис, не очень-то верили, что их младший брат это сделал, уж слишком бредовым выглядело его состояние.

Алик стоял улыбаясь. Лишь сейчас, видя перекошенные ужасом лица новообретенных приятелей, Борис осознал, что ребята, и вправду не подшутили над юными новоселами. Похоже и вправду здесь, что-то произошло жуткое. Борис попытался мысленно подсмеяться над собой. Как же, он цивилизованный, образованный парень может поверить этому вздору, но... они не могли все сразу так правдоподобно разыграть сейчас страх. Не могли... Глядя на своего улыбающегося, беззаботного братца, Борис неожиданно для самого себя, вдруг сильно испугался за него, но увы, он не знал, что делать.

Алик, окинув весёлым взглядом, обезображенные от страха лица ребят, все же, видимо, осознал, что, что-то сделал не так. Он пожал плечами, и не слова не сказав, направился обратно к дому. Борис растерянно смотрел на удаляющегося младшего братца, который так и не услышал запоздалых возгласов удивления, произнесённых в его адрес. Удивления старших товарищей смелостью двенадцатилетне-

ГО мальчишки.

Глава 7

Он пришёл

Прошлое и есть наше настоящее. Настоящее и есть наше будущее.

Ребята покинули беседку вслед за Аликом, завязывать дискуссию ни у кого не возникло желания. Алик помогал отцу и матери с внутренним благоустройством дома. К ним присоединились Борис и Лика. В кабинете Клавдии Сергеевны мужчины приклеивали обои к стенам, а женщины намазывали клеем обои.

Борис был задумчив, но и только. Лика же с трудом пыталась скрыть от родителей свою обеспокоенность. Алик был в несвойственной ему манере молчалив, но с виду абсолютно спокоен. Клавдия Сергеевна, глядя на дружно работающую в полном составе семью, немного успокоилась, хотя чуткое сердце матери по-прежнему предательски ныло.

Когда семья Минаевых закончила с оклейкой, семейство принялось за работу, не требующую больших физических затрат и приносящую огромное удовольствие, не только Минаевым, но и многим людям любящим благоустроить свой родной очаг. Семейство с одной стороны дружное, с другой вздорное, принялось заполнять мебельную стенку хоть и не импортную, но во времена СССР купленную по блату, теперь занявшую почётное место в гостиной. Стали расстав-

лять: книги (не вместившееся на книжных полках и стеллаже), посуду, сувениры и хранимые как память видеокассеты. В общем те вещи, которые обычно собираются годами в любом доме, придавая его владельцам свойственный лишь их характеру колорит.

Роман Леонидович хоть и не очень тяготел и к этой работе, всё же распаковывал вещи вместе со всеми. Лишь Алик, становившейся с каждой минутой всё более хмурым, немного поработав, никому ничего не объяснив, ушёл. А ведь подобная работа всегда так ему нравилась!

Мрачная давящая хотя и большая отремонтированная с побеленными стенами и потолком (местами с неровной шпаклёвкой), но хоть и высокими узкими окнами гостиная преобразилась, став уютней и по-домашнему теплей от такого, казалось бы, пустячка индивидуальных предметов семьи. От прежней жизни в ней остался только огромный старинный массивный (наверняка дубовый) стол с толстыми резными ножками и столешницей в крупную однотонную тёмно-коричневую шахматную клетку. Промытый и пролаченный новыми хозяевами он вполне уживался со стенкой из времён социализма, тяжёлыми книжными полками со стеклом не развешанными, а поставленным по четыре друг на друга и заполненными манящими собраниями сочинений и просто умных и увлекательных книг, добротным стеллажом с книгами «Шатура» уже из новой России. Тумбочка, некогда покрытая блестящим лаком из СССР с плазменным телевизо-

ром «Сони», взятым пару лет назад в кредит из новой России в углу большой комнаты просто «проваливались». Немного портящий вид потёртый светло-коричневый дерматиновый диван то ли из СССР то ли из России, но требующим замены. Как и начавшие ломаться раскладные кресла сиреневые в цветочек (других к дивану во время покупки по дешёвой цене не было. И разношёрстными стульями, и табуретками у солидного стола было не место, прямой намёк хозяевам о покупке комплекта. Люстра без флаконов с зеленью времени на разлапистых по золото держателях с тремя маломощными лампочками усугубляла полумрак и вызвала к солидной люстре впору к столу. А окна, заставленные домашними цветами (всякими от кактусов со столетников до гераней с фиалками, привезёнными из прошлой жизни) в разноликих преимущественно дешёвых пластмассовых горшках, украшенных фигурками животных на палочках и лягушкой с Дедом Морозом схватившимися за край единственных глиняных двух горшков требовали гардин.

Незаметно вступила в свои права ночь, пришедшая после эмоционального дня и бурной страшной для Алика предыдущей ночи. Комната Алика была уже отделана, запах краски почти выветрился и получилось так, что сегодня он спал один.

С наступлением темноты природа взбрыкнула. Подул сильный ветер. Ветер, до этого, лишь пугающий листья деревьев, усилился настолько, что с грохотом сметал на своём

своенравном пути не только листву, но и не очень тяжелые доски, обрывки толи, сучья и подобные некрупные предметы. Когда тучи полностью заволокли луну, на землю обрушился проливной дождь. Первый дождь за два месяца засухи, выдавшейся на это лето.

Клавдии Сергеевне, не без труда, удалось уговорить мужа проверить вместе с Борисом отремонтированную крышу, не протекает ли где. Когда, мужчины залезли на потолок, то обнаружили течь, аж в пяти местах, причём в одном месте, вода попросту лилась. Полчаса понадобилось, чтобы расставить пару лотков и прочую посуду в местах течи. Клавдия расстроилась. Всё, как и раньше. Бытовые неудачи преследовали семью Минаевых, и смена места жительства этого не изменила. Вот, починили, казалось бы, крышу, и что же, опять проблемы!

«Ну, сколько, так можно?! Всегда! Это будет, всегда! Всегда, пока ты живешь, и живешь с ним! И лучше с ним, нигде и никогда, не будет!» — твердил упрямо, мозг Клавдии.

Раньше Клавдия разучилась верить в лучшую участь, теперь она попросту хотела забыться, но это у неё плохо получалось. Ведь оставалось только одно, никого не винить и быть безразличной ко всему, а проще говоря, быть безучастной к жизненному благополучию дурой. Но, увы, натуре Клавдии безучастность была несвойственна, хоть она в последнее время очень старалась не обращать внимания на семейные бытовые неурядицы.

В молодости, Клавдия легко загоралась от ошибок и упрямства мужа, от его просто какой-то патологической лени и ругала его. Позже, лет в тридцать, она научилась сносить всё молча, утешая себя, что кот Васька слушает да ест. Но есть-то коту Васьки, было не чего, а её потуги, хоть и сделали её детской писательницей, практически не улучшали семейный бюджет. Жизнь всё дальше и дальше катилась сплошным невезением, спровоцированным упрямством мужа, его нежеланием понять наконец-то ту жизнь, которая их окружала и ту, которая могла бы их окружать.

Выходило, что все методы Клавдии Сергеевны, тихие, безучастные или, как в молодости, рьяные, сопротивляющиеся ни к чему не приводили. Она погибла сама и тянула за собой своих детей в омут безумия лишь потому, что была честна и моральна, то есть всю свою жизнь придерживалась принципов, воспитанных в ней, её матерью. Она не могла лгать, изменять мужу. Но и не находила в себе силы развестись с Романом Леонидовичем, с детства запуганная своей разведённой матерью, что хороших мужчин попросту не существует. Все мужчины ломают женщинам жизнь, так, как все они стараются подчинить женское «Я» своему «Я». Только вот, правда ли все мужчины ведут себя именно так, мать Клавдии Сергеевны, один раз обжегшись, явно не задавалась этим вопросом.

Поэтому-то теперь Клавдия Сергеевна, в сердце негодуя насколько наплевать мужу даже на их, скорее всего послед-

ний приют, что ему всё равно с каким качеством жить, главное по-своему, избегала конфликтов с мужем. Она просто устала бороться!

Но, их детям было не всё равно, как жить! И мать видела, что её старший сын Борис патологически ненавидит бедность. А ведь они, родители, довели парня до такого и она, мать виновата в том, что однажды может настать день, когда уставший от борьбы с жизненными невзгодами Борис, призреет все законы нравственности, ради хорошей жизни, жизни без нужды, ради денег. И Клавдия Сергеевна знала, что за это ей не будет оправданий. Нельзя объяснить людям, что она, будучи честной женщиной, не способной к изменам и предательству, сломала жизнь себе и своим детям. Люди сочтут её наивной глупышкой, не имеющей «женских» мозгов. Люди не поймут! Да, и как понять, что иметь второго мужчину, даже в законных мужьях, по словам матери Клавдии Сергеевны, позор для порядочной женщины! А если с первым, жизнь не заладилась?! Всё равно!

Кто способен понять, безумие этой нравственности, обрекшей Клавдию Сергеевну и её детей на вечные страдания. Клавдия Сергеевна попросту не могла, высвободится из пут своей матери, хотя и понимала, насколько это безумно, кажется со стороны. Она, отлично понимая сына, не знала, что ещё сделать, в пределах введённой в неё морали, чтобы изменить мужа и их семейную жизнь. Она слишком много перепробовала и совсем потерялась. Потерялась от множества

проблем, придавивших её. И что обидно, проблем, являющихся для большинства людей пустяшными и легко разрешимыми. Но ставшими камнем преткновения, для её мужа безумного в своей упёртости. Клавдия Сергеевна уже не являлась той прежней Клавдией способной денно и ночно рождать новые идеи на любые темы. Теперь она была тенью, блеклой тенью, той пышущей энергией молодой женщины.

Минаевы в этот день ужинали в одиннадцать, время летом бежит быстро, особенно, если занят чем-то интересным. За ужином мигнул и погас свет. Борису пришлось на ощупь спускаться по лестнице второго этажа он ходил в комнату Алика позвать на ужин, но тот уже спал.

— Опять гниды отключили! Лик, подай мой мобильник он на зарядке или подсвети! — Борис пришёл в ярость от бытовой проблемы чего раньше за ним не наблюдалось, но на ещё не отложившейся в памяти лестницы его уже третий раз заставляли местные беспричинные отключения света, хотя сейчас был «ураган», но, если вас гнули просто так, так и реагируешь.

— А может это у нас замкнуло? Роман что сидишь посмотри щиток! — злясь на обыденную здесь ситуацию Клавдия Сергеевна добралась до Бориса с двумя мобильниками (своим и его) с включёнными фонариками, когда тот уже спустился.

— Мой тоже на зарядке, — проямлил Роман Леонидович умудряясь жевать без света.

— Пап идём я подсвечу! — Лика включила фонарик на мобильном и... загорелся свет.

Семья облегчённо вновь принялась за ужин, но через пять минут свет вырубился, чтобы уже не появляться до одиннадцати утра.

— Может и впрямь оборвало провода на линии такой ветрище! — лучше бы Роман Леонидович помолчал семья тотчас набросилась на него, словно он был виноват в беспределе с электричеством во Владимирской области.

— Ага ты, как всегда, за чужих! Это постоянные отговорки Петушинского РЭС при любых погодных условиях! Скорее выбило или замкнуло в трансформаторе, но энергоснабженцы не желают менять доисторический поржавевший трансформатор зачем до каких властей достучаться жители деревеньки? — взвилась Клавдия Сергеевна.

— Когда здесь деньги любят оборот при таком подходе люди не главная ценность страны! — с удовольствием подлила масло в огонь Лика.

— Ну, довольно! Мы тут и месяца не прошло, а уже десятый раз отключают свет! — Клавдия была решительна, как в молодые годы, когда захлёбывалась, протестуя против несправедливости. — Завтра же напишу в Управление Президента жалобу! С ума сойти чуть более ста километров от Москвы, а какая разница в работе ЖКХ дороги раздолбаны, общественный транспорт для деревень два раза в день — это что вымершие деревни, здесь школьники живут!?

— Надо было вам предки смотреть куда перебираемся как умные люди делают! — нравоучительно вставил Борис.

— Но дом большой, а дёшево и близко можешь в институт на электричке ездить. — оправдался отец, обращаясь к Борису и не дожидаясь возражений тотчас уточнил, — Если захочешь, конечно.

— Не захочу вставать в 4.30 и стоя ехать два часа в забитой работягами, прущими в Москву вонючей электричке! — с возмущением, пропитанным злобой, отрезал сын и ехидно добавил, — Ты мам хоть обпишись как родители близнецов во все инстанции сто раз писали и в Управление Президента тоже десятки раз! Спускают сюда в головную организацию в «МРСК Центра и Приволжья», а здесь свои своих прикрывают и отписки: плановые работы, аварии и прочая мудатень! Завуч и то добился только того, что проводка в гараже погорела, а к нему электрики не поехали, мол в доме не наше дело!

— Ты ни так понял! Сейчас для всех то, что в доме произошло их не касается только столбы, а так хоть сгори! Баба Анися так без дома осталась! Поправил ей Витёк проводку сгоревшую, да ни так и пока пожарные приехали, ещё и без воды почему-то тут уже в пруду брали, дом и сгорел! Вся деревня кто мог тогда вёдрами до пожарных час тушила, ну что вёдрами дом то деревянный! — запальчиво поделилась услышанным от Аллы Лика.

— Они что совсем с ума сошли? Бешенные деньги берут

за свет и всё дорожает, а электрика сам ищи?! — негодованию Клавдии Сергеевны не было предела.

— Да, мамочка это не при СССР! Теперь вместо одной три компании головная «МРСК Центра и Приволжья» офис за 80 км во Владимире, куда платить за 20 км в Петушках, там же кто устраняет только не в доме неполадки! Класс! Всё для малоимущих людей попробуй доберись старикам! Хорошо хоть дом с подведённым электричеством купили подводят теперь официально срок полгода, сотни документов согласовывают, чтобы разрешить гражданам им же платить! Страна дураков! — констатировал со знанием дела Борис, он ведь единственный всё узнал, после второго беспричинного отключения света в солнечный безветренный день.

Ругаясь на власти и между собой, Минаевы кое-как доужинали, подсвечивая себе мобильниками. Это выглядело комично в новой России, в 2018 году, но жителям Владимирской области выпавшим честь сталкиваться с глупой проблемой постоянно тяжело и обидно за себя и чуть-чуть за страну, в которой такое стало массовым явлением районов и областей в сельской местности.

— Говорю надо генератор покупать у всех почти есть тут! — голос Клавдии со злостью разрезал осточертевшую вынужденную темноту.

— Наш папан всё купит, но потом! Хорошо яичко к Пасхе это не про нас да пап? — вызывающе резко высказал Борис и как мог быстрее покинул семью.

— Я позвоню на бесплатную аварийную линию, — с явным нежеланием предложила Лика.

— А толку?! Опять ответят авария ждите! — Клавдия нервничала, невольно содрогаясь от мысли, а каково будет без света зимой, дом одна печь не нагреет недаром прежние владельцы провели третью фазу для электрического отопления осталось заменить котёл, но толку...

— В прошлый раз дали же свет через два часа...

— Что звонок меняет только нервы тратить, когда хотят тогда дадут свет! — прервала бляение дочери мать и жёстко добавила, — Беспредел полнейший! Идём те спать!

— Да и сеть опять пропала. — с досадой пробубнила Лика вставая вслед за матерью.

— Просто сумасшедший дом, а не область! — гневно заявила Клавдия Сергеевна, — Ведь рядом с Москвой и какая ужасающая разница с московской областью! Знала бы сроду не переехала! — адресовав последние слова мужу она, подсвечивая себе мобильным вышла из гостиной одновременно с дочерью.

— Сейчас правда авария! Вон какой ветрище! — вслед им пробурчал Роман Леонидович с полным ртом и прихватив бутерброд покинул гостиную как лунатик, выставив руки вперёд, так и не удосужившись забрать свой мобильник зарядиться-то было всё равно нечем.

Погода с неистовой силой, рвущая всё на своём пути, в течение последующего получаса немного успокоилась, оставив

миру весьма сильный и монотонный дождь. Время от времени ветер всё же проявлял свой нрав.

Стояла тёмная ночь. Стрелки часов неумолимо приближались к полуночи. Луна почти полностью скрывалась за облаками. Её безмолвный уход объяснялся, чёрными мохнатыми тучами, которые если вспомнить прошедший солнечный день, взялись невесть откуда и поглотили ночное светило. Ветер безжалостно срывал листья с деревьев, с невероятной силой бросая их в окна растворившегося во мгле новоприобретённого, старого дома Минаевых. Свет луны, с трудом выползавший временами из-за туч, еле еле освещал комнату, задерживаясь на бледном лице спящего двенадцатилетнего мальчика.

Алику снилось, что он бежит по кладбищу и видит перед собой только могилу старушки и её нарисованный портрет. Ему виделось, что портрет таинственной старушки, оживает прямо на его глазах. А он бежит, бежит, бежит и кадры сна, как в кино, сменяются снова и снова с невероятной скоростью, которая всё больше увеличивалась, оставаясь при этом одним и тем же видением, несущемся по кругу в зловещей пляске. Обычно в таких случаях, когда сон был слишком страшный, Алик старался проснуться, делая усилие выйти из сна.

Такое случалось и раньше, однажды Алик рассказал об этом Борису, но тот никогда не испытывал ничего подобного и не понял, о чём говорит брат. Тогда Алик рассказал ма-

ме. Оказалось, с нею, бывало, когда сон настолько явственен, как реальность. Ты видишь свою комнату, людей, входящих в неё, всё как наяву, но тебе страшно, кто-то невидимый давит тебе на грудь и ты, хотя и очень хочешь, но не можешь проснуться. Ты делаешь усилия раз за разом, слышишь всё, что происходит вокруг, задыхаешься, но не можешь проснуться. В конце концов, изрядно перепугавшись, ты всё же просыпаешься. Мама называла это сном наяву, но не смогла объяснить точно, сон это или явь. Мать поведала сыну, что однажды, во то время, когда Алик спал, она видела, что его глаза полуоткрыты. Алик подтвердил, что видел, как она читала, сидя рядом с ним, и это было правдой. Но определить точно, видел он мать наяву или во сне, они так и не смогли. Больше они не знали людей, испытывающих подобные сны, а прибегнуть к научной литературе, чтобы найти этому всему объяснение, у Клавдии Сергеевны, все как-то не доходили руки.

Вот и сейчас, Алик испытывал ощущение такого сна, когда очень стараешься, приказываешь себе проснуться, но никак не можешь. Только сейчас он видел не свою комнату, а... лик жутчайшего страха. Далеко не сразу, но мальчику всё же, удалось проснуться.

Но, проснувшись, Алик осознал, что проснулся он не благодаря своим усилиям, а от странного скрежета за окном. Шёл сильный дождь, и Алик отнёс скрежет, доносившийся из-за окна на игры непогоды. Но скрежет становился всё

явственной, всё назойливее и звучнее. Мальчик осторожно слез с постели и на цыпочках подкрался к окну, чтобы убедиться, что это всего лишь какая-нибудь застрявшая в раме ветка и тогда снова можно будет постараться уснуть.

За окном шёл дождь, и никого, разумеется, не было на расстоянии видимости позволенной ночью. Кроме дождя, ничто — ни ветви деревьев, которые плотно окружили дом — ничто другое, не касалось окна. Хотя бы какой-нибудь листочек приклеился к стеклу, но и такого не было, а нудный скрежет продолжался.

«Ну не может же дождь, производить такой звук?» — подумал Алик и тщательно прислушиваясь. — Наверно, это где-то в комнате мышь проказничает или... Точно дом то старый, здесь наверняка полно мышей, и даже крыс! Хотя, в столь длительном отсутствие хозяев, чем они здесь питались?! Нет, всё это глупость, ведь явственно слышно, что скрежет идёт по стеклу. Вот он... как громко! Ребята дурачатся?! Обидно, проспорили! Макс, подлец этакий! Ну, я тебе покажу выпендрёжник!»

Алик с решимостью, но всё же осторожно приоткрыл окно и выглянул, внимательно оглядывая стекло. Нет, никого! О! Скрежет, как будто прекратился. Алик постоял, вглядываясь в темноту. Холодные капли дождя, попадали ему в лицо, но Алик не обращал на это внимания. Он не боялся, ему просто было любопытно. И вдруг, скрежет начался снова. Прямо вот он, рядом-словно железом по стеклу. Но ничего и ни-

кого не видно! И тогда, Алик сам не зная почему, испугался. Он ничего не видел, а звук явственно шёл. И тут, глядя на вторую половину стекла, мальчик заметил сквозь струившуюся по стеклу воду, поперек идущий след. Как будто след от человеческой руки оставался на стекле и именно оттуда слышался скрежет. Но ничего и никого не было видно, только этот след по воде.

Алик не на шутку испугался и поспешно захлопнул окно. Он принялся судорожно задвигать оконные шпингалеты, которые были в изобилие на старых толстых рамах, как будто кто-то ранее, уже готовился здесь к осаде.

«Ну, ты и перепугался трус этакий! Ведь никакого букета васильков, когда ты вышел к ребятам, на крыльце не было! Да, уж Лика с мамой наверняка бы заметили васильки, они любят цветы, особенно выросшие на природе и не упус...» — Алик не закончил свою приободряющую мысль потому, что услышал чей-то голос...

Глухой голос шёл откуда-то снизу, голос, напоминающий тот причудившийся мальчику смех на кладбище, такой же глухой, но более низкий:

— Отдай мой рушник, Альберт! Я пришёл за ним!

Алик в ужасе отпрянул от окна и упёрся острыми лопатками в холодную, белую стену комнаты. Больше он не слышал ничего. Голос не повторился.

«Чёрт, это же плод моего воображения! Ну и ты фантазер Алик!» — мысленно обругал себя мальчик.

Но, вновь неожиданно возникший явственно скрежет разорвал монотонный шум дождя, и Алик осознал, что всё это не плод его воображения, а действительность.

Алик осторожно прокрался в постель, не отрывая взгляда от окна, бесшумно, как разведчик в засаде, лёг натянув одеяло до самых глаз. Мальчик, не отрывал полного ужаса взгляда от чёрного окна, за которым, словно слёзы лился дождь, но зловещий скрежет продолжался. Съедаемый страхом, он сам не помнил, сколько он так пролежал, вглядываясь в темноту за окном, прежде чем, укрывшись одеялом с головой, попытался ничего не слышать, но и сквозь одеяло, он слышал, этот странный скрежет по стеклу.

Лишь, когда начало светать и на деревне пропел первый петух, оповещая о начале нового дня и жизненный клич птицы слабо, но донёсся до дома Минаевых, тогда прекратился этот зловещий скрежет. Ночной кошмар прекратился. Алик с удовольствием погружался в пелену так желанного сна, затягивающего его оголённые нервы. У родителей прозвенел будильник и как всегда первой Клавдия вышла навстречу новому дню из супружеской (тоже уже отделанной) спальни, а Алик смог только что заснуть.

Утро было весёлым, солнечным и как всегда после дождя, очень свежим. Крупные капли дождя, ещё висели на сирени, черемухе и акации, которые, плотным кольцом, обступали дом со всех сторон. Клавдия Сергеевна открыла все окна в гостиной. Благоухающий аромат наполнил весьма простор-

ную и всё-таки из-за узких окон, выходящих на север (свет с улицы в которые к тому же перегораживала буйная зелень деревьев), сумрачную комнату. На большом, круглом столе, без скатерти или клеёнки (Клавдия не любила клеёнки, которыми всегда пользовалась её мать, Клавдия считала это деревенщиной) дымился завтрак: цельная, разварившаяся картошка с малосольными огурцами, а хочешь с майонезом. Вся семья была уже в сборе, не было только Алика.

— Борис, сходи позови Алика. Вчера он не ужинал. Сегодня, когда я заглянула к нему в комнату, он спал, как убитый! Что с ним происходит?! — с тревогой произнесла мать, накладывая в тарелки членам семьи, весьма скромную пищу.

Борис хмуро поднялся из-за стола. Настроение Бориса всегда, когда семья садилась за стол, было поганым, точнее сказать в его душе, плакалось униженное достоинство. Да, и как же иначе могло быть, у честолюбивого парня, если последние четыре года, семья день за днем, получала на завтрак, обед или ужин, набор в виде: картошки, макарон, каши из геркулеса или риса и рыбные консервы. Причём, консервы были одни и те же любимые папочкой, макрель или тунец в масле, а Борис находил кости тунца, излишне жёсткими и предпочитал больше горбушу, шпроты или камбалу, килька в томате и то вкуснее было бы приевшейся любимой папой рыбы. Но подаваемая на стол скудная пища в семье Минаевых, уже много лет была ориентирована на вкусы отца. Изредка еда семьи дополнялась яйцами и сардельками.

Ещё, благодаря бабушки, матери Клавдии Сергеевны на столе Минаевых почти круглый год были варенья и прочие заготовки этой уже старой женщины, а в летний период бабушка, когда приезжала в гости всегда привозила овощи и фрукты. Ну и конечно в рацион семьи входил хлеб. Папа охотно ел бутерброды из белых батонов со сливочным маслом, маргарином, вареньем или майонезом. Мать предпочитала намазывать куски чёрного хлеба, чем-нибудь поострее, например горчицей или кетчупом. Но и бутерброды делали, как правило, только те, которые любил отец. Хорошо хоть хлеб ели не только любимый папочкин — белый, мама боялась от белого потолстеть, за свою фигуру Клавдия инстинктивно ещё боролась. Хотя, если честно, животик у Клавдии Сергеевны давно обвис и стал предательски выпирать из-под облегающих маек и футболок, по этой причине она стала носить просторные. Да и вес Клавдии Сергеевны немного, но возрастал с каждым годом и всё из-за того, что, спровадив детей в школу, она от безмолвного одиночества пристрастилась навещать холодильник, ведь даже если муж находился дома, он предпочитал общению с женой молчаливый просмотр телевизионных новостей.

Особенно от такого скудного рациона страдала Лика, так как она была вегетарианкой (как, впрочем, когда-то в далёкой молодости её мать) и, хотя девочка ела молочные продукты и яйца, рыбу и мясо она не ела по причине своих нравственных убеждений, твёрдо считая, что животных убивать

нельзя.

Мать не замечала, или делала вид, что не замечает, недовольство старшего сына. А может, она считала еду мелочью жизни, так как, всю жизнь недоедала, следя за своей фигурой и ей недовольства сына едой, было попросту не понять.

Борис поднялся в комнату Алика и увидев брата крепко спящим, морщась, подошёл к нему и как следует потряс за плечо. Борис, насмотревшись на любимое занятие отца поспать, (в том числе и днём), возненавидел дневной сон. Ему претила дрыхнувшая рожа брата, он даже позабыл, что Алик, как и их мать, всегда был самой ранней пташкой в их доме.

— А?! Что?! — Алик вскочил как очумелый и сел на постели тараща испуганные глаза на Бориса.

— Давай, спускайся на завтрак, все уже внизу! — Борис вышел из комнаты, так и не заметив, испуг младшего брат.

Вскоре Алик вошёл в гостиную. Он выглядел ужасно — бледный, тёмные круги под глазами. Алик, как-то излишне осторожно сел за стол, словно больной, прошедший с тяжелой болезнью немало времени в больнице и вернувшись, домой, не знающий как ему жить дальше, с чего начать, поотвыкший от своих любимых родственников. Клавдия Сергеевна, сразу же заметила перемену в весельчаке и неутомимом оптимисте Алике, но ничего не сказала. Мать, попросту ощущала себя усталой и её сознание парализовали чувства панически боязни перед известиями о новых проблемах. Отец не заметил состояние младшего сына. Роман Лео-

нидович редко обращал внимание на душевное состояние членов своей семьи.

— Алик ты заболел? — спросила Лика, с искреннем участием, она ещё не научилась бояться грядущих проблем.

— Ничего... — невнятно, после паузы пробормотал Алик, словно очнувшись от транса.

— Ну, Алик и вид у тебя сегодня! — продолжила Лика, всё-таки получившийся разговор, — Ты, наверно переспал дружище ведь ты ещё не умывался, плут?!

Алик ничего не ответил. Мальчик, не притрагиваясь к еде, понуро сидел за столом. Его порция душистой, деревенской картошки неумолимо остывала. Лишь заметив косые взгляды матери и сестры чтобы избежать дальнейших расспросов мальчик принялся насильно запихивать пищу себе в рот, есть нисколько не хотелось.

Борис выводил старенький мотоцикл из сарая, в общем-то, заново сооруженного Минаевыми. Гаража в этом доме не было. Когда стало очевидно, что их старичок «Жигуль», надорвавшись стройматериалами (отец экономил на всём, разумеется, и на доставке тоже) серьёзно и надолго сломался Клавдия Сергеевна не выдержала. Она настояла купить подержанный двухколесный мотоцикл «Урал», продаваемый местным пареньком, уходящим скоро в армию. У родителей права были только с категорией В на легковой автомобиль и водить мотоцикл они не умели и скорее побаивались тоже. Алику в силу возраста мать не разрешала хотя

тот и горел желанием научиться водить. Лика к мотоциклу была безучастна, вот так и выпало стать, по сути, владельцем мотоцикла Борису, имеющими и водительское удостоверение с категорией А, а главное трезвую, степенную голову. Если быть точнее юноша ко всему подходящий с максимализмом отучился и сдал сразу на три категории легкой автомобиль, грузовой и мотоцикл вдруг пригодится в жизни так считал рассудительный не по годам Борис.

Хотя, Борис к мотоциклам был равнодушен, а тем более к старым железкам, он предпочитал классные тачки, престижные иномарки, достойные настоящего мужчины. Но переться за продуктами за шесть километров пешком или завесить от приезда автолавки, да и то всё со скудным ассортиментом перспектива унылая. А уж ехать за хозяйственными и прочими покупками в город, расположенный в сорока километрах или райцентр в десяти, было куда сподручнее на мотоцикле, нежели чем на автобусе, курсирующем всего два раза в день.

Мысленно Борис благодарил мать, всегда проявляющую бытовую смекалку и облегчающую жизнь их семьи. Главное не забыть, что наказала мать Борису купить (помимо продуктов) с два десятка всяких хозяйственных «мелочей»: начиная от гвоздей, клея для обоев и кончая сучкорезом. Хотя Клавдия Сергеевна и бумажку дала с перечнем покупок, Борис тренировал память, он даже в быту старался извлекать пользу для самосовершенствования.

Лика уже ковырялась во дворе готовя под перекопку за-

росший палисадник, в котором из цветов удалось выжить синим сентябринам не смотря на поливку женщинами имеющим чахлый видок, но цвели и радовали. Земля под цветами была ещё по приезду взрыхлённая матерью любительницей всех цветов и лечащий цветы до конца если они заболели. Дочь, ярко вспомнив как мама оперировала загнивающие кактусы вырезая гниль ножом для обоев и присыпала раны активированным углём нежно улыбнулась. Всё-таки ей удалось спасти ребёнка от кактуса из тех гибридов с красной или жёлтой яркой искусственно выведенной головкой кончающих свои жизни её гниением. Вернее, мать засыхая выдала тонюсенького полностью зелёного длинненького малыша. После пяти неудачно спасаемых кактусят Клавдия Сергеевна таких милых её сердцу, напоминающих грибочки с шляпкой больше не покупала.

Сейчас как раз Клавдия поливала цветы с нежностью поглядывая на пересаженного спасёныша. Он вытянулся немного, но был пугающе хрупким своей тонкостью. Жена спешила выйти во двор и заняться работой может так муж едва она за завтраком завела речь о планируемой вскопки палисадника и огорода взбрыкнул и ушёл отсыпаться. С таким поведением супруга Клавдия уже встречался сотни раз и но ничего не могла с собой поделатъ, день летел насмарку, настроение превращалось из любого в хлам, руки опускались и оставалось одно делать запланированное через не могу с сжигаемой душой и организм досадой, смещенной с

презрением и злостью. Поднять на работу заупрямившегося мужа, это всё равно, что сдвинуть с места гору и последние лет десять она перестала приводить ему доводы что надо, что хорошая погода, что все давно сделали и прочее понятное всем, но бесполезное упрямцу.

Алик, что было при присущем ему всегда трудолюбию, со всем на него не похоже, понуро сидел на крыльце с лопатой в руках. Он вышел из дома минут десять назад собирался перекапать огород под зиму с отцом, но по произошедшей неожиданности, теперь вместо отца.

Пели птицы, весело и беззаботно. Прекрасные голоса птиц, вселяли в людей оптимизм и желание жить и действовать. День обещал быть жарким. Солнце уже припекало землю, ещё влажную после дождя, выжимая из неё пар.

Определять голоса птиц из семьи Минаевых могла только Лика, страстно любящая природу, но сейчас ей этого не хотелось у неё тоже портилось настроение от семейных неурядиц, и она механически проделывала свою работу. Вот гад тот человек, который своим несуразным поведением портит жизнь других, подлец! Из минут, настроений и складывается картина жизни удачной или нет из её течения, а не обладания чем-то материальным или кажущемся значимым.

Алик задумчиво смотрел, как старший брат тщательно готовит мотоцикл для предстоящий сорокакилометровой дороги в город. Когда брат был сосредоточен на деле не переносил если ему мешали, но он же сразу и поедет. Но когда

тогда потом будет поздно... Да и последнее время старший брат был вообще на взводе. Борис, зная как старый умирающий дом сжирает деньги весь извёлся от злости на отца и отчасти на мать и ещё бы всё шло к тому, что о коммерческом курсе в институте придётся забыть или заработать. А деньги-то были на черта было руины покупать, да ещё в глуши и совсем спятить — НЕ ГЛЯДЯ ДОМ! Вот она жажда урвать подешевле всегда боком выходит! Они что взрослые не знали?!

Алик поднялся с крыльца аккуратно пристроив лопату к перилам чтобы не упала и нерешительно направился к брату.

— Борис... — робко окликнул брата, склонившегося над мотоциклом, Алик.

Борис поднял на него раздраженный взгляд, с неохотой отрываясь от мотоцикла, мотор которого пыхтел, похрипывал, выдавал сизый дым и угрожал Борису остановкой в пути. Борис в технике не очень-то смыслил, во всяком случае послабее отца, но гордость не позволяла ему пойти и попросить отца посмотреть мотоцикл, ведь отец, опять во всём обвинит мать, настоявшую на покупке мотоцикла! Отец всегда находит виновного. А, скажите, какой они ещё могли купить мотоцикл?! Уж о машине, даже поддержанной никто и речи не ведёт! Те слёзы, а не деньги, которые остались берегли на новый электрокотёл, водонакопительный бак и прочие хоз. нужды без которых никак. Лучше никакого транспорта?! Лучше переть тяжёлые сумки с продуктами из города

на автобусе, чем отец лишний раз поковыряется в мотоцикле. Доказывать отцу, что своих родных нужно беречь было бесполезным делом. У отца, напроочь отсутствовало чувство самца, мужчины, защитника семьи, а в таком случае доказать жизненную правду невозможно!

«Вот тебя псих, мне только и не достает!» — подумал Борис, а вслух отрезал:

— Мотоцикл?! Не получишь!

— Не... Знаешь, что... — тихо произнёс Алик и снова замолчал, с удовольствием, сам того не замечая, вдыхая выхлопной сизый дым он любил технику, любую технику, даже старую.

Встав с корточек, Борис, как он не был раздосадован на свою жизнь, всё же заметил, что его брат печален. Почти так же печален как тогда, когда умер их прадедушка или приходилось хоронить умирающих в их семье собак и кошек, которых раз за разом подбирали с улицы мать и сестра и давали бездомным животным приют в своем доме. Перед переездом сюда они похоронили очередную собаку Находку (кличка перешла от предшественницы, найденной больной на улице, вылеченной и прожившей в заботе и любви до старости у Минаевых), взятую Ликой из живодерни и из-за отлова с улицы путём усыпления дитилином получившею цирроз печени, болезнь увы вылечить не удалось.

— Ну что ещё у тебя?! — Борис даже удивился печали младшего брата, ведь вроде ничего такого не произошло, ма-

ло того тот обиделся за его матерную выходку в беседке и стал сторонится Бориса. Алик как мать и сестра не любил, когда кого-нибудь обижали. — Рассказывай! А то мне пора! — Борис хотел посетовать на тарахтелку, но лишь нетерпеливо махнул рукой, — Говори быстрее! — голос старшего брата прозвучал повелительно, а главное он впервые после того, как младший брат ослушался говорил с Аликом без злости.

— Понимаешь... Да нет, ты не отвлекайся... — пробормотал нерешительно Алик и снова запнулся.

Борис пожал плечами:

— Что тут можно налаживать?! Налаживать давно пора нашу семейную жизнь! — Борис говорил вполне серьезно с двенадцатилетним мальчиком, говорил о серьёзном и так, как Борис редко, вот так, всерьёз о жизни говорил с младшим братом, то Алик приободрился и доверился.

— Понимаешь... — Алик все же опять запнулся, уж слишком щекотливой была тема.

Алик боялся насмешек Бориса в тысячу раз больше, нежели зубного врача. Он опасался, что старший брат его не поймёт, но не хотел пугать маму и сестру, а больше ему довериться было не кому. Ему нужен был ответ, а отец, он вряд ли хотя бы выслушает сына до конца, особенно если смотрит телик, к примеру, его любимый футбол или бокс. Да и если выслушает, совет его может быть таким, сам виноват сам и расхлебывай.

Алик мысленно подхлестнул себя и, глядя в землю, тщательно стараясь, чтобы его сообщение прозвучало обыденно, без тени испуга или тревоги, быстро проговорил:

— Ночью я слышал за окном, с улицы какой-то голос, который сказал мне, что он пришёл за своим рушником.

«Ну вот! — подумал Борис, с досады уронив гаечный ключ в мокрую траву, — Я считал, что он смелый, смелее меня, а ему уже, кошмары представляются! Глупый он ещё, вот и попёрся на кладбище, а не смелый! Упрямец, в стиле отца! Только у каждого свои тараканы и свой скелет в шкафу!»

Борис отыскал ключ. Алик молчал, по-прежнему «изучая» землю.

— Вот что! Забей пока! — уверенно сказал Борис, оседлав, дрожащий всем своим железным телом мотоцикл и по свойственной ему скрупулёзности ещё раз проверил, хорошо ли прикреплена большая спортивная сумка на багажнике, — Завтра днём мы отнесём этот рушник назад! Только без женщин, ты понял?! Ну и повзрослей, наконец, Алик! Пойми, глупо это всё! Весь твой выпендрёж, яйца выведенного не стоит! В жизни есть много занятий подостойнее, где требуется отвага! Например, твой хоккей! Вот и отважничай на поле! И тебе на пользу и родным не стыдно! — выдав нравоучения старший брат ободряюще стукнул по плечу понурого младшего братца, и повёл мотоцикл навстречу косоватой калитке.

— Ма! Я поехал! Алик, запри за мной калитку! — громко крикнул Борис.

Клавдия Сергеевна явно ждала из открытого окна донёсся крик:

— Бабушке обязательно позвони с почты если так не словит! Скажи связи почты неделю нет! Пусть не волнуется у нас всё хорошо. Не забудь спросить, как её давление и вообще здоровье! Обязательно узнай, как Барсик, Мурка и Мяукало дружат с Бозиком?! Скажи, чтобы ни в коем случае не выпускала на улицу, потеряются! И Бэка только сама выгуливала! Молока не забудь у местных слишком жирное для меня! Не больше полутора процентов! Посмотри безлактозное вдруг найдёшь! Пион хоть один привези! Саженьцы на рынке продают! И чеснока под зиму и...

— Мам! Ты всё мне написала же! Помню! — не оборачиваясь излишне резко оборвал монолог писательницы сын и тихо, но язвительно констатировал, — Чёрта лысого, а не безлактозного тут найдёшь!

— Про хвостов и бабушку не писала же! — возмутилась мать.

— Зато сто раз сказала! — обозлился сын, день уже испортили родственнички.

Но уже отъезжая от дома, на грохочущем мотоцикле, навстречу дыханию осени, неумолимо пробирающейся сквозь солнечный свет лета, Борис успокоился и невольно смутившись подумал:

«А всё-таки, смелый сорванец! Себе что врать не в травме было дело и ни в том, что я вряд ли смог бы стать известным хоккеистом, ведь мне нравился хоккей! Настоящая причина в моей трусости! Да, погано! После травмы выходя на лёд, я трясся и не смог победить свой страх! Эх, жизнь зараза она всё-таки, коль так вот награждает людей! А этот?! Молоток! Но умом ему меня никогда не обойти, хоть в сто лет!»

Если бы уезжая, Борис оглянулся, он бы увидел растерянного, потерявшегося мальчика, понуро стоявшего с опущенной головой, посреди медленно увядающей зелени, у странного старого дома, один только вид которого говорил, что дом хранит тайну, которая известна разве что приведением, непременно обязанным жить в нём.

Одинокая фигурка мальчика выглядела так беззащитно в этом радостном мире жизни. Над этим миром ярко светило солнце. Пели или чирикали, а какая, в сущности, разница, главное весело щебетали птицы. Аромат, исходящий от благоухающей после дождя природы, навевал лишь мотивы радости жизни. Но радость давно покинула этот мрачный дом. А существует ли вообще в мире людском радость, а не её иллюзия?!

Мать увидела и сердце чуткой женщины сжалось. Тот час в таких случаях подступало прошлое с тягостью за проделанные ошибки. Но в этот раз она его отогнала слишком много было несделанного, а денёк выдался погожий и Клавдия наспех допиливала цветы, даже опрыскивание оставила на ве-

чер так спешила поскорее приняться за работу на улице.

Преодолевая путь навстречу слепящему солнцу среди полей начавших увядать в своей красе к осени, Борис, омываемый свежим ветром, немного успокоился. Бытовые проблемы отступили прочь, и он наслаждался созерцанием почти первозданной природы, если не считать вдали в поле высоковольтных столбов и никогда не побывать в девственных лесах и полях коих в России вряд ли сыщешь разве что в тайге. Медленно катя к деревни подставляя ласковому ветерку лицо Борис перестал даже раздражаться на тарахтение мотоцикла, извергающего сизый дым. Наедине с природой на такие мелочи многим уже плевать.

На полпути он различил в солнечном дрожащем мареве поспешно шествующих от деревни близнецов. Прибавив газу, он быстро подъехал к ним. Картина была трогательная, мать точно прослезится. Вадим вёл синий велосипед, блестящий как новенький с металлической корзинкой впереди в которой лежали в двух аккуратно завязанных целлофановых пакетах какие-то мелкие светло коричневые семена и картонная коробка, чуть приоткрытая с крупными головками чеснока таких, Борис никогда не видел и головки посевного лука в завязанных в женские капроновые чулки почти москвич едва сдержал улыбку. К багажнику велосипеда надёжно была прикреплена большая картонная коробка в ней голубой эмалированный таз, а в нём выкопанный с большим комом земли какой-то цвет. Борис в цветах не разбирался и

по листьям отличить не мог, но возрадовавшись что теперь на рынок заезжать не надо, спешившись воскликнул:

— Привет снабженцам! Ни фига себе всё из дома унесли!? — но заметив, как подбоченилась Алла, тут же поправил положение, — Не уж то пион маминой мечты!?

Близнецы ответили одновременным приветствием. При этом уже вспотевший Вадим шумно выдохнул и, к удивлению Бориса, привыкшего пользоваться бумажными салфетками, извлёк из кармана длинных болотного цвета шорт белый носовой платок с голубой каёмкой и вытер капельки пота со лба. Борис подметил (ещё с уборки капусты) что когда Вадим занимался физическим трудом обязательно одежда имела нашивные карманы, что защитного цвета брюки тогда, что шорты сейчас, всё необходимое в работе было при нём как наверняка и в походе в лес за грибами. Запасливый хозяин, однако, этот с виду тихоня, слушавшийся даже сестру. Борис не только оценил, но и почувствовал уважение к привычке Вадима, ведь он и сам старался быть расчётливым, пунктуальным, запасливым.

Алла в белой косынке выглядела как заправская хозяйственная женщина и подойдя к багажнику объяснила:

— Нет это Ирис папа стал выкапывать раньше срока сильно разросся, а мы планируем продлить делянку по баклажаны.

Лицо сникшего Бориса очевидно сказала само за себя и его мысли как потактичнее намекнуть будет ли пион девуш-

ка словно прочла.

— Пионы, георгины много чего папа на машине подвезёт пусть Клавдия Сергеевна не переживает. Этого добра хватает цветы всегда разрастаются за лето, и мы раздаём. Просто рано ещё по осени сажают в конце октября.

Борис всем нутром ощутил не сказанное облегчение ещё бы рынок в районе толкучка мотоцикл толком пристроить негде все закупаются сейчас. От внимательной Аллы и это не ускользнуло:

— Мама тоже любит цветы так что не пропустите! — и с открытой улыбкой радушная девушка добавила, — Семенами обеспечим вам надо ещё к местности привыкнуть.

Борис смутился таким провидением девушки и торопливо оправдался:

— Мама уже сейчас заказала на рынке пион купить.

— Рано. Плохо приживаться будет, а то и погибнет. Вообще на рынке саженцы так себе земли в них мало, а чем больше родной земли, тем лучше.

— Спасибо! Как бы мы без вас! Мать и нашем доме накупала много, а в итоге урожая ни фиги считай и цветы много не всходили.

— Тут надо к местности привязку учитывать. Если по книгам и инету не прокатит. — вставил Вадим.

Сестра укоризненно посмотрела на него, сленг в семье хороших педагогов не приветствовался. Борис хотел ухмыльнуться и этого пият, но вовремя передумал рисковать вы-

годой он никогда не хотел поэтому сделав вид что торопится оседлал мотоцикл:

— Ладно. Ещё раз спасибо! Мне ехать надо! Расскажите обязательно маман, а то у нас столько денег в трубу на посадки!

— Замётано! — выдал Вадим и тотчас получил шутливый подзатыльник от сестры.

Дружные близнецы продолжили путь к старому дому, а Борис в весёлом настроении к деревне словно посапывающей в солнечном мареве счастливого кому-то дня, а кому-то нет.

На подходе к дому Минаевых Вадим ведший велосипед позади сестры воскликнул как ребёнок:

— Смотри журавль!

— Вижу я от реки к лесу к озеру летит!

— А ты говоришь, что у них в этом доме всё плохо сложится! — брат поспешил и поравнявшись с сестрой понял, даже не заглянув к ней в лицо что она разочарованна в его словах и замаявшись добавил, выправив то, что хотел сказать раньше, — Журавль над их домом пролетел такое ты встречала?!

Но Алла всё поняла сразу и провожая улетающего журавля взглядом полным романтики, но с нескрываемой иронией отчеканила:

— Эзотериков читаешь или сплетней бабок набрался?

— А то ты приметы не знаешь! — обиделся Вадим и ото-

рвав наконец завороченный взгляд от журавля, превратившегося в тёмную точку на ясном небе, обогнал сестру и первым решительно толкнул калитку.

— К хорошему инет выдаёт если весной! — крикнула Алла вдогонку и глядя вдаль в которой растворился одинокий журавль тихо с благодатью добавила, — Всё равно к хорошему.

На выезде из деревни Борис начал встречать грибников, возвращающихся с благородными грибами и это, ещё больше подняло ему настроение.

«Надо матери рассказать вот обрадуется! — размышлял парень, замедлив движения мотоцикла так, чтобы можно было разглядеть содержимое большущей корзины на ремне через плечо у пожилого коренастого мужчины в ветровке и штанах защитного цвета с загорелым мясистым счастливым лицом под походной шляпой и ведра до верху, наполненного подберёзовиками, подосиновиками, белыми грибами, — Да здесь действительно грибные места не преувеличили близняшки! Все будут плясать от счастья кроме папашки ему и грибы собирать в лом почему так? — А почему вот с ней так одна вышла из леса и идёт не в деревню, а к трассе неужели в район продавать так это же десять километров только по трассе мать честная! — юноша догнал и перегнал жилистую женщину в сапогах и драных трениках с пластиковым голубым замызганным ведром полным белых грибов и в целлофановом пакете «Пятёрочка тоже были грибы, не удержав-

шись он оглянулся хотя осознавал что и спереди не разглядит содержимое пакета грибницы-продавщицы лет шестидесяти судя по опухшему лицу любительницы беленькой, — А как тут не спиться совсем народ за гранью нищеты довели воры да толстошкурые никакими бедами ни прошибешь! Уже повторяешь слова матери? Всегда же призраил алкашей наркот слабаков!? Становишься сентиментальным? Ха! Рановато стареешь! — внутренний голос в минуты одиночества всегда «завязывал» дискуссию переходящую в спор, навстречу ехали велосипедисты скорее всего молодая пара с корзинами на заднем багажнике, у женщины была сетчатый-багажник для покупок спереди полно грибов, у мужчины даже на руле висело пластиковое ярко красное ведро и что бы грибы не выскочили из-за ухабов молодые сверху завязали ёмкости пакетами какие грибы видно не было кроме сетки но уже и так понятно улов у молодых ухоженных любителей тихой охоты был ещё тот. — Хотя вот такие не сопьются оптимисты или молодые пока я тоже пока оптимист или останусь?!» — Борис мотнул головой отгоняя мрачные мысли всё чаще навещающие его со своей давящей философией жизни и ускорился главное вот они грибы пошли, и он привезёт своим радостную весть.

Минаевых близнецы застали за работой. Роман Леонидович и Алики капали землю в огороде соток двенадцати освобождённом от многолетнего бурьяна, но корневища сорняков так укоренились что их приходилось выдёргивать рука-

ми и отряхнув складывать в полиэтиленовые мешки для мусора. Мужчинам повезло что земля песчаная, но тем не менее работа была тяжёлая и даже с Борисам начав капать эту пустошь вчера они не осилили и половины. И всё из-за отца откладывающего, как всегда, работу на потом. Теперь Алику было стыдно перед Ткачёвыми они принесут горчицу сидериты в общем сажать, а земля не готова.

Лика с Клавдией Сергеевной возились в палисаднике, в котором уцелели только сентябрины, хотя цвести им предстояло лишь с середины сентября Клавдия любительница цветов их холила и лелеяла. Но сейчас женщины возделывали землю под обещанные Аллой цветы. Мать ручным культиватором «Торнадико» силилась вытащить сорняки, а дочь отложив свою лопату помогала ей руками обе были в перчатках с зелёным напылением которые мало спасали от грязи так что Клавдия ещё под них одела и бельевого, но дочь оказалась неудобно и жарко. Аккуратные мать и дочь всё же изрядно измазались (у Лике даже на лице был песок), но выглядели радостными, как всегда, когда работа кипела в пользу семейного благополучия или благоустройства семейного гнёздышка.

Едва увидев такое обращение с недешёвым культиватором, которым пользовались, и женщины Ткачёвы бережливая и практичная Алла воскликнула:

— Вы сломаете его! Слишком большие сорняки!

Клавдия Сергеевна вскинула руку в знак приветствия и по

детски извиняющимся, и в то же время предвосхищающим удивление пролепетала:

— Не... Моё ноу-хау не капаю поддеваю как сапёр, а Лика вытаскивает потом капаю.

Женщина светилась от радости своей задумки. Алла показала головой и широко улыбнулась, глядя на три почти полных мешка сорняков, вырытых женщинами с такого маленького клочка земли. И тут же деловито обратилась к здоровящемуся со всеми брату:

— Так Вадик снимай пион его надо сегодня же посадить рой яму ты знаешь размеры. Вот горчица сажать что бы до заморозков взошла затем, перекопать! — подавая пакет хозяйке Алла заметила мелькнувшее удивление на лице Клавдии Сергеевны и тотчас пояснила, — Обогащает землю кислородом и микроэлементами! Ежегодно надо сажать! — крупные ранее не виданные как оказалось и женщинами Ми-наевыми головки чеснока в капроновом чулке передавая тоже хозяйки девушка так же снабдила напутствиями, — Чеснок надо сажать когда погода напомним что скоро заморозки чтобы не взошёл! — хозяйки выглядели слегка удивлёнными вопрос когда всё же не успел прозвучать, деловитая Алла предугадывала прямо таки неопытных огородников и передавая головки лука в чулке продолжила напутствовать, — В середине короче во второй половине октября. С ним и лук, но лук и весной можно мы сажаем под зиму ради ранних витаминов, потому что теплица пока одна под помидоры, пер-

цы и баклажаны. В прошлом году мы сажали шестнадцатого, в позапрошлом двадцать второго по погоде поймёте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.